ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ VIII — 1870.

КНИЖКА XI.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи А. Г. Сыркина,
Большая улица д. Родкевичевой.

1870.

Дозволено цензурою. 16-го Декабря 1870 г. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ"

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1871 ГОДУ.

(ДЕВЯТОМЪ).

Я принялъ на себя изданіе „Вѣстника западной Россіи" въ самую трудную для него эпоху. Вызванное личнымъ сознаніемъ долга и настояніями людей русскихъ, его продолженіе потребовало отъ меня различныхъ самопожертвованій, помогшихъ мнѣ пережить кризисъ Вѣстника настолько успѣшно, насколько то было возможно въ его недугѣ: прежніе его сотрудники сочувственно откликнулись на мой призывъ, журналъ, позволяю себѣ думать, сдѣлался содержательнѣе и скоро войдетъ въ свои нормальные сроки,—надѣюсь, при помощи Божіей и содѣйствіи добрыхъ людей, поднять его уровень далеко выше.

„Вѣстникъ западной Россіи" будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, граждан-

ской и народобытовой исторіи западной Россіи, ст
на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлен
скомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясне
нятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, кот
на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ н
примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго б
вовъ,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся
исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ,
шихъ въ западной Россіи,—свѣдѣнія о церквахъ, м
учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое
описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями.
будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по
чественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ запа
и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—
ніе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе,
няемыхъ печатно недругами нашего отечества,—обличе
всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣм
правлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости наш
народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдован
сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи
шедшею исторіей,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянск
нахъ вообще и въ особенности о племенахъ, прина
прежде къ Россіи, о русской грамотности и распрос
въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя
нія и мѣстныя административныя распоряженія, касак
областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ ж
газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россі
графическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и
имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и ра
статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ ру
выхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи, объявленія и

„ВѢСТНИКЪ"

будетъ выходить съ января мѣсяца книжками, около 12 листовъ обыкновенной печати.

Подписка принимается:

ДЛЯ ВИЛЬНЫ—у книгопродавца *А. Г. Сыркина*, на Большой улицѣ, домъ Учебнаго Округа.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера „Вѣстника", книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ [illegible].

ВЪ МОСКВѢ—у книгопродавца *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Иногородные благоволятъ адресоваться прямо и *исключительно* въ редакцію „Вѣстника западной Россіи", въ Вильнѣ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЮ:

Въ *Вильнѣ* 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 8 рублей. Для сельскаго духовенства и волостныхъ правленій годовой экземпляръ „Вѣстника" уступается за 6 руб. съ пересылкою. Принимается подписка и на полгода, но только *съ непремѣннымъ* условіемъ высылки денегъ въ маѣ и на 2-е полугодіе. Адрессы прошу писать какъ можно разборчивѣе.

Для избавленія меня отъ рисковой затраты капитала, прошу покорнѣйше желающихъ выписывать мое изданіе *ускорить подпискою*.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ**.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА" ВЪ 1871 ГОДУ.

Большинство читателей „Виленскаго Вѣстника", какъ мѣстные жители, близко знакомы со всѣми требованіями и условіями общественной жизни Сѣверо-западнаго края и потому ясно понимаютъ характеръ и содержаніе нашей газеты, вытекающіе изъ сущности всѣхъ этихъ условій. Для такихъ читателей мы не имѣли бы надобности излагать програму, или говорить о дѣйствительномъ значеніи „Виленскаго Вѣстника"; притомъ, редакція, составившаяся въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года, имѣла случай объявить програму, которой неизмѣнно была слѣдовать, и затѣмъ, въ серединѣ года, представила своимъ читателямъ отчетъ о достигнутыхъ ею результатахъ. Но, обращаясь къ большинству читателей, разсѣянныхъ по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, и къ нашей читающей публикѣ вообще, считаемъ долгомъ опредѣлить содержаніе и направленіе „Виленскаго Вѣстника."

Програма нашего изданія допускаетъ всѣ элементы обыкновенныхъ политическихъ газетъ и, подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ требованій жизни, „Виленскій Вѣстникъ" сдѣлался газетою политическою, въ обще-принятомъ смыслѣ.

Группируя всѣ статьи, помѣщенныя, въ теченіи настоящаго года, по принятымъ въ нашей газетѣ рубрикамъ, получимъ, какъ выводъ, что програма „Виленскаго Вѣстника" слѣдующая:

Отдѣлъ офиціальный: Дѣйствія правительства, правительственныя распоряженія.

Отдѣлъ мѣстный: Дѣйствія и распоряженія высшей мѣстной власти Сѣверо-западнаго края; мѣстныя событія, происшествія, заявленія, свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія и вообще учебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей западныхъ губерній; этнографическія и историческія описанія и изслѣдованія разныхъ мѣстностей, въ предѣлахъ западныхъ губерній.

Отдѣлъ внутреннихъ извѣстій: Извѣстія о всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ по всѣмъ отраслямъ общественной и экономической жизни внутреннихъ губерній; корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

Отдѣлъ политическій: Политическія обозрѣнія, политическія статьи и заграничныя корреспонденціи, выписки изъ иностранныхъ газетъ и политическія телеграммы, получаемыя непосредственно по телеграфу.

Фельетонъ: Оригинальныя и переводныя беллетристическія статьи, повѣсти и разсказы; статьи библіографическія, историческія и научныя.

Такое содержаніе газеты, какъ мы сказали уже опредѣлилось естественнымъ образомъ изъ дѣйствительной потребности мѣстныхъ жителей. Въ виду необходимости для нашихъ читателей знать все, на что они имѣютъ право разсчитывать, получая газету, то есть, получать своевременно самыя полныя свѣдѣнія о всѣхъ явленіяхъ жизни своего русскаго отечества и всего политическаго міра, поскольку это исполняется газетами, мы должны были сдѣлать „Виленскій Вѣстникъ" газетою болѣе обще-русскою, чѣмъ мѣстною, хотя потребность въ выраженіи мѣстныхъ вопросовъ принуждаетъ иногда удѣлять имъ значительное мѣсто.

По такой же причинѣ мы придали самое широкое развитіе отдѣлу политическихъ извѣстій, въ которомъ, благодаря географическому положенію Вильны, мы сообщаемъ всѣ извѣстія на два или на три дня прежде, чѣмъ столичныя газеты. По большей части, мы успѣваемъ сообщить подробное извѣстіе въ то самое время, какъ въ столичныхъ газетахъ появляются только краткія телеграммы о данномъ событіи. Сверхъ того, «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ политическія телеграммы отъ разныхъ агентствъ, въ такомъ количествѣ, въ какомъ не получаетъ ни одна провинціальная газета. Понятно, что развитіе политическаго отдѣла вызвано современными событіями; но при перемѣнѣ обстоятельствъ первенствующее мѣсто можетъ перейти къ другимъ отдѣламъ, вполнѣ согласно съ настроеніемъ и требованіемъ общества. Изъ этого объясненія читатели могутъ судить, что мы вовсе не представляемъ невозможныхъ въ исполненіи, одностороннихъ программъ, не навязываемъ имъ невѣдомыхъ и неосуществимыхъ цѣлей, а просто обѣщаемъ политическую газету въ общепринятомъ смыслѣ, которая

усердно служитъ обществу, стараясь всѣми силами доставлять, съ возможною скоростію, всякія извѣстія и событія и рядомъ открываетъ столбцы для всѣхъ законныхъ заявленій.

Думаемъ, что, при такихъ условіяхъ, «Виленскій Вѣстникъ» можетъ быть удобенъ, какъ газета, во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, ибо вездѣ извѣстія его придутъ одновременно съ извѣстіями столичныхъ газетъ.

Мы считаемъ неудобнымъ касаться здѣсь политическаго характера «Виленскаго Вѣстника»; въ теченіи настоящаго года, характеръ этотъ рѣзко опредѣлился, ибо вѣрно знаемъ, что ни разу не сбились съ пути, указаннаго нашими убѣжденіями. Въ заключеніе скажемъ, что въ текущемъ году «Виленскій Вѣстникъ» переживалъ трудный кризисъ; но усиліями редакціи положеніе его упрочилось, и «Виленскій Вѣстникъ» вступаетъ въ новый годъ съ такими средствами, которыя позволяютъ въ полной мѣрѣ исполнить всѣ обязанности и задачи политической газеты обширнаго Сѣверо-западнаго края.

«Виленскій Вѣстникъ» будетъ выходить въ слѣдующемъ 1871 году по той же программѣ, какъ и теперь, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ пересылки и доставки.	Съ пересылкою и доставкою.
На годъ	8 руб.	10 руб. [1])
— полгода	4 —	5 — [2])
— три мѣсяца	2 — 40 коп.	3 — [3])
— одинъ мѣсяцъ	„ — 80 —	1 — [4])

Подписка принимается: въ Вильнѣ, въ конторѣ редакціи „Виленскаго Вѣстника", на углу Погулянки и Завальной улицы, въ домѣ г-жи Диоховской; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной № 30; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ въ провинціяхъ.

Редакторъ С. Шоль.

---

1) Въ томъ числѣ за укупорку 40 к.; за пересылку 1 р. 60 к.
2) — — — — — 20 „ — — 80 „
3) — — — — — 10 „ — — 50 „
4) — — — — — 4 „ — — 16 „

I.

ДОКУМЕНТЫ,[1])

КАСАЮЩІЕСЯ СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Жалоба священника Демьяна Семеновича вмѣстѣ съ посвидѣтельствованіемъ вознаго объ учиненныхъ ему побояхъ земяниномъ Рафаломъ Ленковичемъ Непокойчицкимъ. 1577 г.[2]).

Лѣта Божого Нарожeнія 1577, мѣсеца Іюля 28 дня.

Писалъ и присылалъ до враду господарского старoства Берестейского до мене, Павла Семлецкаго, городничого замку господарскаго Берестейскаго, на мѣстцу вельможнаго пана его милости пана Троц-

[1]) Изъ III т. Актовъ, издан. виленск. Археограф. Комиссіею.

[2]) Земенинъ Брестскаго воеводства Аврамъ Васильевичъ Непокойчицкій (по всей вѣроятности православный) приноситъ жалобу на земенина Рафала Ленковича Непокойчицкаго (который былъ католикъ,) что онъ на дорогѣ напалъ на священника Демьяна Семеновича, только что вышедшаго изъ церкви послѣ заутрени, избилъ и изранилъ его; о чемъ слѣдуетъ посвидѣтельствованіе вознаго.

каго въ отѣханью пана Малхера Райскаго, подстаростего Берестейскаго, зоставленного земенинъ господарскій повѣту Берестейского панъ Аврамъ Васильевичь Непокойчицкій, жалуючи и оповѣдаючи, ижъ дей дня нынѣшнего, на датѣ вышейпомененого, въ недѣлю, попъ дей его имѣнья Непокойчицкого Демьянъ Семеновичь рано, скоро дей послѣ заутрени, вышедши съ церкви, пошолъ дей былъ за быдломъ своимъ, дорогою добровольною, и будучи дей ему еще неподалеку дому своего, то пакъ дей земенинъ тогожъ повѣту Берестейскаго Рафалъ Ленковичъ Непокойчицкій, самъ особою своею, зъ слугами и помочниками своими, оного дня попа его, перенемши на дорозѣ добровольной, збилъ и зранилъ. Которого если бы дей онъ панъ Аврамъ, послышавши крикъ и волань е зъ двора своего, съ челядью прибѣгши не ратовалъ, знать бы дей онъ тамъ вдерживаемъ позабивилъ, што дей то заразъ онъ панъ Аврамъ, людемъ добрымъ, сусѣдомъ околичнымъ, оповѣдалъ и на огледанье бралъ зъ уряду вознаго повѣту Берестейского Яна Поплавского, который, чого свѣдомъ будучи, до книхъ дня тридцатого Іюля сознавъ, ижъ дей за освѣтченье пана Аврама Непокойчицкаго видѣлъ дей у попа его Непокойчицкаго рану кривавую, одраную на губѣ верхней, а другую на горлѣ подъ бородою. Которое дей збитье помененный попъ передъ нимъ, вознымъ, мѣнилъ собѣ быти учиненое отъ Рафала Ленковича Непокойчицкого. А при немъ дей, возномъ, были стороною Кондратъ Микитичъ а Янъ Петровичъ, бояринъ его милости пана Яна Гейка, каштеляна Берестейского. Которое жъ оповѣданье пана Аврама Непокойчицкого, также и сознанье возного помене-

воеводѣ вать до книгъ кгродскихъ староства Берестейского записано. Писанъ у Берестьи.

2.

Заявленіе епископа Кирилла Терлецкаго, подкрѣпленное свидѣтельствомъ вознаго, объ ограбленіи церкви Св. Духа въ Пинскѣ подстаростимъ Пинскимъ княземъ Львомъ Войною Воронецкимъ. 1582 г.[1]

Лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осемдесятъ второго, мѣсеца Августа двадцать семого дня.

Пришедши на врадъ его королевское милости до замку Берестейского, до мене Павла Секлицкого, городничого Берестейского, въ тотъ часъ будучого на мѣстцу врадовомъ одъ ясневельможнаго пана его милости, пана Виленскаго, земенинъ его королев-

---

[1]) Земянинъ Иванъ Ѳедоровичъ Велятичъ отъ имени епископа Пинскаго и Туровскаго Кирилла Терлецкаго представилъ въ судѣ жалобу на князя Льва Воронецкаго, Пинскаго подстаростія, о томъ, что по наущенію и насланію послѣдняго его слуга Матвѣй Богатко Макаревичь, съ многими единомышленниками, около сорока человѣкъ, напалъ на домъ Св. Духовской церкви въ г. Пинскѣ, избилъ протопопа Луку Ивановича и его жену, выгнавъ ихъ изъ дома, а дѣтей ихъ побросалъ черезъ заборъ, за тѣмъ ограбилъ церковь, отрубилъ стоявшій на ней крестъ, забравъ три колокола, чашу, кресты, евангеліе, свѣчи и престолъ, ободралъ ризы съ иконъ и забралъ многія другія вещи, и все это отправилъ въ Пинскій замокъ къ князю подстаростію Воронецкому. Епископъ, осмотрѣвъ и описавъ вмѣстѣ съ вознымъ все случившееся, просилъ Воронецкаго принять и записать въ книги заявленіе вознаго, но Воронецкій отказался его принять. Тогда возный Козляковскій представилъ свое заявленіе въ Брестскій гродскій судъ. Кромѣ вышеприписаннаго въ заявленіи этомъ помѣщено объясненіе самого епископа, обращенное лично къ Воронецкому. Епископъ объясняетъ, что новокрещенный

ское милости повѣту Пинского, панъ Иванъ Федоровичъ Велятичъ оповѣдалъ именемъ его милости епископа владыки Пинского и Туровского Кирила Терлецкого, ажъ дей гъ року теперешнемъ осмьдесятъ второмъ, мѣсеца Августа двадцатого дня, служебникъ князя Льва Войны Воронецкого, подстаростего Пинского, Матфей Богатко Макаровичъ и въ иншими многими слугами его а помочниками своими, за власнымъ дей росказаньемъ и наслаланьемъ того князя Воронецкаго, подстаростего Пинскаго, пришедши моцно, кгвалтомъ до дому Митрофана Аврамовича Волчковича, жида новохрещоного, лежачого въ мѣстѣ Пинскомъ, на улицы Жидовской, гдѣ церковь збудована, протопопу, на имя Луки Ивановича, и жону его збили и змордовали и отъ всее маетности ихъ, которую они въ томъ дому въ схованью мѣли, съ того дому прочъ выгнали и дѣти черезъ тынъ выкидали и три звоны, завѣшоное подлѣ церкви спустивши и крыжъ на церкви вробле-

---

Пинскій еврей, по имени Митрофанъ, въ знакъ благодарности Просвѣтителю Богу, записалъ въ пользу духовенства свой домъ и плацъ въ г. Пинскѣ, на что представилъ особый дарственный листъ въ Пинскій судъ. За свой добрый поступокъ онъ удостоился благоволенія короля, который особымъ листомъ далъ знать князю Збаражскому, воеводѣ Браславскому и Пинскому старостѣ, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ взысканій съ помянутаго дома и плаца. Когда многіе евреи, узнавъ объ этомъ, стали изъявлять желаніе принять св. крещеніе и просили объ этомъ епископа, тогда, для большаго удобства, онъ перестроилъ домъ окрещеннаго еврея Митрофана на церковь во имя Св. Лука и поставилъ въ ней вышепомянутаго протопопа Луку Ивановича, при которомъ и случилось вышеописанное нападеніе. Описавъ подробно это разбойничее дѣло, епископъ проситъ кн. Воронецкаго возвратить всѣ церковныя вещи и домъ, при чемъ показалъ ему королевскую привилегію на домъ и плацъ. Князь Воронецкій отвѣтилъ епископу, что онъ сдѣлалъ нападеніе по приказанію Браславскаго воеводы и ничего не возвратитъ изъ пограбленнаго имущества.

ный, ку потѣшѣ поганьской а посмѣянью хрестіанству, но самый жолобъ отдявши, и иные речи многіе церковные, яко келихъ, хрестъ, книги, евангеліе за серебромъ, свѣчи и престолъ, олтарь Божій; ободравши и многіе речи побравши до замку дей Пинского, до вено подстаростего, одпровадили. И когды дей о то владыка Пинскій, оповѣдаючи до замку Пинского, яко на врядъ его королевское милости, на онъ же часъ приходилъ, маючи при собѣ возного повѣту Пинского Семена Борисовича Козляковского, просячи подстаростего Пинского, абы тое оповѣданье записано было. Нижли дей князь подстаростій того оповѣданья его не пріймовалъ и до книгъ записывати не казалъ, и што дей ему передъ тымъ возныимъ и передъ шляхтою повѣдилъ и чого тотъ возный въ той справѣ, за освѣдченьемъ владыки Пинского, свѣдомъ будучи, то все на квитѣ подъ печатью и съ подписомъ руки своее игуты до враду его королевское милости принесши, при оповѣданью менекомъ, очевисте сознал; которое сознанье и квитъ его на врадъ поданый, въ слово до слова такъ ся въ собѣ маетъ: Я Семенъ Борисовичъ Козляковскій, возный повѣту Пинского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ осмьдесятъ второмъ, мѣсеца Августа двадцатого дня, бралъ мене, возного на справу свою его милость отецъ Кирилъ Терлецкій, епископъ Пинскій и Туровскій, на огледанье въ дому Митрофана Аврамовича Волчковича, жида новокрещеного, лежачого тутъ въ мѣстѣ его королевское милости Пиньскомъ, на улицы Жидовской, побранья при церкви, которая на томъ дворѣ поставлена была, моцно трохъ звоновъ и стетья на

той церкви и взятья крыжа, также побранья речей церковныхъ и маетности поповской. А такъ въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ осмьдесятъ второмъ, мѣсеца, Августа двадцатого дня бывшомъ въ томъ дворѣ Митрофана Волчковича и за оказываньемъ, а отъ слуги его милости отца епископского пана Гаврила Кольчицкого видѣлемъ такъ на томъ дворѣ, подлѣ церкви въ трехъ столпахъ стоящихъ звоны три завешоные и при мне, возномъ, оные звоны побрано и до замку отвезено; а на той церкви, которая въ томъ дому стоитъ, на верху крыжъ деревяный при жолобѣ стятый и съ той церкви взятый... Именилъ передо мною, вознымъ, тотъ слуга его милости отца епископовъ панъ Гаврило Кольчицкій и при немъ будучій Лука Ивановичъ, протопопъ Пинскій свято-Дуский, ижъ дей и на той церкви крыжъ стяли и взяли, и речи церковные, велихъ за всими потребами, евангеліе, серебромъ оправленое, позлотистое, крести, престолъ и олтарь Божій облупили, ризы, книги, свѣчи и всѣ наклады церковные побрали слуги пана подстаростего и до замку все отпровадили. Также и маетности того священника, который въ томъ дому неподалеку тое церкви, на одномъ пляцу поселеный, стоялъ, нашедши моцно, кгвалтомъ забрали, служебника его милости князя Льва Войны Воронецкого, тамошнего подстаростего Пинского, за властнымъ росказаньемъ и насланьемъ его милости князя Льва Войны Воронецкого, пана своего, Матвѣй Богатко Макаровичъ и съ иными многими помощниками, которыхъ было большей сорока человѣкъ зъ родними бронями. А скоро, по томъ огледанью моемъ, тогожъ дня мѣсеца Августа двадцатого дня, въ року

теперешнемъ тысеча пятьсотъ осмьдесятъ второмъ, его милость отецъ Кирилъ, епископъ Туровскій и Пинскій, со мною, возным, и зъ иншими многими людьми зацными самъ ходилъ до замку, до его милости князя Льва Войны Воронецкого, подстаростего Пинского, и знайдучи его милость въ замку его королевское милости Пинскомъ, вчинилъ оповѣданье очевисто тыми словы, мовечи: Оповѣдаю дей передомною, же подстаростій Пинскій, што въ року теперешнемъ осмьдесятъ второмъ, подданый его королевское милости жидъ мѣста Пинского, Мошко Аврамовичъ, а теперь по крещенью новоназваный Митрофанъ, самъ присмотревшисе писму светому и узнавши быти Господа нашего Іисуса Христа за правдивого Сына Божого, на спасенье грѣшныхъ зосланого, съ тымъ умысломъ своимъ отворившисе явно, просилъ дей мене, Кирила епископа, абы его въ законъ светый хрестіанскій водлугъ обраду церкви греческое окрестилъ. И на знакъ того таковаго щирого умыслу своего, будучи набожностью порушоный, по доброй воли своей далъ, даровалъ и на вѣчность записалъ домъ свой отчизный въ тамошнемъ мѣстѣ его королевское милости Пинскомъ лежачій, на улицы Жидовской, межи домами зъ одного боку отъ двора къ плацу брата его Іоска Волчковича, а другимъ бокомъ отъ плацу Аврама Марковича, жидовъ Пинскихъ, ничимъ никому непенный, а ни заведеный, на што и листъ свой вызнаный подъ печатью и съ подписомъ руки своей, такъже подъ свѣдомомъ и печатьми людей добрыхъ, мнѣ далъ, и тотъ листъ записъ свой, ставши первей тутъ на врадѣ его королевское милости, въ замку Пинскомъ, передъ намѣстникомъ

вашей милости, паномъ Ясманомъ Борисовичемъ, ставши, ку записанью до книгъ вызналъ и тотъ домъ въ моцъ и въ держанье мое, Кирила еписко... зо всимъ черезъ вижа замкового мнѣ подано и поступлено. А потомъ дей тотъ Митрофанъ и передъ господаремъ его милости ставши созналъ листъ свой, што его королевская милость, яко панъ хрестьянскій и побожный, взглянувши въ тую справу его, яко тому Митрофану ласку его королевское милость показати такъ и тотъ записъ на домъ его при моцы зоставити и листомъ его королевское милости подтвердити, также особливый листъ его королевская милость до его милости князя Януша Корибутовича Збаразского, воеводы Браславского, старосты Пинского, Кременецкого, пана вышей менемого, о томъ росказати и писати рачилъ, ижъ бы его милость тое воли и росказанья его королевское милости ничимъ противенъ быти не рачилъ, въ которымъ дей ачъ быхъ вжо особу его милости найдовалъ, нижли дей про забаву его милость и битность на послузѣ его королевское милости въ земли Московской до того борзо прійти не могучи, а найболѣй вѣдаючи и побожности его милости, ижъ его милости яко правый хрестіянинъ, вѣдаючи то, што не для жадного иного пожитку моего, только для размноженья фалы Божое сталося. Гдѣ есть тое воли его королевское милости нарушать не рачилъ съ повинности моее и за великимъ всклопотаньемъ; набеганьемъ и частными мовами того самого Митрофана и иныхъ многихъ зацныхъ и посполитого народу людей, которые повѣдаючи, ижъ скоро одно тоее станетъ а фала Божая въ томъ дому полнена будетъ, ижъ многіе жиды, видячи

таковую ласку его королевское милости, которую ся тымъ Митрофаномъ его королевская милость показати рачилъ, покреститисе схотятъ; съ тыхъ причинъ вчиниломъ то и въ томъ же дому водлѣ пристойности и обрату нашого закону, мѣсцъ обобравши, церковь светого Духа поставиломъ и потребами церковными осмотрѣвши обходъ зовсимъ крилосомъ моимъ вчинивши и для служенья въ той церкви и для старожитныхъ всихъ речей Лука Ивановича протопопу въ томъ дому мѣшкати заставивши, службу Божую уставичне въ той церкви велѣломъ. То пакъ дей въ року теперешнемъ же осмьдесятъ второмъ, мѣсяца Августа дватцатого дня, служебникъ вашей милости Матфѣй Богатко Макаровичъ и иншихъ помочниковъ немало, такъ есми взялъ того справу, же за властнымъ роскazаньемъ и насланьемъ вашей милости, княже подстаростій, пришедши моцно, кгвалтомъ и зъ иными многими слугами, вышейменеными, помочниками своими до того дому Митрофана, гдѣ церковь збудована естъ, того Луку Ивановича протопопу и зъ жоною его збили и мордовали, и отъ всей маетности ихъ, которую они въ томъ дому въ схованью мѣли, съ того дому нрочъ выгнали и дѣти черезъ тынъ выкидали, и три звоны, завѣшеные подлѣ церкви, спустивши и крыжъ на церкви вробленый нехрестіянски и несбожне, але знать ку потѣшѣ поганьской а посмѣванью нашому христіанству, по самый жолобъ оттавши и иные речи многіе церковные, яко келихъ, хрестъ и книги, евангеліе зо срибромъ, свѣчи и престолъ, олтарь Божій, одобрали и многіе речи побравши тутъ дей до вашей милости, до замку отнесли. И просилъ отецъ Кириллъ епи-

скопъ, абы тое оповѣданье его до книгъ кгродскихъ замку его королевское милости Пинского записано было и абы тые речи побраные засе ему поворочати велѣлъ, а воли его королевское милости не противечися, то водлугъ запису того Митрофана и потверженья его королѣвское милости, по першому зоставити рачилъ. Показать пану подстаростему владыка, его милость, привелей господарскій на тотъ пляцъ записаный на церковь съ привисистою печатью и съ подписью руки господарское и листъ господарскій съ подписомъ руки его королевское милости до его милости князя воеводы писаный, ижъ бы се въ тотъ домъ и пляцъ не вступовалъ; то пакъ князь подстаростій привилья и листа его королевское милости не приймовалъ и не читалъ, которого дей таковаго оповѣданья и мовенья его милости отца Кирила епископа его милость князь Левъ Война Воронецкій, подстаростій Пинскій, выслухавши, повѣдилъ тыми словы; „Я дей отче Кириле епископе, тое таковое оповѣданье ващей милости слышу и до того ся самъ знаю, ижъ то слуги мое, за росказаньемъ моимъ, яко ты жалуешь, вчинили и звоны побрали; нижли дей записывати того не кажу, бомъ дей то вчинилъ за власнымъ росказаньемъ, и писаньемъ его милости князя воеводы Браславского, пана моего, але записуй дей собѣ гдѣ хочешь.“ Которое таковое мовенье и отказъ его милости князя Льва Войны Воронецкого, подстаростего Пинского, его милость отецъ Кирилъ епископъ, мною вознымъ и двоpяниномъ его королевское милости, который на иншую справу его милости отца епископа отъ его королевское милости зосланъ былъ паномъ Яномъ Кишчичомъ и паномъ Станиславомъ

Защинским, земенином повѣту Пинского, также паном Цупріяном, подписом земским повѣту Пинского, которые на тотъ часъ при мнѣ и при всей той справѣ были, освѣтчивши пошолъ оттолъ прочъ. Которого того таковогo сознанья моего пречечный Семенъ Козляковскій, возный, даю ку записанью до книгъ кгродских Берестейскихъ сесь мой квитъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Берестьи. Которое жъ оповѣданье отца Кирила епископа Пинского и возного помененого сознанье до книгъ кгродскихъ старостваБерестейского записано естъ. Писанъ у Берестеи.

3.

Жалоба священника Степанскаго Захарія на землянина Александра Полонскаго о томъ, что онъ избилъ и изранилъ его, съ присовокупленіемъ посвидѣтельствованія вознаго. 1629 г. [1]).

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ дватцать девятого, мѣсеца Кветня третего дня. Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, священникъ Степанковскій отецъ Захарій, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадо-

---

1) Священникъ Степанковскій и Гриневскій Захарій приноситъ въ судъ жалобу на землянина Брестскаго воеводства Александра Полонскаго о томъ, что Полонскій въ нетрезвомъ видѣ, во время прибытія Захарія въ домъ Брестскаго землянина Григорія Рудницкаго, для исполненія церковныхъ требъ, сначала поносилъ его бранными и неблагопристойными словами, а затѣмъ вырвалъ ему бороду. Но когда отецъ Захарій оставилъ домъ Рудницкаго и, сѣвъ

выхъ въ тые слова: Милостивый пане подстаростій Берестейскій! Я убогій слуга и богомольца вашей милости моего милостивого пана Захарій, священникъ Степанковскій и Гриневскій, его кролевское милости замку Камснецкого оповѣдамсе въ томъ, яко врадовы, на земенина воеводства Берестейкого пана Александра Полонского, ижъ въ року теперь идучомь тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсяца Марта дватцать третего дня, будучи мнѣ, отцу Захарію, у потребѣ моей духовной въ дому земенина тогожъ повѣту Берсстейского а пана Григорья Рудницкого, тамъ же тотъ то Александеръ Полонскій, упившися а пробачивши боязнею Божею срокгость права посполитого и встыду людского, а не оглядаючисе на станъ свой шляхетскій, мене, яко чоловѣка особу духовную, покоемъ убеспечоного, первей словами ущипливыми зганилъ и ссоромотилъ, яко быхъ я неучтивого ложа матки сыномъ былъ, а на томъ не маючи досто, бороду вырвалъ. А кгдымъ вшолъ и уходилъ зъ дому пана Григорья Рудницкого до дому своего, до степанковъ, и подкаломъ пана Щасного Лесоту, возного тогожъ повѣту Берестейского, а папа Матіана Кгроденского, оповѣдаломъ возному деспекты свое и бороду вырвану, которое мене подкало одъ пана Александра Полонского. А гды мене панъ Щасный Лесота, возный, усадилъ до своихъ санокъ, усѣли есмо съ

на сани возного Щаснаго Лесоты, отправился въ свой домъ, въ Степановки, тогда Полонскій, нагнавъ его на дорогѣ, ударилъ его по головѣ саблею и жестоко изранилъ его. Вмѣстѣ съ предъявленіемъ въ судъ настоящей жалобы, вышепомянутый возный, какъ личный свидѣтель сего происшествія, также съ своей стороны представляетъ въ судъ посвидѣтельствованіе, въ которомъ подробно описываетъ все то, что изложено въ жалобѣ священника.

нимъ, и минаючи клуню й кгумно пана Григорья Рудницкого, тотъ тоже Александеръ Полонскій, не маючи еще натомъ дость, нагнавши мене на добровольной дорозѣ, сѣдячого водлѣ возного на саняхъ, здрадливе съ тылу мене при возномъ кордомъ збилъ а окрутне зранилъ; а пана вашу мил. моего милостивого пана, яко враду, пильне а покорне прошу, абы тое оповѣданье мое до книгъ нынѣшнихъ кгродскихъ Берестейскихъ уписати рачили. Писанъ у Степанкахъ, року, мѣсяца и дня звышписаного. Што есть записано. При которомъ же то оповѣданью, тутъ же ставши на врадѣ возный воеводства Берестейского: Сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперь идучомъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсяца Марца двадцать третего дня, быломъ на тотъ часъ у справѣ у велебного отца Захаріаша, священника Степанковского и Гриневского его королевское милости: Оповѣдалъ и освѣчилъ мнѣ, возному, и стронѣ на тотъ часъ при мнѣ будучой, пану Яну и пану Криштофу Остерманомъ, велебный отецъ Захарій бой и раны, которые его подкали отъ пана Александра Полонского, ижъ дей будучи ему, отцу Захарію, священнику, у потребѣ своей духовной въ дому земенина тогожъ воеводства Берестейского, у пана Григорья Рудницкого, тамъ же тотъ дей помененый панъ Александеръ Ѳедоровичъ Полонскій упившися и звазнившися, а пробачивши сроговсти права посполитого и встыду людского, его, отца, яко чоловѣка особу духовную и покоемъ убеспечоного, и жадной причины ему не давши, первы, словы ущипливыми зганилъ и соромотилъ, якобымъ я неучтивого ложа сынъ былъ; а на томъ не маючи досить и бороду ему вырвалъ.

А кгды онъ вышолъ и выходилъ зъ дому пана Григорія Рудницкого, до дому своего, до Степанковъ, потыкалъ мене отецъ Захарій, возного, на добровольной дорозѣ, оповѣдалъ и освѣтлилъ мнѣ, возному, жаль свой и бороду вырваную оказалъ. А кгдымъ я, Щасный Ласота, возный, ужалившися деспекту его, отца Захарія, и усадилъ есми до своихъ саней, и сѣли есмо у возѣ посполу и ѣхали есмо до дому моего до Степанковъ. А кгды есмо выѣхали и минуючи клуню пана Григорья Рудницкого, тотъ же панъ Александеръ Полонскій, еще немаючи на томъ досить, нагнавши на дорозѣ добровольной отца Захарія, сѣдячого возлѣ мене, возного, на санияхъ моихъ и здрадливе стылу при мне Лесотѣ, возному, его отца Захарія кордомъ вбилъ а окрутне зранилъ, якожъ я, возный, за освѣченьемъ и оказаньемъ ранъ его битыхъ, видѣлъ есми на немъ, отцу Захарію, на головѣ ранъ три, знати кордомъ битыхъ, синихъ, а спухлые, барзо школдивыхъ, видѣлъ есми бороду вырваную. На што далъ есми тотъ мой квитъ реляційный ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ року, мѣсяца и дня вышписаного. Котороежъ то сознаніе возного помененого до книгъ врядовыхъ есть записано.

4.

Жалоба священника Телятицкой церкви Терентія Лагодовскаго на пана Яна Красускаго о нападеніи на домъ его и нанесенныхъ побояхъ его женѣ и дочери. 1629 г.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцять пятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене, Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, урожоный панъ Терентій Лагодовскій оповѣданье свое на писмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова: Милостивый пане подстаростій Берестейскій! Я Терентій Голадовскій, свещенникъ церкви Тилятицкое, зъ великимъ а незносным жалемъ моимъ оповѣдаюсе вашмости, яко врадови, на пана Яна Красуского и пани малжонку его, пани Кглуховскую Красускую, о томъ, ижъ они взявши передъ себе злый умыслъ, а якуюсь неслушную ненависть противко мене и малжонки моее, людей имъ ничого невинныхъ, розныхъ часовъ прикрости битьемъ челедь мою и добытокъ мой, што все я, яко чоловѣкъ духовный, покою Божого прагнечи, мимо себе пущалъ и скромне то все одъ нихъ зносилъ. А видечи то они, ижъ я деспектовъ своихъ, которые мнѣ выражаютъ, понехаючи, яко чоловѣкъ Пана Бога боячій и спокойный, теперь знову, въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Априля пятого дня, въ небытности моей въ дому моемъ на тотъ часъ, кгдымъ се набоженствомъ своимъ звыклымъ въ церкви забавилъ, тая пани Красуская, зъ вѣдомостью и посланьемъ малжонка

своего пана Красуского, съ паробками, слугами дворными и поддаными своими, сама пята, пришовши до дому моего въ имѣнью Телятичахъ, воеводствѣ Берестейскомъ лежачомъ, и тамъ заставши въ дому малжонку мою наимя и дочку наимя, безъ жадное причины, кгвалтовне а нелитостиве кійми збили и змордовали съ тыми слугами своими и поддаными, которыхъ они лѣпѣй сами имена вѣдають. И кгдыжъ я, взявши вѣдомость о такомъ кгвалтѣ и бою жены и дочки своей, самому пану Красускому ускаржалъ, гдѣ панъ Красускій, мѣсто справедливости, и самъ сполнѣ съ малжонкою своею еще одповѣдь и похвалку на здоровье наше и маетность, одповѣдь и похвалку учинили, мовечи, ижъ не такъ тобѣ и жонѣ твоей еще отъ насъ будетъ, и тебе съ жоною забьемъ и маетность всю огнемъ выпалимъ, и конечне тутъ коренитисе не будешъ. А такъ я, маючи великую крывду, кгвалтъ и отповѣдь отъ того пана Красуского и малжонки его, за которую не будучи безпечны и до остатка здоровья и маетности свое, а хотячи о то все зъ нимъ правне чинити, прошу, абы тое оповѣданье мое было до книгъ принято и записано. Што есть записано. При которомъ оповѣданью, тутъ же ставши на урядѣ возный воеводства Берестейского Матѳей Токаревскій, квитъ свой реляцiйный призналъ и ку записанью до книгъ врядовыхъ подалъ въ тые слова: Я, Матѳей Токаревскій, возный воеводства Берестейскаго, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсяца Априля шестьнадцатого дня, маючи я при собѣ стороною двохъ шляхтичовъ, пана Томаша Скредневского а пана Яна Слипавского, съ

которыми былъ есми взятый отъ священника Телятицкого Терентія Голадовского на огледанье зраненья малжонки Настазіи Ляховское и дочки его, гдѣ за оказаньемъ видѣлемъ на малжонцѣ священниковой на твари рану синюю и на руцѣ правой надъ локтемъ рану синюю спухлую, а на дочцѣ его на плечахъ ранъ двѣ синихъ; которое тое збитье свое меновали отъ нее быть сталое, въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсяца Апреля пятого дня, отъ пани Яновое Красуское, слугъ и подданыхъ ее за кгвалтовнымъ найстьемъ, зъ вѣдомостью и самого пана Красуского. И тотъ повѣдалъ священникъ, ижъ еще и одповѣдь на здоровье его, малжонки и маетность его учинилъ, кгды се ему скаржилъ, о чомъ ширей въ протестаціи есть описано и доложоно. А такъ я, возный, штомъ слышалъ и видѣлъ и чогомъ добре вѣдомъ, далом тотъ мой квитъ съ печатью и съ подписомъ руки моее и съ печатьми стороны шляхты при мнѣ будучое ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ року, мѣсяца и дня вышписаного. Котороежъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

II.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТВЫ [1]).

III.

Одежда, пища и напитки.

Стрыйковскій, въ своей хроникѣ, говоритъ: „весь костюмъ литовца состоялъ изъ звѣриныхъ шкуръ и все его достояніе было на его плечахъ“. Но нужно предполагать, что какъ имъ съ незапамятныхъ временъ была знакома выдѣлка полотна, то лѣтній костюмъ ихъ, конечно, состоялъ изъ него. Тулупы или шкуры дикихъ звѣрей, шерстью вверхъ, они надѣвали зимою поверхъ льняного платья. Суконная одежда вошла въ употребленіе очень поздно, потому что Ягайло, какъ княжескій подарокъ, раздавалъ окрестившимся литовцамъ бѣлые армяки. Впрочемъ, это одно предположеніе, потому что литовцы, ведя торговлю, могли добывать сукна изъ иныхъ странъ, если не вырабатывали ихъ у себя. Нынѣшній костюмъ литовца, состоящій изъ тулупа, суконнаго армяка, или полотнянаго, мѣховыя съ наушниками шапки, или войлочныя, называемыя неромками, которые и по настоящее время носятся крестьянами Ковенской губерніи, — сверхъ того головной женскій уборъ, состоящій изъ холщевой плахты, обернутой вокругъ головы, вѣроятно, еще остались отъ временъ язычества; потому что крестьянинъ не легко измѣняетъ тотъ костюмъ, который носили его дѣды и прадѣды. Нѣкоторые утверждаютъ, будто первоначальный костюмъ литовца сходствовалъ со старо-германскимъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ азіятскихъ заимствованій. Но извѣстно, что германскій костюмъ былъ короткій и обтянутый;

---

1) Смотри предыдущую книжку.

азіатскій—широкій и длинный. Сверхъ того пруссы гораздо ранѣе вошли въ сношеніе съ европейскими народами и многое могли заимствовать для себя. Всѣ литовцы мущины носили усы; бороду отращивали только съ 50 лѣтняго возраста.

Главные продукты продовольствія литовцевъ состояли изъ произведеній земли, потому что они занимались земледѣліемъ,—и въ стадахъ. Огородныя овощи и фрукты садовые, какъ плодъ цивилизаціи, явились въ послѣдствіи. Обширные лѣса въ изобиліи доставляли имъ дичь, разныя ягоды и грибы. Любимымъ кушаньемъ литовца была *скаба-путра*, родъ похлебки, приготовлявшейся разъ въ недѣлю. Она состояла изъ мяса, рыбы, крупъ, яроваго зерна, гороха, молока. Ее употребляли въ пищу даже тогда, когда она подвергалась броженію и начинала киснуть. Кажется, что литовцы, подобно пруссамъ, употребляли въ пищу лошадиное мясо. Что кобылье молоко употреблялось ими, это несомнѣнно. Любимымъ мясомъ, было мясо борова, а изъ напитковъ медъ и пиво, называвшееся по литовски *алусъ*. Гость въ домѣ, семейный и религіозный праздникъ; онъ былъ поводомъ къ пирушкамъ и бесѣдамъ. Нужно замѣтить, что литовцы вообще не очень были воздержны, а гость давалъ поводъ кутнуть. Послѣ этого неудивительно, что хроники, описывая характеръ Ольгерда, упоминаютъ, что онъ пилъ только воду.

IV.

Дома, деревни, городища, города, населеніе края.

Изъ Ласицкаго, который нарисовалъ намъ картину Самогитіи временъ Сигизмунда-Августа, узнаемъ мы, что на Жмуди очень мало было городовъ и не такъ много деревень. Народъ жилъ вразсыпную, по полямъ и лугамъ. Укрѣпленныхъ замковъ было вдоволь. По приказанію Сигизмунда-Августа, стали соединять разсыпавшихся жителей въ болѣе людныя общества и осаживать ихъ на опредѣленныхъ мѣстахъ. Причиной такого грустнаго положенія Самогитіи въ XVI вѣкѣ были постоянныя, гибельныя для нея войны, на которыя они вынуждены были сосѣдствомъ съ нѣмецкими рыцарями. Въ то время, когда такъ печально высматривала Самогитія, Литва была въ гораздо лучшемъ состояніи. Но если мы шагнемъ на нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, то и въ Литвѣ уви-

[Дали]ть незамалчивую картину. Народъ жилъ въ крохотныхъ деревушкахъ, откинутыхъ другъ отъ друга на далекое разстояніе, или въ отдѣльныхъ застѣнкахъ, какіе и теперь нерѣдко встрѣчаются въ сѣверо-западномъ краѣ, — гдѣ въ курныхъ лачугахъ, часто вмѣстѣ съ цѣлымъ хозяйствомъ и домашнимъ скотомъ, бѣдный полудикій литвинъ искалъ пріюта.

Матеріаломъ къ постройкѣ избъ литовца были круглыя бревна, очищенныя отъ коры. Каждое изъ нихъ снизу имѣло желобъ, который плотно приходился къ верхней выпуклости другого бревна, первоначально настланнаго мхомъ. Бревна связывались по угламъ *замками*. Вмѣсто печей устраивалось что-то въ родѣ камина, безъ трубы; поэтому стѣны внутри избъ были постоянно закопчены дымомъ, который выходилъ сквозь двери и узкія щели, замѣнявшія окна, которыя заволакивались звѣриною плевою, пузыремъ или затыкались ветошью. Избы освѣщались лучинами, воткнутыми въ стѣну или въ устроенную на ножкахъ подставку; уголь падалъ въ корыто съ водою. Полъ былъ глиняный. Крыши устраивались изъ соломы, драни и дерна. Этотъ родъ постройки просуществовалъ вѣка и остался до настоящаго времени. Ихъ можно и теперь видѣть въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Можетъ быть, въ иныхъ мѣстахъ копались землянки; но Литва, богатая лѣсами, не должна была нуждаться въ подобныхъ юртахъ. Тутъ слѣдуетъ вспомнить объ одной изъ оригинальнѣйшихъ литовскихъ построекъ, о такъ называемыхъ *нумахъ*, въ которыхъ во многихъ мѣстахъ въ настоящее время проводятъ жмудины весну, лѣто и осень. Вотъ какъ ихъ описываютъ нѣкоторые литовскіе писатели. Въ уѣздахъ Россіенскомъ, Шавельскомъ, Тельшевскомъ, на границѣ Курляндіи и Пруссіи, много есть такихъ нумовъ въ настоящее время. Это постройка 10—15 саж. длиною; отъ 5—6 саженей шириною. Строится она изъ круглыхъ бревенъ. Крыша на стропилахъ изъ тонкихъ жердей; сначала она кроется еловою корою, для безопасности отъ огня, а сверху соломою. Окно только одно; изъ нихъ одно, болѣе узкое, для входа людей, а другое, болѣе широкое, — для скота и вывоза навоза. Надъ обоими дверями устроены маленькія окна, задвигающіяся изнутри, для выхода дыма и пропуска свѣта. Посреди нума выкопана четырехъугольная или круглая яма, въ два и три аршина шириною и въ три четверти аршина глубиною, для раскладыванія огня. Окружность этой ямы довольно широко

обложена камнемъ, такъ что въ холодное время этотъ барьеръ служитъ скамьею для помѣщающихся въ нумѣ. Отступивши на одну сажень отъ очага, устраивалась вокругъ него стѣна вышиною въ полъ-сажени, такъ что люди, находившіеся у очага, могли всегда видѣть скотъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ, заключенныхъ въ нумѣ и разстановленныхъ у стѣнъ. Обрѣзы крыши или капельники значительно выдавались впередъ, потому что подъ ними складывались всѣ домашнія и земледѣльческія орудія. Иногда, къ обрѣзамъ пристраивались трехъ-стѣнныя хлѣвки для свиней и домашней птицы. Словомъ, одинъ нумъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ хозяйственныя постройки земледѣльца.

Нѣтъ сомнѣнія, что князья и бояре, познакомившись съ удобствами печей, досчатыхъ половъ и оконъ со стеклами, скоро стали отличаться отъ простонародья этими удобствами. Литовцы были любителями бани и потому она составляла необходимую принадлежность хозяйственной постройки каждаго достаточнаго хозяина.

Гораздо ранѣе въ лѣтописяхъ Литвы встрѣчается описаніе замковъ и пригородовъ, нежели городовъ, потому что первые гораздо ранѣе явились послѣднихъ. Первоначальные замки были деревянные, обнесенные рвомъ, валомъ и заборомъ или палисадомъ. Отъ нихъ до настоящаго времени остались слѣды во многихъ мѣстахъ, подъ названіемъ *городищъ*. Въ послѣдствіи, по примѣру прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, стали строить замки изъ камня и кирпича, преимущественно на пограничныхъ пунктахъ, удобныхъ для рыцарскихъ вторженій во внутрь страны. Внутри же края стали строить укрѣпленные городки, гдѣ во время войнъ народонаселеніе могло имѣть безопасный пріютъ. О многихъ изъ нихъ по настоящее время живетъ память въ народѣ. Такъ: Бѣлица въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи; Дырсунишки при Нѣманѣ, около Ковна; Друцьмины въ Лидскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Умѣ; Юрбургъ, какъ говоритъ преданіе, основанный въ 1025 году, сожженный рыцарями въ 1316 г. и потомъ вновь ими отстроенный; Крево, знаменитое умерщвленіемъ Кейстута; Лидскій замокъ, основанный Гедиминомъ, въ 1323 году; Олита въ Трокскомъ уѣздѣ, при Нѣманѣ; Попорць, на лѣвомъ берегу рѣки Виліи, напротивъ Кернова; Вендигола, къ сѣверу отъ Ковна; Веллена, на правомъ берегу Нѣмана, недалеко отъ Юрбурга, памятная смертью Гедимина въ 1340 или 1341 году. Сверхъ того были замки въ Трокахъ,

Ковнѣ, Вилкомирѣ, Вильнѣ. Изъ первоначально появившихся городковъ извѣстны: Меречь, Керновъ, Ковна, Вилкомиръ, Вильна, Старые и новые Троки, Мѣдники (подъ Вильной), Ошмяны, Дойново, въ Лидскомъ уѣздѣ, нынѣ деревушка,—Лида, о которой хроники упоминаютъ въ 1180 году, Ораны въ Трокскомъ и Уцяны въ Свенцянскомъ уѣздѣ. Послѣдніе два городка извѣстны были въ XII вѣкѣ. Однако нужно допустить, что при болѣее укрѣпленныхъ замкахъ гораздо ранѣе появились поселенія. Время основанія городовъ съ точностію довольно трудно опредѣлить. Впрочемъ, изъ хроникъ приблизительный годъ основанія многихъ изъ нихъ извѣстенъ. Такъ, Ковна основана около 1030 г., Керновъ около 1085 года; старые Троки — 1045 года; Девелтово принадлежало Девилпрунгу, который въ 1225 году основалъ Вилкомиръ.

Трудно опредѣлить цифру первоначальнаго населенія Литвы и Самогитіи, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ эпохахъ политическаго ихъ существованія оно, по всей вѣроятности, измѣнялось. Плодоносная Самогитія можетъ быть населена была гуще Литвы, пока не начались гибельныя съ рыцарями войны. Съ того времени отсюда тысячами выводились плѣнные въ неволю, а оставшіеся, разграбленные и раззоренные, еле могли снискивать себѣ пропитаніе. Правда, рыцари не проникали далеко внутрь страны, за то они постоянно, по нѣскольку разъ въ годъ, возобновляли свои мародерческіе набѣги и полонъ плѣнныхъ, всегда по новымъ направленіямъ. За то и литовцы, окрѣпнувъ въ силахъ, не мало плѣнныхъ поселили у себя. Въ числѣ такихъ поселенцевъ были ихъ же собратья изъ Пруссіи и Курляндіи; нѣмцы, поляки, русины, татары и наконецъ евреи, которыхъ забирали въ Польшѣ. Послѣдніе потомъ сами со всѣхъ концовъ стали пробираться въ Литву и хотя тутъ они сначала подверглись разнымъ преслѣдованіямъ, но наконецъ литовское правительство умилостивилось надъ ними и даже дало имъ разныя привиллегіи (¹).

Не мало было добровольныхъ выходцевъ изъ Пруссіи, Курляндіи (латыши), Семигаліи и Лифляндіи, которые бѣжали отъ жестокаго гнета нѣмецкихъ рыцарей. Немало также осѣло тутъ русиновъ,

(¹) См. „привиллегіи города Вильни“, напечат. въ 7 книж. (1870 г.) Вѣст. Запад. Рос.

спасавшихся отъ дикихъ ордъ татарскихъ, или поселившихся изъ за торговыхъ выгодъ. Появились пришельцы ятвяги и даже татары. Въ 1241 году показались русины; бѣглецы изъ Семигалiи — въ 1290 году; пруссы — около 1266 года; въ 1284 года они заняли окрестности Лиды. Относительно татаръ есть историческiе слѣды, что ихъ впервые поселилъ не Витольдъ, но что со времени Ольгерда они сами добровольно стали селиться въ Литвѣ на ленныхъ правахъ. Между нынѣшними литовскими татарами есть преданiе, что будто ихъ предковъ, въ случаѣ не возможности найти себѣ жену изъ своего народа, обязывали жениться на литовкѣ; а дѣтямъ, родившимся отъ такихъ браковъ, дозволяли исповѣдывать вѣру отцевъ ихъ, запрещая имъ, впрочемъ, многоженство, и съ той поры у литовскихъ татаръ вошло въ обычай имѣть одну жену (Нарбутъ т. VIII). Поселенцы преимущественно несли военную повинность и службу исполняли съ примѣрною вѣрностiю. По примѣру литовцевъ, рыцари тоже старались завести у себя татарскiя поселенiя. Это видно изъ того, что когда самогиты и Литва, въ 1402 году, не могли взять осажденный ими рыцарскiй замокъ — Рагнету, то, сжегши все вокругъ замка, они забрали въ плѣнъ поселенныхъ тамъ татаръ. Сверхъ поселенцевъ, народонаселенiе значительно увеличилось съ усиленiемъ могущества Литвы, которое принесло странѣ миръ и благоденствiе. Петръ епископъ Камарацынскiй, жившiй въ Литвѣ въ XV вѣкѣ и писавшiй тогда о ней т. е. пять лѣтъ спустя послѣ введенiя въ Жмуди христiанства говоритъ, что Ягайломъ и Витольдомъ окрещено язычниковъ 5,635, 500. Но сверхъ этой цифры было много принявшихъ ранѣе христiанство; а сколько жъ еще осталось язычниковъ!?

V.

Рукодѣлiе, ремесла, искуства и науки.

Ремесла, безъ которыхъ ни земледѣльческiй, ни воинственный народъ обойтись не могутъ, издавна были извѣстны литовцамъ. И миѳологiя ихъ имѣетъ не мало боговъ, покровительствующихъ разнымъ отраслямъ промысла. Деревенская архитектура, принаровленная къ нуждамъ поселянина и климату; устройство упряжи, хозяйскихъ и земледѣльческихъ орудiй, бочарство, обтеска камня къ жерновамъ, кузнечество, слесарство, обжиганiе кирпича

и шерстки, угольничество, гончарство, пряжа и тканье, кожевничество, портняжество, вязанье неводовъ и сѣтей на звѣря, выдѣлка войлока, особенно на шапки, обуви изъ ремня для достаточныхъ, изъ лыка для простонародья, гонка смолы и дегтя, вареніе пиваалуса, меда, болѣе или менѣе давно были извѣстны литовцамъ. Свѣдущи они были и въ красильномъ искуствѣ, когда приносили жертву Богу *Струтисъ* и его подругѣ *Мѣхутели*, покровителямъ красильныхъ растеній. Умѣли выдѣлывать, изъ рога посуду, которая высоко цѣнилась, такъ какъ были увѣрены, что въ немъ напитокъ не можетъ быть заговоренъ. По этому то, чарки и ковши, особенно изъ цѣльнаго рога тура или зубра, цѣнно оправленныя, сохранялись бережливо въ поколѣніяхъ и переходили изъ рода въ родъ, какъ, наприм., рога тура, убитаго Гедиминомъ, изъ которыхъ одинъ достался въ даръ королю Сигизмунду, когда онъ въ 1429 году, въ Луцкѣ, навѣстилъ Витольда (Нарбуттъ. т. III). Изъ рога дѣлались охотничьи и военныя трубы. При духовныхъ церемоніяхъ употребляли трубы деревянныя, длинныя, какія встрѣчаются нынѣ по деревнямъ въ Литвѣ и на Жмуди,—котлы, бубны и свирѣли. Литовскіе барды, *буртынники*, сопровождали пѣсни свои акомпаниментомъ на струнномъ инструментѣ—цитрѣ, которая издавала тонъ при поворотѣ рукоятки. Литовцы занимались ваяніемъ изъ дерева истукановъ своихъ боговъ; и теперь находятъ металлическіе истуканы. Можетъ быть, имъ извѣстно было искуство плавленія и отливки. Остатки каменныхъ построекъ ясно говорятъ, что они постепенно выучились не только изъ дерева, но камня и кирпича, возводить болѣе прочныя зданія. Между развалинами археологи натыкаются на своеобразные изразцы, также круглыя толстыя оконныя стеклы. Въ чащѣ непроходимыхъ лѣсовъ, поросшихъ вѣчнымъ дубомъ, попадаются слѣды стеклянныхъ заводовъ. Изъ этого можно прійти къ тому убѣжденію, что въ послѣдствіи они поняли цѣну печей и стекла. Нѣкоторые предполагаютъ, будто имъ знакома была выдѣлка бумаги. Но этому трудно вѣрить, когда въ сосѣдней Польшѣ едва въ концѣ XIV вѣка стали выдѣлывать грубую, общедоступную изъ полотна бумагу. Развитію въ Литвѣ ремеслъ и искуствъ много способствовалъ Гедиминъ, который, желая поставить страну на одинъ уровень съ прочими христіанскими государствами, старался привлечь въ Литву людей военныхъ, купцовъ, ремесленниковъ, особенно изъ нѣмцевъ, обѣщая имъ на-

грады, освобожденіе отъ разныхъ государственныхъ и общественныхъ повинностей, дать право рижскаго суда и свободное возвращеніе на родину, если того они пожелаютъ.

Къ числу наукъ, которыми занимались язычники—литовцы, нужно отнести астрономію и медицину. По понятію тогдашнихъ литовцевъ, земля была плоская, въ видѣ круга, омываемая по краямъ моремъ. Затмѣніе происходило отъ войны солнца или луны съ драконами и чародѣями. Каждая изъ большихъ звѣздъ имѣла у нихъ свое особенное названіе. Годъ начинался въ мартѣ мѣсяцѣ,—съ новолунія; онъ состоялъ изъ тринадцати лунныхъ мѣсяцевъ, каждый мѣсяцъ продолжался отъ новолунія до новолунія. Тогдашнее названіе мѣсяцевъ по настоящее время сохранили латыши. Мѣсяцъ дѣлился на недѣли, по семи дней въ каждой. Пятница была днемъ отдыха, а первая пятница послѣ новолунія, болѣе, святѣе и досточтимѣе всѣхъ другихъ пятницъ мѣсяца. Сутки состояли изъ двадцати четырехъ часовъ. Время дня узнавали по песочнымъ часамъ. Для разпознаванія времени года, также для узнанія годовыхъ праздниковъ, составляли календари; это лежало на обязанности жрецовъ и войделотовъ. Пройденные года литовцы обозначали узлами, зарѣзками и условными знаками на капищахъ.

По части медицины, они умѣли заживлять раны, переломы членовъ; при постоянныхъ войнахъ, вѣроятно, существовала какая либо хирургія. Но болѣзни внутреннія и болѣе сложныя они не умѣли лѣчить, а предоставляли исходъ ихъ природѣ и огранизму человѣка. Когда же они непомогали, то обращались къ заговорамъ и чарамъ. Тутъ открывалась широкое поле для шарлатанства жрецовъ и кудесниковъ и для скеплуатаціи невѣждъ. Приглашенный къ больному войделотъ, сначала утѣшалъ его надеждою на боговъ, потомъ уговаривалъ дать какой либо подарокъ богамъ, а послѣ, для излѣченія болѣзни съ извѣстными обрядами, пускалъ въ дѣло пепелъ и золу съ алтаря Знича. Знахари, называвшіеся *пустонесъ*, лѣчили раны дуновеніемъ, и при помощи нѣкоторыхъ средствъ умѣли останавливать кровотеченіе изъ жилъ. *Сейтонесъ* лѣчили всѣ немощи, навѣшивая на шею больного разнокалиберные амулеты. Наконецъ *Лабдарисъ* употребляли при болѣзни людей и животныхъ разныя чародѣйскія формулы и иныя дурачества. (Нарбуттъ. т. I. п. 261. 264. 265).

VI.

Земледѣліе, домашнія животныя.

Съ незапамятныхъ временъ литовцы занимались земледѣліемъ; сего начало, конечно, совпадаетъ съ началомъ появленія этого народа. У нихъ были даже особенныя божества—покровители пахотной земли, зерноваго хлѣба, разныхъ сельскихъ работъ и рабочихъ. Древность здѣсь земледѣлія доказываетъ и языкъ литовскій, имѣющій собственныя свои, ни откуда не заимствованныя, слова для обозначенія разныхъ видовъ зерноваго хлѣба и самыхъ мелкихъ частей земледѣльческихъ орудій. Однако, земледѣліе, въ описываемую эпоху, а также долго и по введеніи въ Литвѣ христіанства, было на очень низкой степени развитія, когда въ половинѣ XVI столѣтія не составляло главнаго дохода землевладѣльца и даже первыми двумя литовскими статутами весь доходъ съ обработанной земли отдавался опекунамъ въ награду за ихъ труды по опекунству. Первоначально занимались на столько земледѣліемъ, на сколько это требовалось домашнею нуждою, не обращая вниманія на его улучшеніе. Литовцы съ такимъ упорствомъ придерживались первоначальныхъ пріемовъ вспашки земли, что даже современное деревенское ихъ хозяйство мало разнится отъ хозяйства той эпохи.

Для обработки земли употреблялись лошади и волы. Плуга Литва никогда не знала, и соха въ которой обозженные дубовые колья замѣняли желѣзные лемеши, запряженная парою воловъ вполнѣ удовлетворяла потребностямъ деревенскаго хозяина. Еще во времена Стрыйковскаго, самогиты изъ предразсудка и въ подражаніе старинѣ употребляли такія сохи. По поводу литовскихъ сохъ Гвагнинъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Одному старостѣ (1), для облегченія труда крестьянъ при распашкѣ земли пришла мысль приказать наковать множество желѣзныхъ лемешей и роздать крестьянамъ. Но когда въ этомъ году и въ слѣдъ за симъ сряду, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ слѣдствіе причинъ атмосферическихъ, не было урожаевъ, то народъ, приписывая это явленіе желѣзнымъ лемещамъ, до того взволновался, что староста, боясь возстанія противъ себя крестьянъ, откинулъ въ сторону желѣзные лемеши и ввелъ, по прежнему, въ употребленіе деревянные.

---

(1) Староста—тоже, что начальникъ уѣзда а иногда и области.

Сначала ввела въ употребленіе у себя желѣзные лемеши Литва, а потомъ уже не скоро Самогитія. Впрочемъ устройство этого орудія и по настоящее время въ этихъ странахъ осталось безъ современныхъ усовершенствованій. Взглянувъ на устройство нынѣшней литовской бороны, можно догадаться, какою она была въ то время, когда и нынѣ она состоитъ изъ нѣскольнихъ суковатыхъ пополамъ расщепленныхъ обрубковъ елей, сбитыхъ въ одну широкую доску. Остальныя хозяйскія орудія, какъ то: коса, серпъ и проч., вѣроятно, были такія, какія видимъ и теперь въ сѣверо западномъ краѣ. Для упряжи воловъ употреблялось ярмо, надѣвавшееся на ихъ шеи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Самогитіи и по настоящее время сохранился обычай впрягать воловъ за рога ихъ. Народное преданіе говоритъ, что этотъ способъ упряжи дьяволъ изобрѣлъ для своихъ поклонниковъ, въ отличіе ихъ отъ исповѣдниковъ Христа. Источникъ этого преданія, кажется, получилъ начало тогда, когда Литва была уже христіанскою, а Самогитія крѣпко еще держалась идолопоклоннической вѣры отцевъ своихъ.

Собранный съ поля хлѣбъ, никогда не складывался въ скирды, а въ гумна, для постройки которыхъ Литва никогда не нуждалась въ строевомъ лѣсѣ. Частыя ненастья, особенно при уборкѣ яроваго, указали на необходимость переплетовъ. Онъ состоитъ изъ двухъ высокихъ, вкопанныхъ въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга высокихъ столбовъ, между которыми, въ видѣ лѣстницы, укрѣпляются тонкія жерди. Между ними вѣшаютъ мокрые снопы, одинъ подлѣ другаго, колосьями внизъ,—такъ что вода стекаетъ съ колоса, не размачивая зерна и снопы скоро высыхаютъ. Овины, огрѣваемые печью, служили для сушки зерна въ снопахъ передъ молотьбой;—особенно если хлѣбъ на полѣ не могъ хорошо высохнуть. Литовцы, складывая хлѣбъ въ овинъ, молили бога дневнаго свѣта—*Габу*, чтобы онъ хранилъ хлѣбъ отъ пожара. Суевѣрные самогиты и по настоящее время въ подобныхъ случаяхъ повторяютъ слѣдующую молитву: Габѣ, боже, увеличь теплоту огня и не дозволь очень сильно сыпаться искрамъ.“

Зерно мололи съ незапамятныхъ временъ въ жернахъ. Водяныя мельницы начали строить значительно позже, а вѣтряныхъ въ XVI вѣкѣ еще не было. Гораздо еще позже литовцы научились ростить огородную овощь и разводить фруктовые сады отъ поляковъ и русскихъ. Это доказываютъ литовскія названія разныхъ овощей

и деревьевъ, заимствованныя изъ польскаго и русскаго языковъ. Такъ капусту литовецъ называетъ *Капустой;* бураки—*бурака;* морковь—*марквасъ* рѣпу—*рапинасъ;* рѣдьку—*ридикасъ;* огурцы—*огурсосъ;* грушу—*груся—дуля;* сливу—*слива* и проч. Но для лука, мака, яблони литовское нарѣчіе имѣетъ свои собственныя названія, слѣдовательно эти растенія не занесены изъ другой страны. Изъ фруктовыхъ деревьевъ вишня пользовалась у нихъ особеннымъ уваженіемъ, вѣроятно, за свои ягоды, нужныхъ для приготовленія вишневки. Она даже имѣла свое божество *Кирнисъ*, которое покровительствовало ей. Литовцы любили больше заниматься посѣвомъ и выдѣлкою льна, нежели садовничествомъ и огородничествомъ. Въ ихъ миѳологіи находятся богиня *Алабатисъ* и божекъ *Вайжгантосъ*, которыхъ покровительству было отдано это растеніе и всѣ изъ него ткани. Въ самое отдаленное время полотно было однимъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ одежды литвина. И теперь ленъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ хозяйства литовскаго поселянина. Наконецъ разведеніе хмѣля было давно имъ извѣстно, когда выдѣлкою пива отъ вѣковъ занимались въ Литвѣ.

Скотный дворъ литовца составляли: лошади, волы, овцы, козы, свиньи. Козлы нужны были для жертвоприношеній; лошадь пользовалась особеннымъ уваженіемъ, потому что она служила литвину въ бою и обработкѣ поля, а клячь давала молока. По этой причинѣ лошадь считалась животнымъ угоднымъ богамъ и находившимся подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ. Мѣстныя лошади не были рослы, но были бодры, сильны и способны переносить разныя трудности; на нихъ литовская конница не разъ опрокидывала непріятеля. Со времени Александра стали разводить на Жмуди гестровъ,—породу шведскихъ коней, предназначавшихся собственно для тяжелой кавалеріи.

Каждый хозяинъ, обыкновенно, держалъ столько домашняго скота, сколько могъ прокормить чрезъ зиму. По этому стада не составляли богатства литвина; а какъ при ограниченномъ количествѣ его часто чувствовался недостатокъ навоза, то нерѣдко засѣвали хлѣбъ среди лѣсовъ, на нововыдѣланныхъ поляхъ. Собравъ въ теченіи двухъ лѣтъ богатыя жатвы, истощенныя поля покидали отлогомъ и приступали къ вырубкѣ лѣса на новыхъ мѣстахъ. Вотъ чѣмъ объясняются нерѣдко встрѣчаемыя нынѣ среди дремучихъ

лѣсовъ поляны со слѣдами бывшихъ здѣсь когда то паханныхъ полей и гдѣ теперь красуются исполинскія деревья.

VII.

Промыслы рыбный, охотничій и пчеловодство.

Богатыя рыбой рѣки, озера и Балтійское море у береговъ Самогитіи, гдѣ еще до 1313 года во множествѣ ловились сельди; лѣса, полные дикаго звѣря, манили литовца къ рыболовству и охотѣ. Эти два промысла, вѣроятно, первоначально были главнымъ занятіемъ жителей полудикой страны, потому что доставляли имъ пропитаніе и кожи, были забавой пріятной и полезной, удовлетворяли домашнимъ потребностямъ и доставляли предметы для прибыльной торговли. Какіе именно виды дикихъ звѣрей наполняли лѣса литовскіе можно видѣть не только изъ прежде писавшихъ о Литвѣ, но и изъ самаго статута литовскаго. Изъ него узнаемъ, что тамъ водились: медвѣди, рысы, волки, барсуки, куны, бобры, выдры, лоси, серны, кабаны, зубры (сохранившіеся до нынѣ въ бѣловѣжскомъ лѣсу), туры, россомаки, соболи, олени, степныя антилопы, дикіе кони. При такомъ разнообразіи и большомъ количествѣ звѣря, охота превратилась изъ промысла въ самую любимую забаву литовцевъ, такъ что въ лѣсахъ литовскихъ часто и долго охотились короли польско-литовскіе; а князья обязали многія волости исключительно нести охотничью для нихъ повинность. Пѣшо и конно, съ лукомъ, копьемъ или рогатиной вступалъ литовскій охотникъ въ единоборство съ самымъ грознымъ жителемъ лѣса. Кромѣ того въ Литвѣ издавна водились многіе сорты охотничьихъ сабакъ, какъ видно изъ того же статута литовскаго, также разныя породы птицъ, пріучаемыя къ охотѣ, какъ напримѣръ: кречеты бѣлые, сѣрые, красные, соколы, ястребы и иныя, которыя по статуту цѣнились выше охотничьихъ собакъ.

Тѣже лѣса доставляли средства заниматься пчеловодствомъ въ большихъ размѣрахъ, потому что много водилось дикихъ пчелъ въ дуплахъ деревьевъ. Медомъ Литва и Жмудь славились въ XVI вѣкѣ. Гвагнинъ говоритъ: „нигдѣ нельзя найдти меду лучше жмудскаго. Въ немъ очень мало воску, и тотъ бѣлъ, какъ алебастръ. Лѣса приносятъ тамъ (въ Жмуди и Литвѣ) огромныя богатства, потому что въ дуплахъ деревьевъ сохраняются самые

бессчетные борти пчел, всегда съ громадным запасомъ меду." Не удивительно после этого, если литовцы, въ самые отдаленные века, умели варить медъ для напитка и слава его, особенно ковенскихъ лищцовъ (1) дошла до нашего времени.

XIII.

Языкъ, письмена, народная поэзія.

Все литовскія племена, жившія между устьями Вислы и Перновы, то есть по целому юговосточному берегу Балтійскаго моря, и известныя подъ именемъ пруссовъ, ядзвинговъ, самогитовъ, литовцевъ, семигаловъ, латышей, также герулы жившіе въ Бранденбургіи и Мекленбургѣ, для выраженія своихъ мыслей употребляли разныя нарѣчія литовскаго (2) языка. Изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени только два: литовское и латышское. Первое употребляется въ части Пруссіи отъ Мемеля до Королевца, Тельши, Инстербурга и Сталупянъ,—въ Польшѣ между Нѣманомъ и Пруссіей до Августова и въ Россіи—въ цѣлой Ковенской губерніи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Виленской и Гродненской. Другимъ нарѣчіемъ говорятъ жители Курляндской, отчасти Лифляндской, въ части Витебской и Ковенской губерній,—словомъ—латышское племя. Филологи литовскаго языка утверждаютъ, что онъ не бѣденъ словами и даже имѣетъ нѣкоторыя правила; что складомъ своимъ не много похожъ на греческій и имѣя склоненіе временъ и спряженіе, удобенъ отчасти для гладкой прозы и стрихотворно—метрическаго размѣра.

Такъ какъ рѣчь есть вѣрная хроника народа, по этому по развитію литовскаго языка можно судить и объ умственной культурѣ литовцевъ, которая была когда то высшею, чѣмъ въ послѣдующіе историческіе годы. Такъ, покрайней мѣрѣ, думаютъ нѣкоторые литовскіе историки и подкрѣпляютъ слова свои фактами. Напримѣръ, Нарбуттъ говоритъ, что умственное развитіе литовскаго народа пришло въ упадокъ отъ частныхъ нападеній на страну воинственныхъ сосѣдей.

Жаль, что не сохранилась грамматика литовскаго языка Доната, которую, какъ утверждаетъ въ своей хроникѣ Альбѣртъ, перевелъ

---

(1) Медъ собираемый пчелами съ липоваго цвѣта

(2) Остатки (по изслѣдованіямъ Шишкевича) санкритскаго языка.

около 1223 года на латинскій языкъ епископъ Модены, Вильгельмъ Сабудскій, изучившій литовскій языкъ. Тогда мы имѣли бы старинный письменный документъ литовскаго нарѣчія. Но когда трудъ Сабутскаго погибъ для насъ безвозвратно, мы только можемъ догадываться, что то нарѣчіе было гораздо чище нынѣшняго литовскаго, въ которое послѣ вкрались звуки славянскіе и латышскіе. Жители внутреннихъ уѣздовъ Литвы, нестолько подвергшіеся разнымъ политическимъ переворотамъ, какъ жители окраинъ, еще до—нынѣ почти неприкосновенно сохранили свой первобытный языкъ. Такимъ то образомъ простолюдинъ литовскій, будучи сильно привязанъ къ своей родинѣ, подобно всѣмъ народамъ, помимо разныхъ историческихъ невзгодъ, сохранилъ, до настоящаго времени рѣчь своихъ предковъ, которая можетъ быть когда то, въ историческія счастливыя минуты, было болѣе обработанною.

Умѣлъ пруссакъ Риксель (1), о которомъ сохранились письменныя документы, воспѣвать на этомъ нарѣчіи дѣла предковъ. Подобно прусскимъ бардамъ, были у литовцевъ также свои барды, по имени *Бурдиники*, воспѣвавшіе подвиги героевъ своего народа и вѣру своихъ отцевъ. Самое названіе ихъ по звуку, напоминаетъ бардовъ кельтскихъ. Остатки языческой поэзіи, до насъ дошедшіе, которые заключаются въ маломъ количествѣ пѣсенъ, могутъ служить матеріаломъ для романтической литовской школы. Хотя имъ не составленъ полный сборникъ и переводъ, но изъ того, что уже появилось въ печати можно составить отчасти понятіе о ихъ поэзіи, которая, по своему внутреннему характеру, значительно разнится отъ поэзіи славянскихъ народовъ. Въ ней незамѣтны, ни очень дикое, пасмурное, ни очень веселое и живое воображеніе. Она дышетъ тихою кротостью, съ нѣкоторыми оттѣнками задумчивости, и всего болѣе отличается скромностію. Пѣсни любовныя (дайность), собранныя надъ Нѣманомъ и Виліей, въ которыхъ воспѣвается богиня любви, Мильда, хотя и дышатъ пылкостію чувствъ, но въ нихъ нѣтъ ничего эротическаго. Правда, была въ Литвѣ каста вакханокъ, по имени *рагутени*, (или рагутинки,

(1) Кажется, онъ былъ первымъ бардомъ, явившимся въ Пруссіи; и когда во время пира у новоизбраннаго магистра рыцарей, *Винтриха* фонъ Книпреди выступилъ съ пѣснью, прославлявшею ихъ орденъ, то его риѳмованная рѣчь осталось почти для всѣхъ непонятною, почему отъ хозяина пира онъ получилъ въ награду сто пустыхъ орѣховъ

рагутинеси) которые не только пляскою, беседою и кутежами служили богу *Рагутису* и его подругѣ *Рагутена—пати*, но вѣроятно и соотвѣтственными пѣснями; но такія пѣсни не сохранились въ памяти люда. Врожденная литвинамъ скромность, тщательно сберегаемая ими въ семейномъ быту, не допустила этимъ пѣснямъ прожить вѣка.

Можно бы было имѣть большее количество пѣсень литовцевъ, если бы они для своихъ потомковъ изложили ихъ письменно, чѣмъ сколько теперь собрано изъ устнаго преданія простонародья. Но, вѣроятно, литовцы пренебрегали подобнымъ дѣломъ, потому что, какъ нужно предполагать, искуство выражать свою мысль письменно, кажется издавна было имъ знакомо. Долго сомнѣвались въ томъ, умѣли-ли язычники – литовцы писать? Были-ли имъ извѣстны руны, бывшія въ общемъ употребленіи почти цѣлой Европы? Нарушевичъ говоритъ, что Чацкій, бывшій чѣмъ-то при дворѣ короля Станислава—Августа, увѣрялъ его, что на Жмуди, около Эйрогольы, былъ найденъ въ землѣ камень покрытый рунами. Тому же Чацкому разсказывалъ король, что въ царствованіе Августа III найдены на берегу рѣки Святой три костяныя жмудскія трубы изъ которыхъ двѣ были покрыты разными знаками и фигурами. Но какъ никто не прочелъ этихъ знаковъ и не убѣдилъ насъ, что они служили выраженіемъ словъ литовскихъ, то эти находки трудно приписать литовцамъ. На берегахъ рѣки Пены, между Одеромъ и Эльбою, въ мѣстѣ жительства геруловъ, найдены три истуканчика, на которыхъ руничными знаками написано литовское воззваніе къ Перуну. Нарбуттъ, изслѣдователь литовской старины, разъяснилъ все на этотъ счетъ сомнѣнія археологовъ. Онъ открылъ, что даже въ миѳическія времена литовскаго народа имъ были знакомы письмена. По открытымъ археологическимъ находкамъ, онъ раздѣляетъ ихъ письмена на три разряда: руны, заимствованныя отъ вендовъ или скандинавовъ, біармскіе знаки и собственно литовскіе. Первыя два разряда письменъ, какъ говоритъ Нарбутъ (т. I, табл. III), онъ замѣтилъ на монетахъ, печатяхъ, камняхъ, послѣдній употребляли жрецы въ надписяхъ на храмахъ, знаменахъ, храмовыхъ хоругвяхъ. Но эти письмена, по своей трудности, и потому, что ими нельзя выразить каждую мысль, не были доступны каждому; поэтому нужно предполагать, что и тогда не одному литовцу были знакомы азбуки русиновъ и готовъ.

Главною же причиною пренебреженія собственными письменами былъ перевѣсъ русской цивилизаціи; она очень рано стала оказывать свое цивилизующее вліяніе на языческую Литву. Съ того времени, какъ Литва постепенно стала выступать на политическую сцену и дѣлаться извѣстною Европѣ, ни съ кѣмъ она не имѣла столь частыхъ сношеній, какъ съ сосѣднею ей Русью. Мѣновая торговля сблизила оба народа и познакомила литовцевъ съ русскою рѣчью; религія по греческимъ обрядамъ, бывшая подъ опекою женъ литовскихъ князей преимущественно изъ русинокъ, отъ XIII вѣка стала оказывать свое вліяніе на характеръ и частную жизнь туземцевъ, и знакомила ихъ со всѣмъ русскимъ, а особенно съ языкомъ. Со временъ же Гедимина и Ольгерда сношенія литовцевъ съ русскими еще болѣе усилились. Многіе, по поводу торговли, проживъ долгое время въ средѣ русскихъ, и познакомившись съ ихъ нравами и обычаями, научились русскому языку, часто принимали православіе, женились на русскихъ и, воротясь на родину, служили примѣромъ своимъ землякамъ. Такимъ то образомъ не только вся русская цивилизація переливалась на Литву, но дошло до того, что русскій языкъ былъ предпочтенъ родному языку дворомъ, вельможами, а потомъ заступилъ его мѣсто и въ судахъ; одинъ только простолюдинъ сохранилъ родное нарѣчіе. Съ русскимъ языкомъ къ литовцамъ перешли и русскія письмена. Хотя о Ягеллѣ историки говорятъ, что онъ не умѣлъ писать, но это нужно отнести, вѣроятно, къ языкамъ латинскому и польскому, но не къ русскому.

Извѣстно, что всѣ, самые старинные законы, потомъ три статута литовскіе, всѣ привиллегіи князей, королей и хроники писались русскими письменами и на русскомъ языкѣ. Онъ сдѣлался господствующимъ. Ни одного письменнаго документа той эпохи, написаннаго по литовски, нельзя отыскать. Можетъ быть, подобныя обстоятельства современемъ измѣнились бы и литовцы опять взялись за родное, если бы Витольдъ не послушался совѣта крестоносцевъ. Говорятъ, что этотъ князь сильно любилъ свой родной говоръ и хотѣлъ было сдѣлать его письменнымъ и судебнымъ, но крестоносцы отклонили его отъ этого намѣренія, показывая, что такой возвратъ къ прошедшему былъ бы поводомъ возвращенія народа къ язычеству, къ которому онъ питалъ еще нѣкоторую симпатію.

Въ диплomатическихъ сношеніяхъ русскій языкъ не былъ еди-

свѣденіямъ. Многіе трактаты писались по латыни и по нѣмецки,— и часто въ нихъ выставлялись годъ и мѣсяцъ счисленія, принятый христіанскими народами. Но это, вѣроятно, зависѣло отъ писаря, строчившаго его, и стороны противной; которая, заключая трактатъ, желала, чтобы онъ былъ написанъ или переведенъ на понятномъ для нея языкѣ. Потому въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами князья, будучи даже язычниками, не дѣлали предпочтеніе какому либо одному изъ иностранныхъ языковъ, и ихъ не смущало, что трактаты писались писарями чужой вѣры и народности, что они и помѣчали ихъ христіанскимъ счисленіемъ времени, и съ простодушіемъ и довѣрчивостію прилагали къ нимъ свои печати. Въ послѣдствіи, съ языкомъ и письмомъ нѣмецкимъ не одинъ изъ князей былъ достаточно ознакомленъ. Гедиминъ держалъ при дворѣ нѣмцевъ, чтобы научиться ихъ языку. Объ Ольгердѣ сами нѣмцы говорили, что хотя онъ въ разговорѣ съ ними употреблялъ переводчика, но и самъ на столько зналъ нѣмецкій, языкъ что могъ разговориться съ ними. Кейстутъ только отчасти зналъ этотъ языкъ; зато Витольдъ былъ хорошо съ нимъ знакомъ и часто очень долго гостилъ у рыцарей.

IX.

Торговля; мореплаваніе; монеты.

Съ XIII вѣка возрастающее могущество Литвы, также завоеваныя ею приращенія страны и богатыя военныя добычи имѣли вліяніе на улучшеніе благосостоянія страны.—Подъ сильнымъ правленіемъ князей, покорившихъ воинственныхъ кривичей, воцарились довольство и миръ въ странѣ. Постепенно стали развиватся соціальные порядки, возстановилась личная и имущественная безопасность литвина. Князья и ихъ дружины, имѣя не мало скарбовъ, дорогихъ вещей и много иныхъ предметовъ, улучшавшихъ ихъ частный бытъ до той поры имъ неизвѣстныхъ, добытыхъ ими наѣздами на болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей, — познакомились съ новыми потребностями и комфортомъ жизни. Туземныя искуства, рукодѣлья и ремесла были тогда еще въ младенческомъ состояніи и не могли удовлетворить ихъ желаній. Однако чрезъ обмѣнъ ихъ на издѣлія чужія можно было получать все нужное. Такія обстоятельства способствовали развитію торговли,

а географическое положеніе Самогитіи, прилегающей къ Балтійскому морю и удобныя для сплава рѣки, которыя впадають въ него либо въ Черное—облегчали торговыя сношенія. Кромѣ того примѣръ сосѣдокъ: Пруссіи, Лифляндіи и Россіи возбуждали въ литовцахъ желаніе слѣдовать ихъ примѣру. Дѣйствительно, въ то время, когда Литва едва стала пугливо выглядывать на міръ изъ своихъ заповѣдныхъ трущобъ, вокругъ нея кипѣла торговая и промышленная дѣятельность. Взглянемъ мелькомъ, что именно происходило въ ту пору вокругъ нея.

Пока славяне приморскіе, жившіе между Эльбою и Одеромъ не были покорены франками, датчанами и саксонцами, города ихъ: Новый—Бранденбургъ въ княжествѣ Мекленбургъ—Шверинскомъ, Альтенбургъ или Старый—городъ въ Венгріи, Висмаръ, который потомъ былъ постояннымъ мѣстомъ стоянки флота Ганзы,—Любекъ, Аркона, Штетинъ въ Помераніи, и особенно Винета съ X вѣка и ранѣе, были главными складочными мѣстами товаровъ всѣхъ купцовъ; сюда стекались промышленники цѣлой Европы.

Дальше къ востоку, въ Помераніи и Пруссіи своею торговою дѣятельностію были извѣстны слѣдующіе города: Гданскъ (Данцигъ) и Эльблингъ. Послѣ поденія славянъ при эльбскихъ и при одерскихъ, въ XII вѣкѣ, выступили на сцену торговой промышленности, германскіе народы. Тогда на географической картѣ появились ихъ города: Шлезвигъ, Бременъ, онѣмеченный Любекъ, Гамбургъ, Висби въ Готландіи, Бергенъ въ Норвегіи, Биркенъ въ Швеціи, оживленные чрезвычайною торговою дѣятельностію. Для своей промышленной безопасности, они заключили въ 1341 году между собою такъ называемый ганзейскій союзъ. Пруссія, отъ вѣковъ извѣстная даже Марсели торговлею янтаремъ, подъ властію крестоносцевъ, которые свою милитарную политику умѣли ловко соединить съ экономическими и торговыми интересами, еще болѣе расширила торговыя операціи. Множество колонистовъ и купцовъ, прельщенныхъ богатою, наживою, значительно увеличили ея населеніе. Съ половины XIII вѣка германцы начали строить новые города, возобновлять прежніе, для ихъ обороны воздвигать городскія каменныя стѣны, или строить при нихъ вооруженныя замки. Къ этой эпохѣ относится постройка Торуни, Хелмна, Маріенвердера, Мемеля, Королевца, и иныхъ. Заботливые рыцари ничего не жалѣли, чтобы только улучшить земледѣліе, промыслы и торговлю; всѣ распоряже-

нія ордена къ тому только и клонились. Съ этой цѣлью въ XIV вѣкѣ магистры охотно приняли на себя протекторство Ганзѣ.

Далѣе, по берегу Балтійскаго моря, по сосѣдству Литвы, видимъ Курляндію, Лифляндію, Эстляндію. Страны эти ранѣе Пруссіи увидѣли на берегахъ своихъ торгующихъ нѣмцевъ и датчанъ. Купцы изъ Любека, Бремена, Гамбурга отъ 1158 года или еще ранѣе стали посѣщать ихъ заливъ и западную Двину. Въ 1199 году Рига пользовалась уже городскимъ правомъ, а чрезъ десять лѣтъ вошла въ торговыя сношенія со Псковомъ, Россіею и потомъ съ Литвою. Во второй половинѣ XIII вѣка она вошла въ составъ ганзейскаго союза. Въ 1218 году король датскій Вольдемаръ II заложилъ въ Эстляндіи замокъ Ревель, который вскорѣ превратился въ промышленный городъ. Торговлею также слыли въ то время Нарва и Дерптъ. Такихъ то сосѣдей имѣла Литва съ запада и съ сѣвера.

Съ востока была Россія, съ незапамятныхъ временъ слывшая торговлею. Чрезъ нее проходила купеческая дорога въ Константинополь, въ доисторическое еще время извѣстная норманнамъ. Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, съ начала X вѣка, стали возить свои товары въ Константинополь. Кромѣ продуктовъ собственныхъ, Россія много добывала для мѣновой торговли богатыхъ мѣховъ пушныхъ звѣрей изъ Азіи и наполняла ими европейскіе рынки. Купцы Кіева, Новгорода великаго, Москвы и иныхъ городовъ искони были посредниками между моремъ Болтійскимъ и морями Чернымъ и Каспійскимъ. Въ этомъ смыслѣ значеніе Руси было не малое, пока италіянскіе города: Венеція, Генуя, Пиза не завладѣли первенствомъ торговли. Но это наступило въ XI вѣкѣ, когда Италія стала господствовать на моряхъ. Самая старинная дорога восточныхъ товаровъ изъ Константинополя шла чрезъ Черное море, Днѣпръ и Кіевъ. Отсюда товары востока вмѣстѣ съ русскими развозились по сѣверу чрезъ Новгородъ; отправляли ихъ въ Балтійское море, или, наконецъ, хотя меньшая часть ихъ, шла чрезъ Краковъ. Вроцлавъ, Прагу въ Ратисбону. Не только норманны и нѣмцы посѣщали Кіевъ и Новгородъ, но и русскіе купцы доставляли имъ свои и чужіе товары, до самой Висбы, что на Готландіи. Тамъ они имѣли въ XIII вѣкѣ свой гостинный дворъ и свою церковь.

Съ перваго крестоваго похода промышленность Константино-

поля стала падать. Послѣдній ударъ нанесли ей латиняне послѣ взятія города въ 1212 году. Съ этого времени измѣнилось направленіе восточной торговли; но все таки товары Азіи шли чрезъ Россію. Самаркандъ, Балка, Бухара, Кубулъ, сдѣлавшись пунктами склада товаровъ персидскихъ, индѣйскихъ, китайскихъ, отправляли ихъ къ Каспійскому морю рѣкою Аму—Дарьей и караванами, отсюда Волгою ихъ перевозили въ Москву, Новгородъ, Ригу къ устью Невы и даже въ Холмогоры; или перевезенные къ Дону, складывались въ Азовѣ и Кафѣ, поджидая генуэзскихъ кораблей. Нѣкоторая часть ихъ могла проникать въ Русь—Днѣпромъ. Товары южной Азіи направлялись чрезъ персидскій полуостровъ, Бассору, Арменію, Трапезундъ въ Черное море и попадали на генуэзскіе и русскіе корабли. Иго монгольское не пріостановило торговаго движенія; монголы оказывали всякое покровительство купцамъ, хотя за большую пошлину; они сами нуждались въ разныхъ предметахъ роскоши. При преемникахъ Чингисхана, сарай поражалъ роскошью и великолѣпіемъ всѣхъ чужеземцевъ; сюда стекались промышленники отовсюду.

Торговля Польши въ описываемую эпоху была незначительна и не могла имѣть большаго вліянія на Литву.

Таково было торговое движеніе вокругъ Литвы, которая въ ту пору нуждалась во многихъ предметахъ а въ замѣнъ ихъ могла дать только сырые продукты своей страны. Но ихъ требовали иностранные купцы. Поэтому мѣха соболей, куницъ, горностаевъ, медвѣдей, россомахъ, рысей бобровъ, выдръ, лисицъ, волковъ, зубровъ, лосей оленей, дикихъ коней и разныхъ домашнихъ животныхъ; ленъ, пенька, льняное и конопляное сѣмя, хлѣбъ зерновой, медъ, воскъ, лѣсъ товарный, янтарь, сушеныя рыбы и сельди, которыя до 1313 года ловилась у самогитскихъ береговъ, – вотъ предметы, съ которыми Литва, хотя и въ незначительномъ количествѣ, выступала на мѣновую торговлю. Можетъ быть даже и невольники составляли извѣстную отрасль торговли, по тому что торговля ихъ была сильна распространена въ средніе вѣка по цѣлой Европѣ. Если же сами христіане покровительствовали такой унизительной промышленности, то тѣмъ болѣе она могла быть знакома язычникамъ—литовцамъ и пруссамъ. Въ замѣнъ вышепоименованныхъ товаровъ Литва получала отъ сосѣдей разныя пряности, напримѣръ: перецъ; также издѣлія изъ мѣди, олова, желѣза; серпы, косы и оружіе,

разныя блестки изъ металла и стекла; шелкъ; въ послѣдствіи, ознакомившись съ предметами достатка и роскоши, — шелковыя матеріи, ковры, жемчугъ, издѣлія изъ золота и серебра, вина, сахаръ, бумагу, порохъ и артиллерійскія орудія, когда они научились ими дѣйствовать. Соль Литва получала двумя дорогами. Южныя ея части получали соль изъ Крыма при посредствѣ Днѣпра; сѣверныя или добывали изъ моря, или получали изъ Пруссіи, по Нѣману, и Лифляндіи—сухимъ путемъ. Жемчугъ, шелкъ, ковры привозились русскими, и названіе этихъ предметовъ литовское нарѣчіе заимствовало изъ прусскаго языка; такъ по литовски: *жемчугасъ*, *шылкай*, *каурасъ*. Русскіе же получая отъ литовцевъ и самогитовъ янтарь, заимствовали у послѣднихъ и его названіе, потому что янтарь по литовски *єнтарасъ*. Янтарь русскіе купцы вмѣстѣ съ иными продуктами земли литовской привозили въ Новгородъ; отсюда, по Днѣпру, они развозили ихъ по цѣлой Руси и дальше—на востокъ.

Первыми купцами, явившимися въ Литвѣ, были русскіе промышленники, которые, пользуясь правами гостепріимства, свято хранимыми въ Литвѣ, смѣло колесили по ея дебрямъ, везя свои товары въ значительнѣйшіе города литовскіе. Вслѣдъ за ними—лифляндскіе нѣмцы, которые въ 1252 году на мѣстѣ литовскаго города Клайпеды построили Мемель. Миндовгъ же, тотчасъ по вступленіи на престолъ, выдалъ разныя привиллегія Ригѣ въ торговлѣ ея съ Литвою. (Нарбуттъ т. IV п. 143). Сплавная торговля по Нѣману въ тоже время не уменьшалась, какъ это видно изъ грабежа крестоносцами въ 1295 году лодокъ литовскихъ, шедшихъ съ товарами въ Ковну. По смертя Миндовга, происшедшія смуты имѣли не благотворное вліяніе на торговлю; но по вступленіи на престолъ Гедимина она снова оживилась. Этотъ князь, желая ее расширить далѣе на западъ Европы, издалъ въ Вильнѣ въ 1323 году привиллегію для свободной въ Литвѣ торговли купцамъ Любека, Штральзунда, Штетина и Готландіи, (Нарбутъ т. IV, п. 518). Въ XV вѣкѣ морская торговля Англіи на Балтійскомъ морѣ сдѣлалась довольно обширною и стала спорить о первенствѣ съ Ганзою; англійскіе корабли нерѣдко появлялись въ литовскихъ портахъ, и Кейстутъ, въ 1342 году, заключилъ съ этою державою торговый трактатъ.

Обратимъ вниманіе въ другую сторону. Со времени пріобрѣте-

нія Гедиминомъ Кіева (въ 1321 году) и южной Руси, открыло новое поле для торговой дѣятельности Литвы. Правда, торговля Кіева въ это время сильно упала отъ внутреннихъ и татарскихъ наѣздовъ; однако Кіевъ еще принималъ значительное участіе въ восточной торговлѣ. Много ему мѣшали крымскіе татары, перехватывая его суда на Днѣпрѣ и обозы въ степи. Но эти грабежи были прекращены Ольгердомъ, который одержалъ надъ татарами нѣсколько блистательныхъ побѣдъ и смирилъ гордость крымскихъ хановъ. Такимъ образомъ, продукты Украины и Подоліи отправлялись сухимъ путемъ обозами или Днѣпромъ, чрезъ порты Качыбей и Акерманъ къ Черному морю. Въ замѣнъ ихъ тѣми же дорогами шли внутрь страны товары востока и драгоцѣнные металлы. Не мало ихъ попадало въ Вильну, которая съ 1321 года сдѣлалась столицею княжества и скоро пріобрѣла значеніе въ торговомъ отношеніи. Съ XIV вѣка она была уже въ коммерческихъ сношеніяхъ съ Ригою, Псковомъ, Новгородомъ и многими другими русскими городами, расположенными по берегамъ рѣкъ Двины, Днѣпра и даже Волги; также съ Польшею и Саксоніею. Послѣ Вильны, въ торговомъ отношеніи занимала второе мѣсто Ковна, расположенная при двухъ сплавныхъ рѣкахъ: Нѣманѣ и Виліи; къ числу торговыхъ городовъ въ эпоху язычества принадлежалъ и Вилкомиръ.

Ярмарки введены, кажется, значительно позже; они появились тогда, когда городамъ стали надавать городское право. Но начало ихъ, нужно предполагать, кроется въ языческой эпохѣ и поводомъ ихъ служили годовые праздники при разныхъ капищахъ.

Все, что сказано выше о литовской торговлѣ въ XIII и XIV вѣкахъ подтверждаетъ одинъ изъ извѣстныхъ хроникеровъ нѣмецкихъ, приводимый Нарбуттомъ въ III т. его „дѣяній" п. 595. Вотъ что онъ говоритъ: „торговля прежнихъ литовцевъ состояла изъ дорогихъ мѣховъ, которые вывозились въ Новгородъ, Кіевъ, Русню (урочище Руссъ, недалеко отъ устья Нѣмана) въ Пруссіи и Райгандену въ Мозовіи. Русскіе получали отъ нихъ также янтарь, который въ то время цѣнился наравнѣ съ драгоцѣнными камнями и составлялъ очень прибыльную торговлю Литвы. Но когда сплавъ по Нѣману сдѣлался доступнымъ послѣ завоеванія Эрдивилломъ черной или ятвягской, и части бѣлой Руси, тогда значительно поднялась торговля хлѣбомъ въ Русни и Ковнѣ. Послѣ, въ 1380 году, сдѣлались доступными для судоходства остальныя

литовскія рѣки. Самая обширная торговля была съ компаніей русскихъ изъ Новгорода великаго; она имѣла свои гостинные дворы въ Вильнѣ, Ковнѣ и Вилкомирѣ. Кромѣ того, былъ въ Вильнѣ самый старинный кварталъ населенный русскими, и извѣстный подъ названіемъ „Русскаго конца", и самый богатый гостинный дворъ всѣхъ вообще русскихъ купцовъ, который въ 1366 году сгорѣлъ во время битвы русскихъ изъ-за религіозныхъ своихъ воззрѣній, а товары были разграблены туземцами. Князь Ольгердъ, въ 1375 года, дозволилъ имъ снова отстроить его. Такимъ образомъ, въ Вильнѣ было два русскихъ гостинныхъ двора: компаніи новгородцевъ и компаніи всѣхъ вообще русскихъ купцовъ. Живщіе въ городѣ русскіе получили право свободно распространять между туземцами христіанство. Третій, гостинный дворъ заложили въ Вильнѣ евреи, въ 1326 году, которые въ Польшѣ были забраны въ плѣнъ и поселены въ Вильнѣ". Нѣкоторые утверждаютъ, что первый гостинный русскій дворъ былъ построенъ при королѣ Александрѣ и что въ его привиллегіи, данной въ Брестѣ, въ 1504 году индикта 7-го, на этотъ дворъ, ничего не упоминается, вопреки принятому было обычаю ни о прежнихъ русскихъ гостинныхъ дворахъ, ни о привиллегіяхъ, выданныхъ имъ на то предшественниками Александра. Хотя нѣтъ историческихъ документовъ для опроверженія этого возраженія, но если обратимъ вниманіе, что постановка гостинныхъ дворовъ въ городахъ компаніями, гдѣ купцы одной націи стекались въ значительномъ числѣ, было принято въ среднихъ вѣкахъ цѣлою сѣверною и отчасти западною Европою, тогда не удивимся, что русскіе купцы, для своихъ выгодъ и безопасности товаровъ, построили въ Вильнѣ въ XIV вѣкѣ гостинные дворы, похожіе на тѣ, какіе они строили у себя и въ чужеземныхъ городахъ, напримѣръ, въ Ригѣ, Ревелѣ, Висбѣ въ Готландіи и иныхъ мѣстахъ достовѣрно неизвѣстно, отчего въ привиллегіи Александра не упомянуто объ этихъ дворахъ. Можетъ быть, послѣ пожара, происшедшаго во время какой либо осады крестоносцами Вильны, забыто, или не имѣли надобности упоминать въ привиллегіи о прежде бывшихъ дворахъ.

Говоря о торговлѣ съ русскими купцами, нужно упомянуть, что въ Литвѣ и на Руси велся искони обычай, что купеческіе караваны, прибывавшіе въ страну съ послами, пользовались особеннымъ покровительствомъ и освобождались отъ разныхъ провозныхъ

пошлинъ. Промышленники не опускали такихъ случаевъ и русскіе послы прибывали въ страну съ значительною свитою купцовъ. Съ этого повода въ трактатѣ Ольгерда и Кейстута съ княземъ смоленскимъ Святославомъ Іоанновичемъ, съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ, заключеннымъ въ 1471 году, встрѣчаемъ пунктъ о безопасности купцовъ, пріѣзжающихъ съ послами.

Первоналально сами иностранные купцы привозили товары въ Литву и здѣсь обмѣнивали ихъ на туземные продукты. Должно быть и литовскіе князья были сторонниками такой торговли, потому что получали съ иностранцевъ, *а не со своихъ*, значительную пошлину за ввозъ и вывозъ товаровъ. Въ послѣдствіи, при предшественникахъ Витольда, и литовцы стали заниматься вывозомъ продуктовъ. Не мало пользовались отъ торговли и мѣны съ ними евреи, которые сначала появились въ Литвѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, изъ Кіева, будучи изгнаны оттуда за какой то заговоръ съ греками. Говорятъ, что въ Кіевъ они прибыли изъ Крыма и имъ покровительствовалъ кіевскій князь Святополкъ Изяславовичъ; но послѣ его смерти народъ взволновался противъ нихъ за ростовщичество и захватъ въ свои руки всей торговли и разграбилъ ихъ дома. Преемникъ Святополка, Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ, въ 1113 году, повелѣлъ имъ выселится изъ края; тогда они перебрались въ Литву. Но будучи приняты здѣсь не очень гостепріимно, евреи выселились въ Польшу и такъ уже, какъ военно-плѣнные, они потомъ были забраны литовцами, поселены въ Литвѣ и записаны въ число великокняжескихъ подданныхъ,—по примѣру нѣмцевъ, у которыхъ въ XIII вѣкѣ евреи считались невольниками королевской камеры.

Первоначальная торговля литовцевъ была мѣновая; потомъ появились въ употребленіи благородные металлы. Стрыйковскій говоритъ, что въ первое время въ Литвѣ, вмѣсто денегъ, были въ обращеніи шкуры куньи, бѣличьи, лисьи и иныя, что имъ были отчасти извѣстны чужестранныя монеты и что нерѣдко литовецъ оплачивалъ купленные имъ товары иностранными деньгами. Вслѣдствіе торговыхъ отношеній, литовцы научились отъ русскихъ *рубить* серебрянные рубли. Каждому было дозволено рубить ихъ въ обращеніе, выставляя на каждомъ изъ нихъ доброту серебра и свою фамилію, на случай отвѣтственности, если рубли окажутся

фольшивыми. Дольше всѣхъ сохранилось рубленоя серебро и золото въ Россіи, Литвѣ и Лифляндіи. Чацкій говоритъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія найдены не подалеку отъ Вилкомира, въ помѣстьи Коссаковскихъ такіе рубли 15½ пробнаго достоинства; на каждомъ изъ нихъ былъ обозначенъ или гербъ литовскій,—погонь,—или какая либо фамилія. Потомъ рубленный металъ замѣнили литымъ,—овальной формы. Когда же явилась чеканенная монета достовѣрно неизвѣстно. Тотъ же Чацкій говоритъ, что до Ягеллы въ Литвѣ была въ обращеніи только рубленная и литая монета. Нарбутъ же старается доказать противное, описывая, имѣемую имъ, чеканенную монету, на одной сторонѣ которой, руничнымъ алфавитомъ, около фигуры въ шлемѣ и съ мечемъ въ рукахъ, написано: *Мендогъ Кунигасъ Дидисъ*, то есть Миндовгъ князь великій; съ другой стороны, вокругъ изображенія медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ — *Жемайтисъ Минзіосъ*, то есть: жмудская монета. Если эти надписи вѣрно прочитаны, то въ Жмуди, а слѣдовательно и въ Литвѣ, искуство чеканить монету было извѣстно со временъ Миндовга. Нарбуттъ описываетъ еще серебряную чеканною монету, на одной сторонѣ которой изображенъ всадникъ на лошади, на другой—фигура, сидящая на хищной птицѣ; въ правой рукѣ она держитъ жезлъ, въ лѣвой—три стрѣлы. Эта монета относится также къ числу старинныхъ литовскихъ монетъ, называвшихся *перунами*. Онъ говоритъ, что находили также золотые *„перуны“* и подкрѣпляетъ свои слова духовнымъ завѣщаніемъ шляхтича Болодь, записаннымъ въ 1493 году въ акты земства трокскаго, которымъ послѣдній завѣщалъ дватцать штукъ золотыхъ перуновъ женѣ своей и двадцать дѣтямъ. О перунахъ упоминаетъ также Кояловичъ въ своемъ гербовникѣ. Когда и кѣмъ были чеканены эти монеты, неизвѣстно; но самое названіе ихъ показываетъ, что они должны быть отнесены ко временамъ языческимъ. Такимъ образомъ, и драгоцѣнные металы, сначала въ видѣ рубленной, потомъ литой и чеканенной монеты, за много лѣтъ до Ягеллы, облегчали литовцамъ торговыя операціи. Высокая доброта старинныхъ монетъ литовскихъ послужила къ тому, что потомъ они вышли изъ обращенія, сдѣлавшись предметомъ выгодной ростовщической спекуляціи, или были вывезены изъ края, или, наконецъ, послужили матеріаломъ для чеканки монеты низшаго достоинства. Кояловичъ, въ своемъ гербовникѣ шляхты литовской

(Нарбуттъ т. I. п. 203), разсказываетъ, что какой то Петръ изъ Курозвенкъ, прозванный перуномъ, котораго отецъ Иванъ въ 1503 году имѣлъ отъ короля Александра дозволеніе чеканить въ Гроднѣ польскую монету,—занимался, въ сотовариществѣ съ евреями, скупливаніемъ литовской монеты. Залотые перуны онъ продавалъ въ Голландіи, а серебро перечеканивалъ на худшую польскую монету,—за что былъ преслѣдуемъ судебнымъ процессомъ до 1545 года. Объ этомъ также упоминаютъ въ своихъ хроникахъ Бѣльскій и Стрыйковскій.

Говоря о торговой дѣятельности литовцевъ, невольно приходишь къ вопросу: были ли они знакомы съ мореходствомъ? Много было толковъ, и самыхъ разнорѣчивыхъ, по этому предмету у литовскихъ историковъ. Одни хроникеры, основываясь на какихъ то преданіяхъ, по всей вѣроятности перешедшихъ въ Литву отъ скандинавовъ,толкуютъ о морскихъ литовскихъ богатыряхъ и морскихъ битвахъ литвиновъ съ датчанами; другіе, напримѣръ Адамъ Бременскій, разсказываютъ о разныхъ торговыхъ сношеніяхъ литовцевъ путемъ моря со шведами. Но всѣ эти сказанія не подкрѣпляются фактическими доказательствами, и мы можемъ только предполагать, что приморскимъ самогитамъ, отъ скандинововъ, вѣроятно, было извѣстно искуство мореплаванія, для рыбный ловли, въ отдаленные еще вѣка. Эту догадку подтверждаетъ литовская миѳологія, въ которой встрѣчаются особенные боги, властелины моря, покровители мореплаванія, мореходцевъ и ихъ кораблей (Атримпосъ, Гардельдисъ). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ литовскихъ упоминается о мореходствѣ, а литовскій языкъ имѣетъ свои собственныя оригинальныя слова, для обозначенія морскихъ терминовъ и частей судна. Не извѣстно, употребляли—ли самогиты свои суда, сверхъ рыбной ловли, для торговыхъ операцій. Но можно допустить, что изъ своихъ портовъ Полангена и Святой они могли иногда попадать въ ближайшіе приморскіе города Курляндіи и Пруссіи. По этому, если было замѣтно какое либо торговое движеніе, то только на берегахъ Самогитіи; для остальныхъ же частей края торговыми сообщеніями служили сухопутныя дороги и судоходныя рѣки.

(продолженіе будетъ.)

О. Бутовловскій.

III.

Опроверженіе обвиненій, взводимыхъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра [1]).

Въ «Отвѣтѣ» за подписью г. ректора Матвѣева, помѣщенномъ въ 28-мъ номерѣ *Кіевлянина* и перепечатанномъ въ другихъ газетахъ, историко-филологическій факультетъ обвиняется передъ общественнымъ мнѣніемъ въ томъ, что онъ.

1) обнаруживалъ *энергическую оппозицію*, или *такой-же отпоръ*, когда совѣтъ приглашалъ ученыхъ на каѳедры этого факультета.

2) Бывшіе члены историко-филологическаго факультета *своимъ бездѣйствіемъ* способствовали разрушенію своего факультета.

3) Ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возможнымъ указать себѣ преемника.

4) Ни одинъ изъ нихъ не рекомендовалъ по своей каѳедрѣ ни одного изъ бывшихъ учениковъ, ни а) въ стипендіаты, ни b) къ посылкѣ за-границу.

5) Историко - филологическій факультетъ, *при прежнихъ представителяхъ*, ослабѣвалъ въ числѣ слушателей.

---

[1]) Съ разрѣшенія автора, перепечатываемъ, для большей популяризаціи, эту весьма поучительную полемику изъ «Одеск. Вѣстника.» *Ред.*

Наконецъ, въ отвѣтѣ за подписью г. ректора сказано, что совѣтъ можетъ спасти факультетъ отъ разрушенія только привлеченіемъ свѣжихъ силъ, способныхъ поднять *упавшій кредитъ факультета.*

Послѣднее выраженіе «*упавшій кредитъ факультета*», которое г. ректоръ подписалъ и, можетъ быть, и написалъ, послѣднее выраженіе, повторяю,—шагъ къ юридической отвѣтственности..... Но подобныя слова и мѣры мы предоставляемъ другимъ сферамъ; не на скамьѣ подсудимыхъ, а на каѳедрахъ привыкли мы видѣть профессоровъ университета, и потому ничего подобнаго не позволимъ себѣ вносить въ среду ученую, которая должна сохранить свое достоинство. Безупречность тона обязательна для насъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ, на судъ котораго мы вынуждены явиться, и передъ юношествомъ намъ ввѣреннымъ: болѣе шести сотъ студентовъ обращаютъ на насъ свое вниманіе; они въ правѣ требовать отъ насъ, сказать намъ: покажите намъ примѣръ, какъ должно уважать печатное слово. Но обличеніе *въ несостоятельности* высказано, и обязанность наша—представить факты для того, чтобы общественное мнѣніе рѣшило само, *кто потерялъ кредитъ.* Обращаемся къ 1-му пункту; вотъ какъ онъ выраженъ въ «*Отвѣтѣ*» за подписью ректора:

«Когда бывшій профессоръ университета св. Владиміра, В. Я. Шульгинъ, изъявилъ желаніе снова поступить на службу въ университетъ, то совѣтъ, уважая ученую дѣятельность г. Шульгина, его истино образцовый даръ преподаванія, его прежнее, въ высшей степени благотворное вліяніе на слушателей, употреблялъ всѣ усилія предоставить г. Шульцу мѣсто, сообразное съ его научными и преподовательскими заслугами. *Къ сожалѣнію, эти усилія не дали благопріятныхъ результатовъ, благодаря энергической оппозиціи изъ историко-филологическаго факультета*».

Не мы возобновили эту печальную исторію, не мы указали на эту *первоначальную причину уничтоженія историко-филологическаго факультета*. Дѣло это хотѣли повести помимо того факультета, въ который г. Шульгинъ желалъ снова поступить; находили излишнимъ, чтобы оно шло черезъ факультетъ; но бывшій ректоръ г. Иванишевъ, поступилъ по смыслу устава (§ 70), и оффиціально предложилъ факультету дать свое заключеніе. Факультетъ отвѣчалъ указаніемъ на уставъ (§ 68):

«Никто не можетъ быть ординарнымъ или экстраординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора. Поэтому факультетъ не смѣетъ предложить г. Шульгину другихъ правъ, кромѣ правъ штатнаго доцента».

При всемъ моемъ уваженіи къ членамъ факультета, справедливость требуетъ сказать, что они потомъ отступили отъ устава и согласились съ большинствомъ: въ засѣданіи совѣта 4 октября 1863 г. «*опредѣлили* большинствомъ 24 голосовъ противъ *одного* (профессора Селина): подвергнуть баллотированію г. Шульгина въ прежнее званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора всеобщей исторіи.»

Почему-же я одинъ не соглашался съ 24 членами совѣта на баллотированіе г. Шульгина въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора? Во первыхъ, *по принципу*: черезъ какіе нибудь 4 мѣсяца подавать поводъ къ нарушенію устава, Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1863 г. мнѣ казалось *невозможнымъ;* во вторыхъ, не согласился *по убѣжденію*: новымъ уставомъ преподавателямъ университета дарованы весьма важныя преимущества, а пріобрѣтеніе степени доктора облегчено какъ нельзя болѣе: вовсе не требуется ни устный, ни письменный экзаменъ, а только одно защищеніе диссертаціи. Я былъ совершенно убѣжденъ, что г. Шульгину весьма легко выполнить это

необременительное требованіе. Наконецъ, только что передъ этимъ дѣломъ, именно отъ 17 августа 1863 г., за № 1349, отъ *совѣта* поступило въ факультетъ предложеніе, съ надписью *по Высочайшему повелѣнію:* «совѣтъ имѣетъ честь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ пригласить гг. членовъ онаго, не имѣющихъ степени доктора, которая требуется университетскимъ уставомъ для занятія каѳедры, озаботиться пріобрѣтеніемъ упомянутой степени». — Если совѣтъ обязываетъ профессоровъ, изъ которыхъ есть даже заслуженные [1]), имѣть степень доктора; то тѣмъ болѣе эта докторская степень обязательна для г. Шульгина, какъ вновь поступающаго на службу, и притомъ съ категорически выраженнымъ условіемъ — быть исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, съ окладомъ по новому уставу. И такъ, *не противъ г. Шульгина, а противъ нарушенія устава* возсталъ одинъ членъ совѣта, и напрасно въ «*Отвѣтѣ*» за подписью ректора кто-бы то ни было изъ факультета обвиняется *въ энергической оппозиціи*. Я всегда отдавалъ и теперь отдаю справедливость г. Шульгину; считалъ его однимъ изъ лучшихъ преподавателей и, снова повторяю, не былъ противъ него; напротивъ, я, во 1-хъ, желалъ и предлагалъ пригласить его; во вторыхъ, предлагалъ такъ, чтобы не нарушать устава; въ третьихъ, предлагая, имѣлъ въ виду возможно лучшую будущность каѳедры. Вотъ мѣсто изъ моего особаго мнѣнія: въ интересѣ науки, я нахожу болѣе полезнымъ пригласить г. Шульгина временнымъ преподавателемъ по кай-

---

[1]) И заслуженный профессоръ Делленъ, честь пріобрѣтенія котораго (послѣ забаллотированія его *меньшинствомъ* въ Кіевѣ) принадлежитъ Харьковскому университету, избравшему его ²/₃ голосовъ, поспѣшилъ исполнить требованіе Высочайшей воли: представилъ диссертацію, публично защитилъ ее и былъ утвержденъ г. министромъ въ степени доктора и въ званіи заслуженнаго *ординарнаго* профессора.

у, какъ это и было ему предложено г. ректоромъ, на что г. Шульгинъ соглашался. Временное-же преподаваніе по найму я нахожу для университета болѣе полезнымъ потому, что у факультета не будетъ отнята возможность, при благопріятномъ случаѣ, пріобрѣсти такого ученаго дѣятеля, который заявитъ себя чѣмъ нибудь особеннымъ и истинно замѣчательнымъ на поприщѣ науки; а въ ожиданіи вожделѣннаго случая, исторія была-бы излагаема двумя преподавателями и съ большею подробностію [1]).

Послѣ избранія г. Шульгина въ совѣтѣ большинствомъ 23 голосовъ противъ 7, въ началѣ 1864 года послѣдовало *рѣшеніе совѣта министра;* тамъ сказано, что избранный совѣтомъ университета въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора магистръ Шульгинъ *не можетъ быть назначенъ*, безъ прямаго нарушенія устава (§ 68); что новое избраніе никакъ нельзя считать продолженіемъ прежней службы; что чѣмъ выше ученыя достоинства магистра Шульгина и чѣмъ болѣе они цѣнятся университетомъ, *тѣмъ легче для г. Шульгина пріобрѣтеніе необходимой степени доктора.*

Пусть-же общественное мнѣніе рѣшитъ теперь, откуда вышла *энергическая оппозиція*. Не отъ совѣта-ли министра, передъ трибуналомъ котораго нѣтъ печальныхъ личныхъ отношеній, а существуетъ право и постановленія устава? Пусть рѣшитъ общественное мнѣніе *кто нарушалъ уставъ*, *кто посягалъ на автономію факультета и кто тѣмъ самымъ потрясалъ автономію совѣта?*

Послѣ того какъ совѣтъ министра кассировалъ

[1]) Что и осуществилось: факультетъ пріобрѣлъ молодаго ученаго, превосходно приготовленнаго, магистра Бильбасова, который скоро потомъ получилъ степень доктора и, еще до возвращенія въ Кіевъ, въ факультетѣ былъ *единогласно* избранъ въ экстраординарные профессоры, но совѣтомъ не былъ избранъ, и оставилъ университетъ.

неправильное избраніе, дѣло о г. Шульгинѣ вступаетъ въ новый фазисъ: деканъ медицинскаго факультета Матвѣевъ *предложилъ* въ совѣтѣ: *г. Шульгина, какъ знаменитаго ученаго, пріобрѣвшаго всеобщую извѣстность своими учеными трудами, возвести прямо и безъ испытанія въ степень доктора, на основаніи § 113 устава.* Съ такимъ-же предложеніемъ вошелъ въ факультетъ профессоръ Нейкирхъ, которое, какъ отвергнутое всѣми другими членами, осталось безъ послѣдствій. Факультетъ указывалъ совѣту на § 110, изъ котораго видно, что совѣтъ, безъ предварительнаго удостоенія и представленія факультета, не имѣетъ права возводить ни въ дѣйствительные студенты, ни въ кандидаты, ни въ магистры, ни въ доктора. Но факультетъ, не считая себя непогрѣшимымъ въ толкованіи устава, предлагалъ совѣту представить г. министру для разрѣшенія общій вопросъ въ принципѣ, не касаясь г. Шульгина: *можетъ-ли совѣтъ утверждать въ ученой степени безъ предварительнаго удостоенія и представленія факультета?* Факультетъ, опираясь на § 110, заявлялъ: если факультету предоставлено право удостаивать ученыхъ степеней по экзамену и представлять на утвержденіе совѣту; то тѣмъ болѣе это право должно принадлежать факультету, когда дѣло идетъ о возведеніи кого-либо въ высшую ученую степень безъ публичнаго защищенія диссертаціи: ибо факультетъ преимущественно обязанъ знать знаменитыхъ ученыхъ въ области его спеціальностей. Но совѣтъ, большинствомъ 17 голосовъ противъ 12 [1]) опредѣлилъ *рѣшить дѣло помимо факультета и не представляя общаго вопроса, какъ предлагалъ факультетъ, на разрѣшеніе г. министра.*

И такъ, по предложенію профессора акушер-

---

[1]) Противъ ректора Иванишева, декановъ Селина и Дьяченка, профессоровъ Нейкирха, фонъ-Гюббенета, Ротовича, Мацона, Деллена, Талызина, Ставровскаго, Яроцкаго и Чугаевича.

ва, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, магистръ русской исторіи Шульгинъ, какъ знаменитый ученый пріобрѣвшій всеобщую извѣстность своими учеными трудами, былъ возведенъ въ степень доктора большинствомъ 20 голосовъ противъ 9 [1]), и тогдаже, по предложенію ректора Иванишева, не согласившагося на такой способъ возведенія въ высшую ученую степень, возведенъ къ экстраординарные профессоры, и сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ, *съ закрытымъ баллотированіемъ, а открытою подачею голосовъ*,

Деканъ Селинъ отказался подписать дипломъ на томъ основаніи, что подпись декана на дипломѣ не есть формальное скрѣпленіе (ибо дипломы, сказано въ уставѣ, скрѣпляетъ секретарь совѣта), а есть свидѣтельство въ томъ, что факультетъ *участвовалъ* въ возведеніи извѣстнаго лица въ ученую степень, что онъ *удостоилъ* его и *представлялъ* на утвержденіе совѣта. Но у факультета отнято было неотъемлемое его право на главное участіе въ этомъ дѣлѣ, не было уважено и предложеніе *единственнаго средства къ соглашенію*—обратиться къ г. министру за разрѣшеніемъ общаго вопроса въ принципѣ, и дипломъ былъ подписанъ не деканомъ, а профессоромъ Нейкирхомъ, и притомъ въ то время, когда деканъ былъ на лицѣ, присутствовалъ въ засѣданіи. Тогда факультетъ, тщетно протестовавшій, обратился черезъ г. попечителя къ г. министру *съ протестомъ, съ полнымъ изложеніемъ всего дѣла и съ своимъ мнѣніемъ о веденіи его.* Здѣсь между прочимъ заявлялось:

«Факультетъ не оспариваетъ, что г. Шульгинъ

---

[1]) Противъ ректора Иванишева, который былъ *только* противъ возведенія г. Шульгина въ знаменитые ученые, профессоровъ фонъ-Гюббенета, отказавшагося отъ подачи голоса, по убѣжденію въ незаконности дѣла, Мацона, Талызина и, за исключеніемъ Нейкирха, всѣхъ присутствовавшихъ членовъ факультета: декана Селина, профессоровъ Деллена, Ставровскаго и Яроцкаго.

могъ-бы пріобрѣсть степень доктора законнымъ путемъ, если-бы только пожелалъ того, но нынѣ не можетъ согласиться на возведеніе его въ степень доктора, на основаніи примѣчанія къ § 113, потому что между докторомъ, получившимъ эту высшую ученую степень послѣ публичнаго защищенія диссертаціи, и докторомъ, возведеннымъ в эту степень прямо и безъ испытанія—огромная разница; послѣдній способъ возведенія есть въ тоже время и приговоръ на знаменитость и всеобщую извѣстность ученаго, а къ подобнымъ избранникамъ науки факультетъ не имѣетъ никакихъ основаній причислять г. Шульгина, ни по магистерской его диссертаціи, ни по учебнику его, ни по изданному имъ началу исторіи университета св. Владиміра,—въ чемъ заключаются всѣ ученые труды г. Шульгина.

«Наконецъ, факультетъ, протестуя противъ такого возведенія г. Шульгина, желаетъ довести до свѣдѣнія всѣхъ университетовъ и всего ученаго сословія Россіи, что онъ не участвовалъ въ такомъ дѣлѣ, которымъ, да будетъ позволено сказать, имѣетъ право оскорбляться ученое сословіе; по крайней мѣрѣ историко-филологическій факультетъ Императорскаго университета св. Владиміра видитъ въ такомъ возведеніи магистра Шульгина въ степень доктора ни болѣе, ни менѣе какъ testimonium paupertatis въ ученыхъ мужахъ на поприщѣ науки».

Вопросъ о возведеніи магистра Шульгина въ степень доктора, безъ защищенія диссертаціи, подвергнутъ былъ *всестороннему обсужденію въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія*, и затѣмъ *разсмотрѣнъ и рѣшенъ журналомъ совѣта министра*: веденіе дѣла совѣтомъ университета совѣтъ министра призналъ *неправильнымъ;* совѣту университета предложено *передать дѣло въ факультетъ*; *дипломъ*-же на степень доктора, сказано далѣе, *не можетъ быть выданъ г. Шульгину прежде новаго удо-*

*ıоевнія его ученой степени и притомъ не иначе, какъ
резъ факультетъ.*

Къ этому прибавлять ничего себѣ не позволимъ;
усть общественное мнѣніе обратитъ вниманіе на
уждение объ этомъ дѣлѣ въ статьѣ *Голоса* [1]): «*Что
акое знаменитый ученый?*» написанной, какъ видно,
ицемъ вполнѣ знакомымъ съ документами не толь-
о напечатанными, но, если не ошибаемся, и пись-
енными. Въ заключеніе скажемъ, говорится въ
ъ статьѣ *Голоса*, что для насъ въ этомъ дѣлѣ пред-
ставляются слѣдующіе вопросы:

Почему совѣтъ такъ настойчиво шелъ противу
устава?

Для чего онъ допустилъ нарушеніе § 110 уста-
ва и дозволилъ его истолковывать такимъ изворо-
томъ [2])?

Почему онъ не уважилъ протеста историко-фи-
лологическаго факультета?

Или онъ опасался, что министерство уважитъ
этотъ протестъ?

Почему могло возбудиться такое понятіе? Не
потому-ли, что историко-филологическій факультетъ
не представилъ-бы г. Шульгина къ возведенію въ
званіе доктора на основаніи § 113?—Если это такъ,
то совѣтъ, значитъ, старался обойти законъ.... Все
это невѣроятно, потому что для ученыхъ по всѣмъ
отраслямъ, для ученыхъ спеціалистовъ всякаго ро-
да долженъ быть дорогъ принципъ: pereat mundus
fiat justicia. Принципъ этотъ нисколько не проти-
ворѣчитъ самостоятельности университета, ибо *са-
мостоятельность не созидается нарушеніемъ уставовъ*».

Въ томъ-же обвинительномъ пунктѣ статьи, за
подписью г. ректора, прибавлено:

---

[1]) 1864 г. мая 6, номеръ 124.

[2]) Я не желаю приводить здѣсь, даже въ извлеченіи, неопро-
вержимое обличеніе въ изворотѣ, и не потому не желаю, что оно
занимаетъ большое мѣсто въ указанной статьѣ *Голоса*.

«Послѣдующая дѣятельность Шульгина показываетъ, какого сильнаго органа для дѣла Русской идеи въ здѣшнемъ краѣ лишился чрезъ это университетъ св. Владиміра».

Противъ этого прибавленія мы себѣ ничего не позволимъ сказать; но неужели подписавшійся подъ этой статьей, или и написавшій ее, не замѣтилъ въ высшей степени страннаго противорѣчія этихъ прекрасныхъ фразъ съ неблаговидною дѣйствительностію? Я спрашиваю г. ректора: *не онъ-ли предсѣдательствовалъ, и притомъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ собраніяхъ совѣта*, въ которыхъ профессоры обсуживали такого рода вопросъ: *какія принять мѣры противъ крайняго злоупотребленія печатнымъ словомъ редактора газеты: «Кіевлянинъ», г. Шульгина?—Въ представленіи за подписью профессоровъ* исчислены всѣ литературныя неприличія, начиная съ 1-го нумера появившейся газеты, всѣ недостойныя, и притомъ косвенныя порицанія, видимо направленныя противъ членовъ русскаго университета, и гдѣ еще? въ югозападномъ краѣ, изъ процентнаго сбора съ котораго правительство отпускаетъ субсидію на содержаніе этой газеты; въ югозападномъ краѣ, гдѣ враждебныя русской идеѣ лица могли находить обильнѣйшую пищу своему злорадству, смотря, какъ редакторъ *Кіевлянина*, бывшій профессоръ университета, изыскивалъ и употреблялъ всяческія средства къ униженію представителей русскаго образованія!—Неужели я долженъ говорить и о тѣхъ мѣрахъ, какія предлагались противъ безнаказаннаго злоупотребленія прессою, которое позволялъ себѣ редакторъ *Кіевлянина* единственно ради униженія профессоровъ русскаго университета, университета св. Владиміра? Лучше обратимся къ другому обвиненію историко-филологическаго факультета.

Приведемъ теперь съ буквальною точностію другое обвиненіе историко-филологическаго факуль-

са, обозначенное нами въ 1-мъ изъ вышеизчисленныхъ пунктовъ:

„*Такой-же отпоръ* изъ среды историко-филологическаго факультета встрѣтило предложеніе нѣкоторыхъ членовъ совѣта о приглашеніи на каѳедру философіи, когда она сдѣлалась вакантною, профессора Казанскаго университета Троицкаго. И *благодаря этому отпору*, вмѣсто немедленнаго замѣщенія каѳедры кандидатомъ, встрѣченнымъ почетными отзывами въ литературной критикѣ, *на сцену явилась проволочка въ видѣ конкурса на каѳедру философіи и т. п.*

О профессорѣ Троицкомъ и о магистрѣ Скворцовѣ въ первый разъ заговорили въ совѣтѣ послѣ забаллотированія профессора философіи Гогоцкаго, въ засѣданіи 6 октября 1867 года, если не позже. А была-ли инициатива отъ членовъ историко-филологическаго факультета, которыхъ намъ предстоитъ еще защищать отъ крайне несправедливыхъ обвиненій въ бездѣйствіи? Не въ октябрѣ 1867 г., *а за четыре года до поднятаго вопроса въ совѣтѣ*, именно въ 1863 году, г. Гогоцкій обращался уже къ профессору Московскаго университета *Юркевичу* съ просьбою рекомендовать достойнаго молодаго ученаго по предмету философіи, и профессоръ Юркевичъ тогда-же указалъ на отличнаго кандидата *Скворцова*. Далѣе, лишь только появилось сочиненіе г. *Троицкаго*, я, бывши деканомъ, просилъ г. Гогоцкаго, въ маѣ 1867 года, или въ іюнѣ, хорошо не помню, разсмотрѣть появившееся сочиненіе, просилъ въ то время, когда г. Гогоцкій *былъ еще ординарнымъ профессоромъ*, и просилъ для того, чтобы въ случаѣ забаллотированія г. Гогоцкаго, чего, конечно, мы должны были ожидать, имѣть уже въ виду двухъ преемниковъ на каѳедру философіи; а въ случаѣ избранія г. Гогоцкаго, на что, правду сказать, мы не надѣялись, тогда еще положили войти въ свое время съ представленіемъ въ совѣтъ

о необходимости двухъ профессоровъ по такой обширной и сложной каѳедрѣ (психологія, логика, педагогія, дидактика, исторія философіи). Профессоръ Гогоцкій разсмотрѣлъ сочиненіе г. Троицкаго, тогда-же написалъ обширный разборъ, а потомъ и напечаталъ его [1]). Какъ эти, такъ и другія дѣйствія членовъ, словомъ всѣ усилія ихъ спасти факультетъ отъ уничтоженія, въ статьѣ за подписью г. ректора, *называются бездѣйствіемъ членовъ, способствовавшихъ разрушенію факультета!*

Послѣ забаллотированія (1 сентября 1867 г.), профессоръ Гогоцкій былъ приглашенъ къ чтенію лекцій до конца академическаго года (до 1 іюня 1868). Факультетъ, не взирая на это забаллотированіе, не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ; прежде всего онъ долженъ былъ подумать, *кто можетъ замѣнить* (въ строгомъ смыслѣ слова) *забаллотированнаго профессора*, и съ этой цѣлію, еще передъ баллотированіемъ, долгомъ считалъ заявить передъ совѣтомъ:

„Высоко цѣня ученую и учебную дѣятельность г. Гогоцкаго, историко-филологическій факультетъ считалъ-бы для себя надолго невознаградимою потерею, если бы долженъ быть лишиться, *вслѣдъ за заслуженнымъ профессоромъ Делленомъ, опять одного изъ добросовѣстнѣйшихъ и ученѣйшихъ своихъ членовъ* (особенно при настоящемъ малочисленномъ составѣ факультета). Что факультетъ отнюдь не преувеличиваетъ заслугъ г. Гогоцкаго, тому доказательствомъ служитъ весьма многосторонняя *ученая* и *учебная* дѣятельность его въ нашемъ университетѣ, равно какъ его *сочиненія, составляющія украшеніе нашей литературы.* Многосторонность ученой

---

[1]) Нѣсколько мыслей по поводу сочиненія: Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи, историческое и критическое изслѣдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бекона и Локка. М. Троицкаго Москва—1867.—Кіевъ 1867.

діятельности г. Гогоцкаго состоитъ не только въ томъ, что на немъ одномъ доселѣ лежала обязанность излагать свой спеціальный предметъ, который самъ по себѣ весьма обширенъ, но и въ томъ, что онъ, кромѣ философскихъ наукъ, излагалъ студентамъ педагогику и дидактику: весьма рѣдко встрѣчается, чтобы въ одномъ и томъ-же лицѣ могли сочетаться столь обширныя философскія познанія, вмѣстѣ съ столь-же глубокимъ пониманіемъ вопросовъ и дидиктическихъ, и чтобъ эти познанія съ такою-же тщательностію, какъ г. Гогоцкимъ, передаваемы были студентамъ. Что же касается до сочиненія г. Гогоцкаго, то однимъ своимъ „*Философскимъ лексикономъ*“, котораго доселѣ вышли уже три большіе тома, г. *Гогоцкій доставилъ себѣ вполнѣ заслуженную известность въ ученомъ мірѣ* (далѣе исчисляются всѣ сочиненія г. Гогоцкаго). Г. Гогоцкій имѣетъ ученыя заслуги не только въ прошедшемъ: оставивши его при нашемъ университетѣ еще на пять лѣтъ, совѣтъ далъ-бы ему возможность довести до конца „*Философскій лексиконъ*“ и приготовить къ печати другія сочиненія, которыя ждутъ, такъ сказать, только послѣдней руки автора, а онъ еще въ полной силѣ возраста и одушевленъ горячимъ желаніемъ приносить пользу отечеству своей ученой дѣятельностію [1])“.

И такъ, *не проволочка явилась на сцену въ дѣлѣ конкурса и т. п.;* напротивъ того, *опасеніе* истори-

[1]) Здѣсь мѣсто отдать полную справедливость *большинству* гг. профессоровъ университета св. Владиміра; къ славѣ и чести его, оно стояло выше всяческихъ личныхъ отношеній; всѣ профессоры историко-филологическаго факультета забаллотированы *меньшинствомъ*; большинство избрало ихъ: заслуженный ординарный профессоръ Делленъ, при баллотированіи на *второе* пятилѣтіе, получилъ 15 избирательныхъ и 14 неизбирательныхъ шаровъ; ординарный профессоръ Гогоцкій, тоже на 2-е пятилѣтіе, получилъ избирательныхъ 13 и 11 неизбирательныхъ; орд: проф. Селинъ, при баллотированіи на *первое* пятилѣтіе, получилъ 17 избирательныхъ и 10 неизбирательныхъ.

ко-филологическаго факультета, *кыма* (въ строгомъ смыслѣ слова) *заменить* такого достопочтеннаго дѣятеля, какъ профессоръ Гогоцкій, *побудило* факультетъ предложить конкурсъ на вакантную каѳедру философіи. Представленную факультетомъ програму конкурса *совѣту слѣдовало принять и объявить*, такъ какъ *факультетамъ предоставлено право утверждать собственною властію програмы на конкурсъ для занятія вакантныхъ каѳедръ* (уст. § 23, А., п. 2).

Но совѣтъ лишилъ факультетъ этого права, совершенно произвольно исключивъ изъ програмы, утвержденной факультетомъ, весьма важное условіе, именно: „конкурентъ долженъ представить подробную программу преподаванія по каѳедрѣ философіи». А факультетъ даже не протестовалъ противъ этого посягательства на право, уставомъ ему дарованное!

1-го мая 1868 года, деканъ объявилъ въ засѣданіи факультета, что конкуррируются три лица: доктора философіи Гогоцкій и Троицкій и магистръ Скворцовъ. Два члена факультета [1]), имѣя въ виду, что профессоръ Гогоцкій не откажется отъ преподаванія философіи и въ будущемъ семестрѣ, въ теченіи котораго можетъ быть произнесено окончательное сужденіе о достоинствѣ конкурсныхъ трудовъ, объявили, что дѣло такой важности, какъ замѣщеніе вакантной каѳедры фисософіи, обязываетъ факультетъ прежде всего сдѣлать тщательный *сравнительно-критическій разборъ* сочиненій, представленныхъ конкуррентами, чтобы опредѣлилось съ ясностію, кто между ними по справедливости имѣетъ преимущество; что торопиться никакой нѣтъ надобности; что всѣ три конкуррента—лица болѣе или менѣе достойные; что задача конкурса

---

[1]) Заслуженный ординарный профессоръ Нейкиркъ и адъюнктный профессоръ Селинъ.

въ томъ и состоитъ, чтобы былъ избранъ достойнѣйшій; тогда и *факультетъ*, и *совѣтъ* были-бы нравственно обязаны подать свои голоса въ пользу этого достойнѣйшаго. Но три члена [1]), не соглашаясь на это, предлагали ограничиться тѣмъ мнѣніемъ, которое и безъ того могли уже составить члены факультета и совѣта по существующимъ въ литературѣ отзывамъ ученыхъ спеціалистовъ и также ознакомившись сами съ сочиненіями конкуррентовъ. Совѣтъ согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ, между тѣмъ самъ, т. е. *самъ-же совѣтъ*, еще прежде (декабря 15, 1867 года) *постановилъ—даже отзывы факультетовъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ* (если-бы нашелъ нужнымъ ихъ дополнить) *препровождать въ факультеты другихъ университетовъ, или къ одному изъ извѣстныхъ ученыхъ для сообщенія совѣту мнѣнія о конкурсныхъ работахъ*. Далѣе указана и цѣль мѣры: „*и эта мѣра можетъ способствовать образованію научныхъ связей между университетами, дѣлая ихъ участниками въ преуспѣяніи каждаго изъ нихъ въ частности.*“ Пусть *другіе* назовутъ подобную мѣру *нашего совѣта проволочкой, въ видѣ препровожденія отзывовъ* (*для ихъ дополненія*) *въ другіе университеты и т. п.*, но я, съ своей стороны, и *ее даже* признаю разумною; только не могу не замѣтить: если *самые отзывы факультетовъ* о конкурсныхъ сочиненіяхъ, и *тѣ даже* постановлено препровождать въ другіе университеты, то какъ-же можно назвать *проволочкой и т. п.* конкурсъ и ту единственно-законную мѣру, на которую два члена факультета указали, притомъ, какъ на первую нравственную обязанность университета къ конкуррентамъ, обязанность—произвести судъ на основаніи сравнительно-критическаго разбора? Прошу безпристрастнаго читателя вни-

[1]) Исправляющій должность экстра-ординарнаго профессора ...роцкій и штатные доценты Страшкевичъ и Лашкевичъ.

кнуть въ положеніе факультета: на конкурсъ представлены сочиненія *трехъ* соискателей: профессоръ Гогоцкій, какъ спеціалистъ, единственный компетентный судья въ факультатѣ; но онъ самъ конкуррируетъ,—слѣдовательно, поручать ему разборъ сочиненій другихъ конкуррентовъ не только невозможно, даже неблаговидно, тѣмъ болѣе, что совѣтъ принялъ за правило: «профессоръ, не выбраный на новое пятилѣтіе и оставленный по найму, ни въ разсмотрѣніи сочиненій, ни въ сужденіи о конкурсѣ, участія имѣть не можетъ." А кромѣ того, кто-же сталъ-бы разбирать г. Гогоцкаго, и притомъ опять таки *сравнительно* съ трудами другихъ двухъ конкуррентовъ? Единственный членъ факультета, державшій экзаменъ по философіи, заслуженный профессоръ греческой словесности Нейкирхъ, на предложеніе декана, добросовѣстно отвѣчалъ, что не можетъ взять на себя сравнительно-критическаго разбора сочиненій гг. Гогоцкаго, Троицкаго и Скворцова, какъ спеціалистовъ по философіи.

Упомянутое разногласіе въ факультетѣ было представлено на благоусмотрѣніе совѣта, на рѣшеніе котораго мы уже указали. Не соглашаясь съ этимъ рѣшеніемъ, по моему убѣжденію, и неправильнымъ и несправедливымъ ко всѣмъ тремъ конкуррентамъ: къ гг. Гогоцкому, Троицкому и Скворцову, въ особомъ мнѣніи я доказывалъ необходимость сравнительно-критическаго разбора:

„Факультеты и совѣтъ должны дорожить довѣріемъ лицъ, которыя идутъ къ намъ на судъ, какъ соискатели; я хочу сказать, что при конкурсахъ *необходимъ сравнительно-критическій* разборъ (представленныхъ сочиненій) *профессора-спеціалиста*, а если въ факультетѣ его нѣтъ, тогда то-же довѣріе конкуррентовъ обязываетъ факультеты и совѣтъ препровождать представленныя на конкурсъ сочиненія въ тотъ университетъ, гдѣ есть профессоръ-

спеціалисть (для сравнительно-критическаго разбора ихъ). Совѣтъ университета св. Владиміра самъ признавалъ эту мѣру необходимою, именно въ своемъ проэктѣ, посланномъ на утвержденіе министерства: что самъ совѣтъ признавалъ необходимымъ, то совѣтъ самъ первый нравственно обязанъ исполнять. Большинство членовъ, какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ, не приняло моего предложенія—отправить сочиненія къ профессору-спеціалисту другаго университета, для сравнительно-критическаго разбора; совѣтъ удовлетворился тѣмъ отзывомъ, какой могъ дать факультетъ, не имѣющій ни одного спеціалиста по философіи. Что-же послѣдовало за этимъ? Конкуррентъ, находящійся въ Кіевѣ, бывшій профессоръ Гогоцкій, узнавши, что сравнительно-критическаго разбора не будетъ поручено профессору-спеціалисту (въ письмѣ къ декану, *не принятомъ*, впрочемъ, *совѣтомъ за оффиціальное*), отказался отъ этого конкурса, *не признавая его конкурсомъ*. А будутъ-ли удовлетворены даннымъ отзывомъ профессоръ Троицкій (находящій въ Казани) и доцентъ Скворцовъ (въ Москвѣ)? Вотъ почему факультетъ не рѣшился приступить къ баллотированію, а поставилъ на видъ совѣту, что г. Гогоцкій *не отказывался отъ конкурса безусловно*: „въ письмѣ къ декану (сказано въ представленіи факультета) отъ 7 мая 1868 года, *которое препровождается при семъ*, г. Гогоцкій *не отказывается* отъ участія въ конкурсѣ въ томъ смыслѣ, какъ *онъ* понимаетъ конкурсъ, т. е. что это есть какъ-бы ученое состязаніе лицъ, желающихъ занять мѣсто профессора, или преподавателя въ университетѣ, причемъ предполагается вполнѣ компетентный судъ изъ лицъ, могущихъ дать справедливое сужденіе о конкуррирующихъ; но *онъ* въ то-же время объявляетъ, что если участвовать въ конкурсѣ значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только подвергнуться баллотировкамъ въ факультетѣ и совѣтѣ,

безъ предварительной ученой оцѣнки конкуррентовъ компетентными спеціалистами, то *онъ будетъ принужденъ устранить себя отъ участія въ такихъ конкурсъ*».

Я принялъ на себя долю отвѣтственности передъ гг. Гогоцкимъ, Троицкимъ и Скворцовымъ, которые, какъ соискатели, съ полнымъ довѣріемъ представили свои ученые труды на судъ факультета и совѣта; поэтому въ особомъ мнѣніи своемъ я обращался къ совѣту:

„Считаю долгомъ покорнѣйше просить совѣтъ обратиться къ министерству, которое предписываетъ правила, *за рѣшеніемъ вопросовъ въ принципѣ*, по моему убѣжденію, *весьма важныхъ*, *какъ въ настоящемъ случаѣ*, *такъ и въ будущихъ*:

1. Можетъ-ли забаллотированный профессоръ конкуррировать на каѳедру?

2. Если можетъ, то какъ его баллотировать: *равноправно* (т. е. большинствомъ голосовъ) и притомъ *единовременно* съ другими, чтобы разомъ видѣть, кто получитъ больше избирательныхъ шаровъ, или его должно баллотировать *особо*, *двумя третями* голосовъ?

3. Если министерство признаетъ, что онъ долженъ баллотироваться наравнѣ съ другими конкуррентами абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, то какъ его избирать: какъ лице, поступающее на ученую службу, т. е. на 25 лѣтъ, или только на пятилѣтіе?

4. Если въ извѣстномъ факультетѣ нѣтъ профессора-спеціалиста, то *не потеряетъ-ли совѣтъ довѣрія къ себѣ*, если вмѣсто сравнительно-критическаго разбора, *будетъ удовлетворяться отзывами* литераторовъ и ученыхъ, безъ показанія относительнаго достоинства сочиненій; иначе,—должно или не должно препровождать конкурсныя сочиненія къ профессору-спеціалисту другаго университета для

сравнительно-критическаго разбора, когда своего профессора-специалиста нѣтъ?

5. Должны-ли соискатели прочесть по двѣ пробныя лекціи, и притомъ всѣ въ одномъ изъ университетовъ, для того, чтобы сравнительное сужденіе и приговоръ могли быть совершенно полные какъ объ ученыхъ, такъ и о преподавательскихъ способностяхъ конкуррентовъ?»

Совѣтъ опредѣлилъ особое мое мнѣніе записать въ протоколъ, а профессоръ Гогоцкій, *не признавшій сужденія безъ сравнительно-критическаго разбора за конкурсъ, отказался отъ участія въ немъ и просилъ совѣтъ не подвергать его баллотированію*?

И такъ, совѣтъ встрѣтилъ *не отпоръ* изъ среды историко-филологическаго факультета, а, во первыхъ, *молчаніе* вмѣсто протеста противъ *посягательства* совѣта на автономію факультета,—посягательства, выразившагося въ произвольномъ уничтоженіи важнаго, существеннаго условія въ программѣ, утвержденной факультетомъ; во 2-хъ, совѣтъ встрѣтилъ не отпоръ, а протестъ въ особомъ мнѣніи только одного члена, протестъ противъ нарушенія совѣтомъ-же своихъ собственныхъ постановленій; въ 3-хъ, протестъ того-же члена противъ несправедливости совѣта къ соискателямъ, къ докторамъ философіи Гогоцкому, Троицкому и къ магистру Скворцову. Остаются еще четыре обвиненія; но ихъ можно опровергнуть цифрами, а потому едва-ли будутъ нужны такія-же подробности.

Приступаемъ къ опроверженію крайне несправедливаго обвиненія бывшихъ членовъ факультета въ бездѣйствіи, какъ причинѣ разрушенія факультета. Обвиненіе это двоякаго рода: члены факультета, какъ видно изъ статьи, были, во первыхъ, *небрежны* въ дѣлѣ пополненія факультета, во вторыхъ, *не способны*, другими словами, и *не хотѣли*, и не *могли* спасти факультетъ отъ разрушенія. Объяснимся.

Обвиненіе въ небрежности начинается съ указанія на прямую обязанность факультетовъ—пополнять составъ преподавателями: „совѣту университета принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ власть болѣе наблюдательная... Всѣ мѣры могутъ быть принимаемы совѣтомъ только по иниціативѣ факультетовъ и при ихъ содѣйствіи». И мы скажемъ, что на эти положенія, какъ нельзя болѣе справедливыя, нѣтъ возраженій; принимаемъ эти требованія безусловно. Пойдемъ далѣе. Указавши на обязанности, авторъ (или авторы) статьи не рѣшился сказать прямо: *факультетъ ничего не предпринималъ*, а косвенно указываетъ на это *важное упущеніе по службѣ*, приписывая иниціативу совѣту: „совѣтъ не щадилъ ни усилій, ни средствъ для пріобрѣтенія *новыхъ* (профессоровъ) на *нѣсколько* вакантныхъ каѳедръ.» Не сказавши прямо, что со стороны историко-филологическаго факультета *не было иниціативы*, составитель (или составители) обвиненій, уже ни мало не стѣсняясь, говоритъ далѣе: «такъ совѣтъ сдѣлалъ попытки пригласить г. *Пекарскаго* на каѳедру русской исторіи.» Совѣтъ? Пекарскаго?

А почему не сказано, *кто* предложилъ совѣту? Вѣдь совѣтъ—собраніе членовъ, въ числѣ которыхъ присутствуютъ и члены историко-филологическаго факультета; притомъ-же въ совѣтѣ члены не могутъ говорить и предлагать всѣ разомъ, въ одинъ голосъ. И почему не сказано, *кто* указалъ на г. Пекарскаго? Неужели потому, что то и другое *было иниціативой историко-филологическаго факультета*? Я утверждаю: не совѣтъ началъ это дѣло, и не совѣтъ указалъ на г. Пекарскаго; *началъ* и *указалъ* совѣту историко-филологическій факультетъ! Отъ сентября 6, 1861 года, факультетъ вошелъ съ представленіемъ въ совѣтъ—*кандидату Пекарскому*, приглашенному факультетомъ, *предложить мѣсто исправляющаго должность ординарнаго профессора*... въ

каѳедру руской исторіи [1]). Совѣтъ, на основаніи представленія историко-филологическаго факультета, обратился съ ходатайствомъ къ г. министру; но г. министръ разрѣшилъ предложить г. Пекарскому: «не пожелаетъ-ли онъ, впредь до пріобрѣтенія имъ ученой степени для занятія означенной каѳедры, принять на себя званіе преподавателя руской исторіи, съ производствомъ ему жалованья экстра-ординарнаго профессора.»

Это разрѣшеніе г. министра (отъ 11-го ноября 1861 г.) получено въ Кіевѣ 21-го ноября, а г. Пекарскій, за мѣсяцъ до этого разрѣшенія, уже отказался *даже отъ предложеннаго ему званія исправляющаго должность ординарнаго профессора!*

Неужели составитель обвиненій не зналъ объ этихъ усиліяхъ бывшихъ членовъ историко-филологическаго факультета? Указать прежде на обязанности факультета, потомъ пройти молчаніемъ,

---

[1]) Мы дословно приводимъ представленіе факультета въ совѣтъ, потому что оно освѣщаетъ и обвинителей, и обвиняемыхъ въ бездѣйствіи:

«Каѳедра руской исторіи, столь важная въ здѣшнемъ университетѣ, остается вакантною со времени увольненія профессора Павлова въ концѣ 1859 года. Всѣ старанія факультета замѣстить ее—до сихъ поръ не имѣли успѣха. Факультетъ два раза объявлялъ конкурсъ, но соискатели не явились. Нѣкоторые изъ членовъ факультета обращались съ предложеніями къ молодымъ ученымъ *въ Москвѣ* и *Петербургѣ*, но также напрасно: занимая мѣста учителей въ столичныхъ гимназіяхъ, они не соглашались промѣнять ихъ на мѣсто адъюнкта и даже экстраординарнаго профессора въ университетѣ св. Владиміра, съ которымъ соединены требованія гораздо выше, а матеріальное вознагражденіе если не ниже, то равное учительскому въ столицахъ.

«Въ числѣ лицъ, которыя приглашаемы были къ занятію означенной каѳедры, находится кандидатъ историко-филологическаго факультета *Пекарскій*. Въ настоящее время этотъ молодой ученый пріобрѣлъ почетную извѣстность сочиненіемъ: *«Литература и наука при Петрѣ Великомъ»*. Императорская академія наукъ, удостоивъ это сочиненіе полной Демидовской преміи и опредѣливъ на изданіе его 1000 р., признала трудъ автора далеко превышающимъ присужденную за него автору награду.

исполнилъ-ли ихъ факультетъ; далѣе, приписать совѣту иниціативу, отнятую у факультета, и, наконецъ, обвинить факультетъ (хотя не прямо) въ упущеніи по службѣ, лишивъ его-же принадлежащаго ему права иниціативы! Если поступать такъ возможно, то да будетъ позволено по крайней мѣрѣ спросить: *добросовѣстно-ли это*?

«Затѣмъ, сказано далѣе въ статьѣ, когда бывшій адъюнктъ московскаго университета Иловайскій изъявилъ желаніе занять въ университетѣ св. Владиміра эту каѳедру, совѣтъ университета ходатайствовалъ о добавленіи къ жалованью доцентуры, на которую г. Иловайскій имѣлъ право, по степени магистра, еще 1800 руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета.»

Ректоръ университета (отъ 25-го апрѣля 1865 года) препроводилъ въ факультетъ на обсужденіе письмо г. Иловайскаго, изъявлявшаго готовность занять каѳедру русской исторіи, а деканъ факуль-

---

«Историко-филологическій факультетъ, принимая во вниманіе не разъ высказанное совѣтомъ университета (между прочимъ, и въ проектѣ новаго устава) мнѣніе о томъ, что вполнѣ совершеннымъ и достаточнымъ условіемъ для полученія ученой степени доктора должна служить диссертація безъ новаго устнаго испытанія, и что въ числѣ настоящихъ ученыхъ степеней одна можетъ быть признана лишнею,—полагаетъ съ своей стороны обязанностію внести на обсужденіе совѣта вопросъ: не признаетъ-ли совѣтъ возможнымъ и полезнымъ предложить г. Пекарскому мѣсто исправляющаго должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи, какъ ученому, котораго сочиненіе, по засвидѣтельствованію академіи наукъ, представляетъ вполнѣ достаточныя гарантіи его таланта и познаній?

«При этомъ факультетъ почитаетъ долгомъ присовокупить, что кромѣ означеннаго капитальнаго, но еще неизданнаго труда, г. Пекарскій печаталъ въ журналахъ, въ числѣ другихъ статей, слѣдующія: 1) Русскіе мемуары XVIII вѣка, три статьи, 2) Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году, 3) Петербургская старина, четыре статьи».

Подписано: деканъ Н. Нейкирхъ.

Кіевъ, 6 сентября 1861 года.

мета Селинъ, 21-го апрѣля, получилъ уже отвѣтъ г. Иловайскаго на пригласительную телеграмму отъ факультета, посланную въ Москву 20-го апрѣля. Послѣ, въ письмѣ къ декану Селину (изъ Гейдельберга, отъ ¹⁶/₂₈ ноября 1865 г.), г. Иловайскій объясняетъ это обстоятельство: «весною настоящаго года *я самъ* proprio motu, обратился къ Кіевскому университету съ предложеніемъ своихъ услугъ.» Почему г. Иловайскій самъ обратился къ университету? Потому что, скажемъ его словами: «*лѣтъ пять* тому назадъ мнѣ предлагали каѳедру русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ.» Изъ представленія факультета въ совѣтъ (въ 1861 году, отъ 6 сентября), приведеннаго цѣликомъ въ выноскѣ *ясно* видно, *когда* пошла иниціатива отъ факультета, а въ статьѣ сказано, что все дѣлаетъ совѣтъ въ 1865 году; нѣтъ, не совѣтъ, а факультетъ, и притомъ лѣтъ за пять до этого!

Факультетъ (отъ 29-го апрѣля 1865 года) ходатайствовалъ передъ совѣтомъ о прибавленіи г. Иловайскому къ жалованью штатнаго доцента 800 р.; совѣтъ не только принялъ въ уваженіе ходатайство факультета, но и опредѣлилъ предложить г. Иловайскому должность штатнаго доцента и содержаніе ординарнаго профессора. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ указываемъ на участіе совѣта, достойное всякаго уваженія; но справедливо-ли умалчивать о томъ, что иниціатива шла отъ факультета, съ конца 1859 г., и продолжалась до послѣдняго времени, т. е. до конца 1868 года, именно: факультетъ два раза приглашалъ г. Иловайскаго, два раза г. Костомарова, два раза г. Кояловича [1]), одинъ разъ г. Пекарскаго, одинъ разъ г. Добрянова, одинъ разъ Лашнюкова; наконецъ, деканъ Се-

---

[1]) Профессоръ Гогоцкій въ первый разъ приглашалъ его, при личномъ свиданіи въ Кіевѣ; въ другой разъ обращался къ нему съ письменнымъ приглашеніемъ.

лишь, до полученія приказа объ увольненіи, телеграммой спрашивалъ г. Костомарова, чтобы онъ отвѣтилъ, если-бы ему была предложена каѳедра русской исторіи. Г. Костомаровъ депешей изъявилъ *условное согласіе*, и вслѣдъ за ней изъявилъ и условія въ письмѣ къ тому-же декану.

Послѣ цѣлаго ряда усилій, факультетъ, по предложенію декана Селина, избралъ магистра русской исторіи Иконникова въ штатные доценты и представилъ его къ баллотированію въ совѣтѣ. Передъ баллотированіемъ магистра Иконникова въ факультетѣ, на заключеніе послѣдняго ректоръ препроводилъ прошеніе профессора Нѣжинскаго лицея, магистра Лашнюкова, пожелавшаго быть штатнымъ доцентомъ тоже по каѳедрѣ русской исторіи. Факультетъ, самъ прежде приглашавшій г. Лашнюкова, считалъ непослѣдовательнымъ отстранять его, и потому постановилъ баллотировать обоихъ магистровъ, а избравши ихъ, ходатайствовалъ передъ совѣтомъ объ избраніи гг. Иконникова и Лашнюкова въ штатные доценты. По какому-же праву позволять себѣ отнимать у факултета инициативу въ дѣлѣ приглашенія и избранія г. Иконникова, и не признавать ни содѣйствія, ни ходатайства факультета, когда г. Лашнюковъ изъявилъ желаніе поступить въ нашъ университетъ?

Этимъ не ограничились усилія факультета. Деканъ Селинъ обращался къ профессорамъ Московскаго университета: къ г. Буслаеву, черезъ него къ г. Соловьеву, и послѣ, вторично, къ нимъ-же и къ г. Бодянскому, съ просьбою рекомендовать достойнаго ученаго на каѳедру всеобщей исторіи [1]).

---

[1]) «Что касается молодыхъ историковъ, о которыхъ вы спрашиваете, то по сношеніи съ Соловьевымъ, имѣю честь увѣдомить оффиціально, что у насъ есть два дѣльные кандидата, но они недавно кончили курсъ. По моему, лучше ждать и дождаться, нежели въ торопяхъ» и пр. (Изъ письма профессора Буслаева къ профессору Селину, отъ 22 декабря 1865 г.).

А мнѣ, напередъ увѣренному въ своемъ забаллотированіи, Ѳ. И. Буслаевъ обязательно указалъ (еще за три года до срока моей службы) на своихъ преемниковъ, на гг. Веселовскаго и Дюверчуа; «кромѣ» ихъ, писалъ Ѳ. И., есть еще нѣсколько достойныхъ молодыхъ людей въ Москвѣ, а иные за-границей».—Благодаря рекомендаціи профессора Куторги, къ которому деканъ Селинъ, по порученію факультета, обращался съ просьбою, факультетъ имѣлъ въ виду двухъ преподавателей по каѳедрѣ всеобщей исторіи: по древней—г. Люперсольскаго, а по новой—магистра Бильбасова, котораго и избралъ при содѣйствіи (долгомъ считаемъ сказать это) г. ректора, въ то время отправлявшагося въ Петербургъ. Прошу читателя припомнить, что профессоръ Гогоцкій (въ 1863 г.) обращался къ профессору Юркевичу, ища сотрудника и послѣ преемника на каѳедру философіи. Смѣю думать, что оправдывая факультетъ, я имѣю право говорить и въ свое оправданіе; послѣ забаллотированія, я предложилъ факультету нѣсколько кандидатовъ на каѳедру русской словесности (объ нихъ рѣчь впереди), но прежде всего я *имѣлъ основанія* предложить факультету обратиться къ г. Буслаеву, не можетъ-ли онъ занять эту каѳедру? Г. Буслаевъ просилъ меня передать членамъ факультета глубочайшую благодарность за честь, ему оказанную предложеніемъ каѳедры, и выразилъ, что онъ при извѣстныхъ условіяхъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность прежде всего предложить свои услуги нашему университету. Независимо отъ инціативы другихъ профессоровъ, я обращался къ заслуженному ординарному профессору Харьковскаго университета, къ Деллену, желая пріобрѣсть для факультета профессора всеобщей исторіи Петрова. Лестный отзывъ г. Деллена я сообщилъ комитету. Штатный доцентъ нашего факультета, г. Линиченко, вошелъ въ сношеніе съ молодымъ ученымъ, г. Вендтомъ; и предложилъ его

факультету, какъ достойнаго преподавателя по каѳедрѣ римской словесности. Наконецъ, я убѣдительно просилъ почетнаго члена университета св. Владиміра, знаменитаго Палацкаго, рекомендовать филолога-славянина для каѳедры греческой словесности, и г. Палацкій съ величайшимъ радушіемъ указалъ мнѣ на замѣчательнаго филолога-чеха, ученика Шлейхера, на г. Новотнаго, знающаго, кромѣ греческаго и латинскаго, и санскритскій языкъ, столь важный при современномъ состояніи филологіи.

Всѣ эти начинанія, всѣ эти усилія членовъ въ дѣлѣ спасенія своего факультета отъ уничтоженія,— составителемъ статьи (или составителями) не только не признаны, но и обращены въ обвиненія факультета.

«Когда-же, вслѣдствіе быстрой убыли членовъ историко-филологическаго факультета, совѣтъ университета почелъ своимъ долгомъ *вмѣшаться* въ дѣла факультета, *ему* удалось, менѣе чѣмъ въ теченіе одного года, пріобрѣсти двухъ доцентовъ [1]) по каѳедрѣ русской исторіи, бывшей въ запустѣніи болѣе 10 лѣтъ [2]); далѣе доцента по каѳедрѣ философіи [3]); удалось выбрать двухъ ординарныхъ профессоровъ: одного по каѳедрѣ философіи (г. Троицкаго), другаго по каѳедрѣ всеобщей исторіи (г. Петрова, см. выше)... Наконецъ, совѣтъ имѣетъ въ виду кандидатовъ и на каѳедры русской словесности (см. выше), греческой словесности [4]) и латинской словесности [5]) (г. Модестова).

---

1) Это гг. Иконниковъ и Лашнюковъ, избранные и представленные факультетомъ!

2) Не хотятъ-ли сказать: отъ бездѣйствія факультета?

3) Тотъ самый г. Скворцовъ, котораго профессоръ Гогоцкій имѣлъ въ виду еще въ 1863 г., и который, вмѣстѣ съ гг. Троицкимъ и Гогоцкимъ, явился на конкурсъ: они всѣ трое были избраны въ факультетѣ!

4) А это г. *Новотный!*

5) На г. Вендта указалъ намъ штатный доцентъ г. Линиченко.

При самомъ искреннемъ желаніи сохранить не только безупречность, но и спокойствіе тона, едва ли можно воздержаться отъ глубокого негодованія, при видѣ этого ряда возмутительныхъ дѣйствій! И это еще только первая половина, да будетъ позволено сказать, крайне несправедливыхъ обвиненій, взводимыхъ на членовъ историко-филологическаго факультета, обвиненій въ бездѣйствіи по небрежности.

Не только обвинители наши, но и читатели *журнала* могутъ сказать: вы доказывали, что инниціатива дѣйствительно шла отъ вашего факультета; что вы употребляли съ вашей стороны и мѣры, и усилія; но искали преподавателей и профессоровъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; а сами вы приготовили преемниковъ на каѳедры? Если нѣтъ, то ваши обвинители, вѣроятно, справедливо говорятъ, что вы были неспособны къ тому! На это капитальное обвиненіе мы отвѣчаемъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Профессоръ Скалинъ.

(Окончаніе до слѣд. книжки).

IV.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА НАРОДА ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Федько Лысый, въ понятіи своихъ родителей, родныхъ, сродниковъ и знакомыхъ, считался совершеннымъ простачкомъ, а Маруся, за глаза и въ глаза, не иначе называла своего мужа какъ *дурнемъ*. Дѣйствительно, съ самаго дѣтства, Федько былъ очень наивенъ. Такъ, напримѣръ, если ему, въ дѣтствѣ, случалось забраться въ огородъ и полакомиться огурцами или рѣпой, и если потомъ Мотра, замѣтивъ изъянъ, спрашивала: кто былъ его виновникомъ; то Федько непремѣнно сей часъ же сознавался въ винѣ, хотя былъ увѣренъ, что вслѣдъ за сознаніемъ мать сей часъ же поколотитъ его. Чистосердечіе Фадька не разъ было на руку его родителямъ и братьямъ, и при удобномъ случаѣ они пользовались его простодушіемъ, но все таки не жаловали этого качества, считая его не болѣе какъ доказательствомъ крайней тупости Федька. Когда Федько выросъ и сталъ *паробкомъ*, *) а потомъ и мужемъ, по прежнему былъ до наивности откровеннымъ, и его откровенность не разъ дѣлала Марусѣ не мало огорченія и хлопотъ. Однажды. въ праздничный день, Мотра заставила Марусю бить масло, которая, хотя, по необходимости, и исполнила приказаніе свекрови, но ужасно злилась, и когда Мотра на время вышла изъ хаты, принялась бранить ее какъ умѣла.

— *А щобъ тоби не було ни дна ни покрышки, видьма проклятая, старая сука!* кричала Маруса.

---

*) Паробокъ—холостой мужчина.

При возвращеніи Мотры, Маруся, конечно замолчала; но, входя въ хату, Мотра слышала крикъ и спросила Марусю, кого она бранила.

— Стараго чорта, съ досадой отвѣтила Маруся, желая отдѣлаться отъ свекрови.

— Кого она бранила? отнеслась Мотра къ бывшему тутъ Федьку.

— Бранила васъ и называла вѣдьмой и старой сукой, пренаивно отвѣтилъ Федько. Мотра тутъ же поколотила Марусю, а Федько плакалъ и съ удовольствіемъ согласился бы принять вмѣсто жены побои на себя. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду Маруся дулась на Федька и не хотѣла съ нимъ говорить, пока онъ не поклялся, что впередь не попадетъ въ просакъ. При помощи благотворнаго вліянія Маруси, Федько крѣпился, исполнялъ клятву и мало помалу, дошелъ даже до того, что, какъ мы видѣли, съ успѣхомъ участвовалъ въ семейномъ тайномъ заговорѣ противъ Мотры и Лысаго. Успѣху Федька въ скрытности много, впрочемъ, помогало то, что его родители сами долгое время избѣгали разговора о щекотливомъ для нихъ вопросѣ касательно отдѣла сыновей.

Послѣ ухода Лысаго съ поля, Маруся, окончательно раздосадованная постигшей ея сообщника вторичной неудачей, принялась плакать, а Прыська начала вторить ей; Федько посматривалъ то на свою жену, то на Прыську и сквозь слезы улыбался, а Василь нѣкоторое время, молча, глядѣлъ на нихъ. Сжатыя губы и сдвинутыя брови Василя доказывали его рѣшимость хотя бы то на самое отчаянное дѣло.

— *Тай за щожъ* я пропадаю, тай за щожъ я себя связала съ этимъ дурнемъ моимъ *чоловикомъ* *), *тай на щожъ и цій* **) Василь, такій же дурень, какъ и мой Федько! громко рыдая, причитывала Маруся.

Услыхавъ послѣднія слова Маруси, Прыська обидѣлась за своего мужа, перестала плакать, и съ видимымъ неудовольствіемъ глядѣла на Марусю.

---

*) Человикъ—мужъ.

**) Цій—этотъ.

— Ой, дурень Василь, дурень! замѣтивъ неудовольствіе Прыськи и желая излить свою досаду, продолжала Маруся.

— *Брешешь* *), мой Василь не дурень, отозвалась Прыська.

— Ой дурень Василь, дурень, *тай* ще такій *якъ цяя* Прыська, — показывая видъ, что не замѣчаетъ словъ Прыськи, причитала Маруся.

— А ты, трасця твоей матери, такая *дурна*, якъ твой Федько! воскликнула Прыська; а Маруся перестала причытывать и плакать, и, по всей вѣроятности, завязалась бы крупная ссора, а быть можетъ и драка, ежели бы не вмѣшался Василь.

— Оставьте, глупыя бабы, пустую ссору, сказалъ онъ. До пустяковъ ли намъ теперь, когда мы всѣ должны помогать другъ другу, чтобы общими силами отдѣлиться отъ родителей. Маруся совершенно права, говоря что я дурень; потому что до сихъ поръ не успѣлъ отдѣлиться; а я позволяю называть себя дурнемъ не только Марусѣ, но даже и малому ребенку, ежели сегодня же не поведу такъ дѣло, что отецъ и мать не посмѣютъ и пикнуть и сей часъ же согласятся на отдѣлъ.

— Зачѣмъ попусту хвастать? замѣтила Маруся.

— Да ты то не болтай попусту, а выслушай, что я намѣренъ вамъ всѣмъ сказать, отвѣтилъ Василь.

— Посмотримъ, посмотримъ, подзадоривала Маруся.

— Говори, говори, вмѣшался и Федько.

Собираясь съ духомъ высказать свою рѣшимость, въ продолженіи нѣкотораго времени Василь молчалъ и еще сильнѣе прежняго сжалъ губы и сдвинулъ брови; Василя волновали сильныя чувства, а Маруся и Прыська, взглянувъ на Василя, забыли недавнюю ссору и, какъ бы проникшись его внутреннимъ настроеніемъ, чувствовали, что онъ выскажетъ что то весьма рѣшительное. Одинъ только Федько улыбался, и хотя за минуту предъ симъ требовалъ, чтобы его братъ говорилъ, но самъ ровно ничего не думалъ о томъ, что могъ высказать Василь. Пройдясь нѣкоторое время взадъ и впередъ по полю, Василь, остановился предъ своими слушателями и такъ началъ рѣчь:

— Какъ вы думаете: есть ли у насъ въ семьѣ *злодій* (воръ)?

— А чортъ его знаетъ, отвѣтила Маруся.

---

*) Брехать—лгать.

— Должно быть нѣтъ у насъ въ семьѣ злодія, рѣшила Прыська.

— Нѣтъ, есть у насъ злодій, сказалъ Федько.

— Есть? спросилъ Василь. Ежели ты говоришь, что есть, такъ скажи же мнѣ, кто у насъ злодій? энергически спрашивалъ Василь.

— Да кто же, какъ не ты? совершенно простодушно отвѣтилъ Василь. Ты не разъ кралъ у отца по полъ *корца* *) и по больше *пашни* **), а недавно укралъ и продалъ лошадиную шкуру; такъ какъ же ты не злодій?

Когда Василь услыхалъ отъ брата слова, которыхъ онъ никакъ не ожидалъ, то его словно обдало ведромъ холодной воды, и внутренній жаръ Василя значительно простылъ.

— Ну не даромъ же Маруся называетъ тебя дурнемъ, сказалъ Федьку Василь. Да ты посуди самъ, какой же я злодій? Видалъ ли ты когда, чтобы я лѣзъ въ чужой карманъ, чужую *комору* или пасѣку?

Если же мнѣ случалось взять у отца мѣрочку хлѣба, то не работалъ ли я на этотъ хлѣбъ наравнѣ съ отцемъ? Правда, что я продалъ и шкуру съ кобылы; но скажи мнѣ, кто насъ и кормилъ кобылу при ея жизни? кто возился съ нею когда она заболѣла и кто, какъ не я, снялъ съ нея шкуру, когда она издохла?

— Правда, отвѣтилъ Федько, ты пасъ кобылу и ухаживалъ за ней при ея жизни, и ты снялъ съ нея шкуру, когда она издохла.

— Такъ какой же я послѣ того злодій, ежели я продавалъ то только добро, возлѣ котораго самъ же трудился?

— Но и паньскій хлѣбъ мы иногда и сѣемъ и собираемъ, а все таки, ежели кто изъ насъ украдетъ такой хлѣбъ, то говорятъ, что онъ укралъ, замѣтилъ Федько.

— Дурень ты, дурень! въ замѣшательствѣ говорилъ Василь.

— То *паньске*, а то *батькове*, разсуждала Прыська.

— Да и *паньске* не большой грѣхъ взять, замѣтила Маруся.

---

*) Корецъ—нѣсколько больше получетверти.
**) Пашня—разнаго рода хлѣбъ въ зернѣ.

— Василю стало очень досадно, что разговоръ принялъ совершенно другое, чѣмъ какого онъ желалъ, направленіе и онъ съ гнѣвомъ топнулъ ногой.

— Да замолчите же, глупыя бабы! закричалъ Василь. Ну что толковать о пустякахъ, когда нужно говорить о важномъ дѣлѣ? я спрашиваю васъ есть ли у насъ въ семьѣ злодій, т. е. такой злодій, который таскаетъ, что либо изъ чужаго кардана, пасѣки или, пожалуй, изъ лѣсу?

— Нѣтъ такого злодія у насъ, кажется нѣтъ, сказала Маруся, потому что и Данило чужаго не воруетъ, а только у батька беретъ.

— Нѣтъ у насъ такого злодѣя, рѣшила Прыська.

— Такъ вы говорите, что нѣтъ? спросилъ Василь.

— Нѣтъ, право нѣтъ, отвѣтили въ одинъ голосъ обѣ бабы.

— Есть у насъ и такій злодій, совершенно флегматически, рѣшилъ Федько.

А! есть! воскликнулъ Василь. Ну такъ, скажи, кто онъ именно.

— Разумѣется, батько: онъ всякое лѣто таскаетъ изъ пасѣки пана Пржепржеджевскаго въ свою пасѣку по крайней мѣрѣ по пятидесяти роевъ.

— Правда, сказалъ Василь, и нашего *батька*, безъ всякой церемоніи, можно назвать настоящимъ злодіемъ. Батько, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, таскаетъ рои изъ панской пасѣки и ему это удается потому, что нашъ панъ, когда мы были его мужиками, будучи въ ссорѣ съ паномъ Пржепржендржевскимъ, радовался, ежели кто дѣлалъ ему убытокъ и потакалъ нашему батькѣ; а съ тѣхъ поръ, какъ мы стали вольные, батько все даетъ старостѣ медъ и всякій годъ пахаетъ ему поле за то, чтобы староста не донесъ на батька старому дурню, пану Пржепржендржевскому, который не умѣетъ беречь своего добра; а пока староста молчитъ, то и прочимъ мужикамъ нѣтъ надобности совать не въ свое дѣло носъ.

— Ты, Василь, перебила Прыська мужа, говоришь намъ, чтобы мы по пусту не балакали, а самъ чортъ знаетъ на что тратишь время, разсказывая о рояхъ пана Пржепржендржевскаго.

— Не по-пусту, какъ мнѣ кажется, балакаетъ Василь, смекнула Маруся.

— Люблю бабу за то, что сметлива, отозвался Василь.

— Понять-то я поняла, къ чему ты клонишь рѣчь, сказала Маруся, но мнѣ кажется, что изъ этого толку мало выйдетъ, потому что ежели вздумаешь пугать батька тѣмъ, что разскажешь о томъ, что онъ воруетъ рои, то батько поколотилъ тебя и тѣмъ дѣло кончится.

— А я пойду къ старостѣ.

А староста пугнетъ тебя *холодной* *) да и прогонитъ.

— А я пойду къ волостному.

— Къ волостному! И Маруся призадумалась.

— Да такъ прямо и пойду къ волостному, рѣшительно сказалъ Василь. Но мнѣ кажется, что дѣло до того не дойдетъ, потому что, какъ я замѣтилъ, староста побаивается волостнаго, и ежели узнаетъ, что я хочу разсказать волостному всю правду, то такъ устроитъ дѣло, что насъ батько отдѣлитъ.

Маруся была чрезвычайно воспріимчива, и потому ей сразу показалось, что дѣло отдѣла отъ родителей совершенно уже улажено, и на радости она забила въ ладоши. Прыська тоже обрадовалась, а Федько молчалъ и улыбался.

— Знаешь что, Василь? воскликнула Маруся, когда ты объявишь отцу, что будемъ на него доносить, то онъ разозлится а мама, просто, *сказится* (взбѣсится) со злости, и непремѣнно подговоритъ отца, чтобъ онъ побилъ тебя. Къ чему тебѣ подвергать себя напраснымъ побоямъ? Не лучше ли намъ всѣмъ вмѣстѣ, сей часъ же отправиться къ старостѣ, обо всемъ разсказать ему и просить его, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нами отправился къ намъ въ хату и уладилъ дѣло? Кстати староста жнетъ теперь у себя на полѣ.

Сдѣланное Марусею предложеніе было такъ неожиданно, что Василь сначала колебался, но Маруся и Прыська начали убѣждать его, что идти сей часъ же къ старостѣ есть вѣрнѣйшій и самый безопасный путь, по которому можно достигнуть желаемой цѣли, и Василь согласился. Федько тоже поплелся вмѣстѣ съ прочими. Поле старосты было не далѣе какъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ поля Лысаго, и потому наши заговорщики, по дорогѣ, на скорую руку начали совѣщаться о томъ, съ чего начать рѣчь, и порѣшили, что прежде всего нужно описать старостѣ свою невыносимую жизнь у родителей и просить его заступничества, а

---

*) Холодная—арестантская.

потомъ уже, когда просьба не поможетъ, пугать волостнымъ. Староста былъ человѣкъ уже пожилой, съ длинною бѣлою бородой, и съ весьма почтенною наружностью. Онъ жалъ наравнѣ съ прочими крестьянами свое жито, и такъ какъ порядочно поработалъ въ этотъ день, то кряхтѣлъ отъ усталости, когда къ нему подходили дѣти Лысаго.

— И чего это ихъ несетъ ко мнѣ нелегкая? подумалъ староста, завидѣвъ приближающихся къ нему нашихъ знакомыхъ. Вѣрно случилась какая нибудь шкода, и придется вмѣсто того, чтобы пойдти домой и отдохнуть, разбирать дѣло. Охъ, тяжела, тяжела моя служба! Хоть бы поднесли чарку за то, что придется судить!

Не доходя до старосты шаговъ съ пятьдесятъ, Маруся принялась рыдать на все поле, а Прыська подумала, что, вѣрно, нужно при наступающемъ торжественномъ случаѣ ревѣть и ей, и тоже принялась горланить.

— Вѣрно не шуточная шкода случилась, ежели бабы такъ ревутъ, подумалъ староста; нужно полагать, что послѣ разбора дѣла, поднесутъ въ знакъ благодарности чарку.

Подойдя къ старостѣ, Маруся прямо такъ и повалилась ему въ ноги, а Прыська, увидѣвъ это, тоже бухнулась объ землю.

— Что случилось, *дѣтиноньки?* спросилъ староста.

Бабы затороторили вмѣстѣ, но староста ровно ничего не понялъ изъ ихъ словъ и обратился къ Василю, спрашивая его, въ чемъ дѣло.

— А въ томъ дѣло, отвѣтилъ Василь, что намъ всѣмъ нѣтъ житья у родителей, потому что батько всѣмъ самъ заправляетъ и обращается съ нами, какъ съ своими *наймытами*, а маты, то и дѣло, бранится съ нашими женами, а порой и поколачиваетъ ихъ, а кромѣ того и дни и ночи заставляетъ насъ работать.

Староста до того былъ удивленъ занесенной ему жалобой, что отъ удивленія молчалъ и только закивалъ своей сѣдой бородой.

— Меня маты заставляетъ и бѣлить хату и заметать полъ, и мыть на всю семью бѣлье, сквозь слезы жаловалась Прыска.

— А я, говорила Маруся, съ удовольствіемъ готова работать и день и ночь, но не вынесу того, чтобы меня бранили и били, а кромѣ того заставляли спать на голой землѣ. Вы сами знаете, дядьку, что когда я жила у своихъ покойныхъ родителей, то

спала не иначе, какъ лѣтомъ на постели вмѣстѣ съ *мамою* и съ *татомъ* *), а зимою на печи.

— Вы, дядьку, объяснялъ Василь, сами имѣете дѣтей, и отдѣляли своихъ сыновей, лишь только женили. Такъ и Богъ велѣлъ; такъ за что же намъ жить не *господарами*, а какъ би наймытами у родителей?

— Василь, знаешь что? спросилъ староста.

— А что, дядьку.

— А то, что иди ты себѣ лучше съ Богомъ, и уведи Федька и бабъ.

— Ну, а съ раздѣломъ какъ будетъ?

— А такъ будетъ, что ежели не уберетесь по добру — по здорову сію же минуту, то скажу вашимъ родителямъ и *батько* славно намнетъ вамъ чубы, а маты такъ отваляетъ глупыхъ бабъ, что *ажъ юшка* **) съ нихъ польется.

— Ну, а вы что на это скажете?

— А я посажу тебя съ Федькомъ, а пожалуй и вмѣстѣ съ бабами, въ холодную, совершенно равнодушно отвѣтилъ староста.

— А ежели я разскажу, что батько всякій годъ крадетъ у пана Пржепржендржевскаго его рои?

— *А? Що?* Что ты *кажешь?* вытаращивъ глаза, спрашивалъ староста.

— Да то, что батько крадетъ рои у пана.

— Крадетъ, крадетъ, поклялась Прыська.

— Ну, а ежели крадетъ, тогда что? спросилъ староста.

— А то, что батька будутъ судить и, пожалуй, отберутъ отъ него пасѣку, объяснилъ Василь.

— Не отберутъ отъ батька пасѣки, увѣрялъ, значительно смягчившись, староста и судить не будутъ; потому что судитъ начальство, а начальство въ селѣ я! Но что толковать о томъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ случиться. Вотъ послушайте лучше, дѣточки, меня,—идите себѣ съ миромъ домой, ничего не задумывайте противъ родителей и живите по божьему, а Богъ велѣлъ почитать отца и матерь. Такъ и попъ въ церкви говоритъ, и въ десяти заповѣдяхъ сказано. Развѣ не помните: чти отца

---

*) Тато—отецъ.

**) Юшка—кровь.

твоего и матерь твою, да благо ти будеть и да долголѣтенъ будеши на земли.

Внушительная проповѣдь старосты произвела на слушателей довольно сильное впечатлѣніе: Федько глядѣлъ слезливыми глазами, а прочіе молчали.

— Такъ, такъ, дѣточки, проповѣдовалъ довольный своимъ краснорѣчіемъ староста. Да благоти будетъ—и долголѣтенъ будеши на земли, поднявъ вверхъ указательный палецъ правой руки, протяжно и убѣдительно повторилъ онъ.

Смущенный Василь поглядывалъ то на старосту, то на Марусю.

— На чорта намъ *цее* долголѣтіе, когда житья нѣтъ, махнувъ нетерпѣливо рукою, возразила Маруся.

— Да *я* во сто разъ лучше готова лечь въ сырую землю, чѣмъ жить съ *мамоѣ*, добавила Прыська.

— Дурны бабы! Въ пеклѣ будете! попытался еще, прикрикнувъ, староста.

— Все ровно, что въ *пеклѣ*, что съ батькомъ да съ мамой, почесавъ затылокъ, сказалъ Василь.

— А когда такъ, погорячился староста, такъ сей часъ же иду къ вашимъ родителямъ и все имъ разскажу, и когда они съ вами разправятся, то всѣхъ васъ потащу въ холодную, и всякаго по цѣлой недѣлѣ выдержу на хлѣбѣ и на водѣ.

— А батько дасть вамъ за то еще меду и выоретъ лишній *моргъ* *) поля, иронически замѣтилъ Василь.

Староста побагровѣлъ отъ досады.

— Повтори-ка, что ты сказалъ? сжавъ кулаки и грозно подходя къ Василю, завопилъ онъ. А нука повтори!

И у старосты сильно чесались руки.

— Да я то сказалъ, съ твердостью произнесъ Василь, что готовъ, ежели вамъ этого непремѣнно хочется, повторить и волостному.

Руки у старосты перестали чесаться и онъ видимо потерялся.

— Знаю я хорошо, продолжалъ Василь, за что батько даетъ вамъ медъ и оретъ поле.

Спустя минуту староста нашелся и такъ повелъ рѣчь:

*) Моргъ.

— *Дурный* ты, Василю *дурный*! а еще будто бы и разумный!

Ну и что ты толкуешь о волостномъ? И что я боюсь его, что ли?

Да и что такое волостной? Правда, что онъ — начальство, но все таки не такой ли самый мужикъ, какъ и я, и Федько, и нашъ Кузьма, что пасеть наши свиньи? Такъ, что мнѣ волостного бояться? Но, положимъ, что волостной — и начальство, — такъ что же изъ этого? Укралъ ли что у кого или что, чтобы мнѣ его бояться? Правда, что вашъ батько иногда даетъ мнѣ немножко меду.

— По цѣлому боченку, поправилъ Федько.

— Ну, положимъ, что вашъ *батько* даетъ мнѣ, какъ ты говоришь, Федько, и по цѣлому боченку меду, и оретъ мнѣ поле, такъ что жъ изъ этого? За что мнѣ батько вотъ даетъ медъ и помогаетъ въ работѣ? За то, что его старый пріятель, что я люблю и желаю добра и ему, и его женѣ, и его дѣтямъ. А чтобы доказать вамъ, что я всѣхъ васъ люблю и желаю добра, прошу васъ, дѣточки идите себѣ съ Богомъ, домой, а черезъ полчаса, явлюсь къ вамъ въ хату и мы вмѣстѣ потолкуемъ съ вашими родителями и надѣюсь на Бога, все прекрасно устроитеся, и на будущую весну, вы будете жить въ своихъ собственныхъ хатахъ и будете настоящими *господарами*, а ваши жены—*господынями* на славу.

— *Дякуемъ* *) вамъ, дядьку, сказалъ Василь.

— Дякуемъ, дякуемъ, заголосили бабы; одинъ только Федько молчалъ.

— Такъ идите же домой, дѣточки, повторилъ староста, а я только забѣгу на минуточку въ свою хату, а потомъ сей часъ же приду къ вамъ.

Съ этими словами староста отправился къ себѣ въ хату, которая была недалеко отъ его поля, а довольные успѣхомъ Лысые, межами, тоже направились къ селу.

— Дѣло какъ кажется идетъ на ладъ, говорилъ дорогой Василь.

— А все таки страшно, замѣтила Прыська, что маты узнавъ обо всемъ, страшно разозлится, и пока дѣло дойдетъ до конца успѣетъ нѣсколько разъ *гопнуть* меня прямо въ мой животъ.

---

*) Дяковать—благодарить.

— Не боюсь я уже старой суки, радовалась Маруся, и ежели она меня разъ гопнеть, то я ее дватцать разъ гопну! Воображаю себѣ, съ удовольствіемъ продолжала разсуждать Маруся, какъ она будетъ злиться! А для меня нѣтъ больше радости какъ видѣть, что она злится и ничего не можетъ сдѣлать.

Чѣмъ ближе наши путники подходили къ дому, тѣмъ больше Марусю разбирала охота позлить Мотру, а когда Маруся завидѣла, наконецъ, свою хату, то не вытерпѣла и, зная что Мотра услышитъ ея пѣсню, во все горло заорала.

Ой маты, тайне маты,—
Лыхая свекруха!

Изъ воротъ видна была пасѣка, и потому Василь и его спутники лишь только вошли въ дворъ, сей часъ же увидѣли озабоченныя и встревоженныя лица, собравшихся возлѣ будки своихъ домашнихъ и Сруля и, незаходя въ хату, прямо направились къ нимъ. Лысаго и Мотру съ одной стороны, и его женатыхъ сыновей съ ихъ женами, съ другой, можно было въ эту минуту уподобитъ двумъ непріятельскимъ отрядамъ, готовымъ въ рѣшительную минуту на отчаянный кровавый бой. Лысый съ Мотрой, не трогаясь съ своего мѣста и думая объ уворованной Василемъ кобыльей шкурѣ, стояли какъ бы въ неприступной твердынѣ, а Юзько, какъ полководецъ на свою артилерію, разсчитывалъ на свои громадныя кулачища, готовыя розгромить въ пухъ и въ прахъ слабого непріятеля. Василь, впереди своего отряда, отважно шелъ на приступъ, имѣя въ своемъ распоряженіи столько же острыхъ штыковъ сколько было жалъ въ уворованныхъ Лысымъ у пана Пржепржно-држевскаго рояхъ, а страшный въ мнѣніи Василя волостной, уподоблялся вновь изобрѣтенной грозной военной машинѣ въ родѣ небывалаго аэростата, которая неожиданно свалится посреди непріятеля и своею разрущающею силою ниспровергнетъ старую тактику т. е. рутинную родительскую власть Лысаго и Мотры надъ ихъ прогресивными дѣтьми.

Перелезши чрезъ перелазъ въ плетнѣ между дворомъ и садикомъ, Василь, Федька, Маруся и Прыська, вступили въ непріятельскую тереторію, а Василь издали обозрѣвалъ вражій станъ Василь взглянулъ на лежащую возлѣ будки воловью шкуру, и она повела его на воспоминанія, которыя непріятно подѣйствовали на первы Василя, но все таки, съ увѣренностью въ побѣдѣ, онъ продол-

жалъ наступать, а Лысый и Мотра, по прежнему, ни на одну минуту не сомнѣвались въ томъ что они вотъ—вотъ сразу накинутся на Василя и одолѣютъ его, а Маруся, Прыська и Федько, увидѣвъ, что Василь разбитъ, сей часъ же сдадутся на капитуляцію. Мотра и Маруся взглянули одна на другую и имъ обѣимъ страшно захотѣлось вцѣпиться другъ другу въ волосы; но онѣ воздержались, не смотря даже и на то, что Мотра, кивая съ азартомъ головой, показывала Марусѣ свой кулакъ, высунувъ языкъ, дразнила Мотру. Находящійся тутъ хромой Иванъ по прежнему сладко улыбался и думалъ: неужели же Господь Богъ не допоможетъ ему свалить вину изъ своей крещенной головы на поганаго нехриста Сруля? а Сруль внутренно убѣждалъ себя, что онъ вовсе не зналъ того, что Данило хочетъ продать ему уворованную, а не свою собственную шкуру, и что, слѣдовательно, онъ можетъ, въ случаѣ чего избавиться отъ напасти. Блѣдному, какъ полотно, Данилу извѣстны были отчасти домашнія тайны, и потому, когда онъ увидѣлъ рѣшительныя выраженія лицъ вошедшихъ на пасѣку Василя и Маруси, то догадался, что они предпринимаютъ что то рѣшительное и смекнулъ, что ихъ рѣшимость можетъ отвлечь отъ воловой шкуры, а слѣдовательно и отъ него самаго главное вниманіе Лысаго. Данило хотя нѣсколько поуспокоился, но все таки поглядывалъ на крышу клуни, подъ которой онъ могъ бы преспокойно висѣть себѣ теперь на бантѣ, вмѣсто того, чтобы находиться въ тревожномъ ожиданіи, чѣмъ разиграется исторія съ воловьей шкурой?

Подойдя къ будкѣ пасѣчника, Василь и его спутники остановились; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Василь, разинувъ ротъ, первый хотѣлъ—было начать атаку, но такъ какъ онъ намѣревался напасть врасплохъ, а между тѣмъ взглянувъ на отца и мать, догадался по выраженіи ихъ лицъ, что они тоже подготовились къ чему то весьма рѣшительному, то нѣсколько замялся и затруднился, какъ ему быть. Минутное молчаніе Лысаго происходило вовсе не отъ сомнѣнія въ чемъ нибо, а потому только, что онъ желалъ продлить минуты наслажденія, съ которымъ онъ предвкушалъ вѣрную побѣду. Черная тучка пролетѣла однакожъ среди торжественныхъ чувствъ наполнявшихъ душу Лысаго, потому что онъ припомнилъ себѣ съ великимъ сажеленіемъ, что, увы! нѣтъ подъ рукой *глечыка* съ водкой, и что слѣдовательно, онъ не можетъ теперь хватить чарки, которая укрѣпила бы его бодрость

и поддержала настоящее настроеніе его духа. Но этому горю нельзя было пособить, и потому Лысый, махнувъ рукой, какъ бы отгоняя набѣжавшую тучку, приступилъ наконецъ прямо къ дѣлу.

— А скажи-ка мнѣ, *сынку*, началъ Лысый, глядя прямо въ глаза Василю, куда-то дѣвалась одна шкура изъ подъ *стрыхи?*

— Какая шкура? спросилъ нѣсколько озадачившись Василь, не ожидавшій въ эту минуту атаки съ этой стороны.

— А вотъ я тебѣ покажу сей часъ какая шкура, произнесъ, довольный смущеніемъ Василя, Лысый и, приблизившись шага на два къ сыну, значительно поплевывалъ въ кулаки.

Увидѣвъ грозный маневръ отца, Василь, смутившись больше прежняго, предпринялъ было отступленіе, попятившись нѣсколько назадъ и, по всей вѣроятности, баталія, въ самомъ началѣ ея, приняла бы непріятное для Василя направленіе, если бы мужественная его союзница Маруся, которая хорошо поняла маневръ Лысаго и замѣтивъ смущеніе и близкую ретераду Василя, во время не поддержала его.

— Не совѣтую вамъ батьку, сказала Маруся, давать слишкомъ много воли кулакамъ своимъ, потому что Василь прездоровенный мужикъ и можетъ дать вамъ славную сдачу.

— Что ты тамъ *брешешъ?* пробормоталъ въ отвѣтъ Марусѣ Лысый, но струсилъ и перестал поплевывать въ кулакъ.

Достойная сподвижница Лысаго Мотра, увидѣвъ колебаніе своего мужа и мгновенно составивъ въ головѣ свой планъ дѣйствій, кинулась какъ разъяренная кошка къ Марусѣ съ тѣмъ, чтобы ошеломить ее однимъ ловкимъ ударомъ, а потомъ, шлепнувъ Василя по щекѣ, подать тѣмъ сигналъ Лысому къ дальнейшимъ военнымъ дѣйствіямъ. Придуманный Мотрой планъ составленъ былъ очень ловко, и за нѣсколько часовъ предъ симъ, по всей вѣроятности, онъ удался бы вполнѣ; но въ послѣдніе часы, въ душѣ Маруси прибавилось много рѣшимости и самоувѣренности, и потому отрапировавъ съ рѣдкою ловкостью направленный на нее ударъ, Маруся поставила Мотру въ тупикъ.

— *А що це таке?* всплеснувъ, а потомъ заломавъ руки, могла только воскликнуть—Мотра, до крайности удивленная и пораженная даннымъ ей Марусей отпоромъ.

— А то, старая *сука*, что ежели ты осмѣлишься хоть разъ тронуть меня, то я тебя двадцать разъ гопну, отвѣтила Маруся.

Неприятели съ обѣихъ сторонъ оказались одинаково мужественными и рѣшительными; бой на время прекратился и наступило минутное общее молчаніе и бездѣйствіе. Лысый началъ военныя дѣйствія собственно только по разсчету, но теперь, когда онъ увидѣлъ, что дерзкая сноха, сконфузила и обидѣла его Мотру которую онъ очень уважалъ въ душѣ, негодованіе закипѣло въ немъ, и онъ побуждаемый уже не разсчетомъ, а волновавшими его страстями, воодушевился, закипѣлъ и, обращаясь къ хромому Ивану, воскликнулъ.

— Говори, старый, что я тебѣ—*господарь* или нѣтъ?

— Господарь вы мнѣ,—да, вы мой *коханый господарь*, отвѣтилъ Иванъ.

— А тебѣ *бадько* ли я? съ энтузіязмомъ обратился Лысый къ Данилу.

— Батько, отвѣтилъ Данило.

— Ну такъ ежели я тебѣ господарь, а тебѣ батько, продолжалъ Лысый, обращаясь то къ Ивану, то къ Данилу, такъ сію же минуту помогите мнѣ поколотить и связать Василя.

Обрадованный тѣмъ, что дѣло принимаетъ такой оборотъ, Данило, первый кинулся къ Василю и схватилъ его за шиворотъ; тонкій политикъ хромой Иванъ, желая угодить своему господару, но не видя расчета раздражать противъ себя богатыря—Василя, подошелъ къ нему и легонько дергалъ его за рукавъ, а Лысый теперь одинъ только разъ плюнулъ въ свой кулакъ, но за то нанесъ Василю прямо въ лице такой полновѣстный ударъ, что Василь пошатнулся, а Прыська взвизгнула отъ состраданія къ своему сраженному въ бою мужу. Еше секунда, и Василь былъ бы избитъ какъ кислое яблоко, но онъ тоже не дремалъ, и хотя не дѣйствовалъ руками, но пустивъ въ атаку главныя свои дѣйствующія силы,—причинилъ Лысому въ десять разъ больше боли, чѣмъ ему нанесло здоровенное кулачище Лысаго.

— Вы старый злодій, батьку, крикнулъ Василь, потому что всякій годъ крадете у пана Пржепржидржевскаго его рои!

Вторично поднятый Лысымъ кулакъ, мгновенно опустился.

— *А? Що? Що* ты *брешишь?* формоталъ пораженный Лысый.

— Да что ты его слушаешь? закричала мужу Мотра. Какія тамъ рои? *Гопни*-ка лучше еще разъ его по *пыци!*

— Будетъ вамъ по *пыци*, когда придетъ сюда староста,

сказала Маруся. Мы прямо отъ него, мы все ему разсказали и сію же минуту онъ будетъ здѣсь.

— Не кралъ я никогда роевъ и небоюсь я старосты, сказалъ Лысый, который нѣсколько пріободрился, услыхавъ про старосту.

— Я знаю, что вы не боитесь старосты, дерзко отвѣтилъ Василь, потому что злодій старый, практикованный и ученый, и для того, чтобы староста молчалъ, что вы крадете у пана Пржепржидржевскаго егорои, вы деете медъ и всякій годъ орете ему поле. Но на старостѣ дѣло не кончится, потому что ежели онъ самъ дѣла между вами и нами не уладитъ, то пойду къ волостному и обо всемъ разскажу ему.

— Не боюсь я и волостнаго, говорилъ Лысый, а между тѣмъ, въ раздумьи, чесалъ затылокъ.

Умная Мотра сообразивши обстоятельства, поняла что съ струсившимъ мужемъ ея ничего теперь путнаго не подѣлаешь, и потому, желая обдумать дѣло, и для того на время отступить съ честью съ боя, заохала, застонала и, притворившись что ее внезапно и страшно заболѣлъ животъ, звала мужа въ хату, гдѣ, заперпись, она могла бы составить военный совѣтъ, на которомъ порѣшили бы дальнѣйшій образъ дѣйствій.

— Идите себѣ хоть въ хату, къ чорту, говорилъ, понявшій въ чемъ дѣло, Василь, а все таки ежели вы не отдѣлите и меня и Федька съ Марусей, то я разскажу и волостному и пану Пржепржидржевскому,—ей Богу, самому Пржепржидржевскому, что вы, батько, крадете у него рои, и у васъ отберутъ пасѣку и еще посадятъ въ холодную, а, по пожалуй, и въ *цюпу* *).

— Разскажи, Василь, разскажи, присѣдая и помахивая кулакомъ, подстрекала Маруя, разскажи обо всемъ и волостному, и пану Пржепрженджевскому, и пускай батька и мать посадять его въ холодную, а стару въ *цюпу*, а пока они будутъ сидѣть тамъ отдѣльно, я буду спать съ Федькомъ не на голой землѣ, а на ихъ постели.

— Ой, ой животъ, мой животъ! стонала между тѣмъ, притворяясь будто не слышитъ этихъ словъ Мотра, а сама кипѣла отъ злости.

— А я не стану больше мыть бѣлья, замѣтила, увлеченная

*) Цюпа—тюрьма.

общею сподвижницею ея отвагою, Прыська. Въ ту самую минуту показался староста.

— Добрый вечеръ, *куме*, обращаясь къ Лысому, сказалъ староста, войдя на насѣку медленно, съ важною начальническою поступью. Якъ ся маете, куме? обратился онъ къ Мотрѣ; что это вы больны?

— Въ смерть заѣли меня дѣти, жаловалась, продолжая стонать, Мотра.

— Заѣли васъ дѣти? повторилъ староста. Ну это не хорошо, нужно такъ дѣло устроить, чтобы ни они васъ, ни вы ихъ не заѣдали.

— Да какъ же это такъ устроить? спросилъ старосту Лысый. Мы дѣтей, видите ли, и кормимъ, и поимъ, и одѣваемъ, а они не только не уважаютъ насъ, но еще и выдумываютъ разный вздоръ.

— Не хотимъ мы ни вашего хлѣба, ни вашей одежды, отозвалась Марся.

— Не вздоръ выдумываемъ мы на васъ, а говоримъ сущую правду, добавилъ Василь.

— Ой ой, животъ мой, животъ, начала опять Мотра, согнувшись въ три погибели и держась за животъ. Пойдемъ, Юзько, въ хату, пойдите и вы съ нами, куме, добавила она, обращаясь къ старостѣ.

— Пойдемъ, отвѣтилъ Юзько.

— Я самъ хотѣлъ было предложить вамъ поговорить наединѣ, сказалъ староста, и всѣ трое направились къ хатѣ.

Догадываясь о чемъ староста хочетъ говорить Лысому и Мотрѣ, Василь остановилъ его и началъ говорить:

— Я не хочу иначе отдѣляться какъ только съ условіемъ, чтобы батько далъ мнѣ.... Пріостановившіеся было Лысый и Мотра, услыхавъ начатую рѣчь, недослушавъ ее, скорыми шагами пошли впередъ.

— Вотъ видите ли какіе они, смотря вслѣдъ удаляющимся родителямъ, продолжалъ Василь,—и слушать не хотятъ. Ну пусть себѣ слушаютъ или не слушаютъ, это какъ имъ угодно, а я все таки объявляю вамъ, *дядьку*, что не хочу иначе отдѣляться, какъ только, чтобы батько далъ мнѣ пятьдесятъ карбованцевъ на хату, пару лошадей, какихъ я самъ себѣ выберу, и стогъ ржи, но только не прошлогодней, потому что прошлогодняя рожь совсѣмъ не умолотная, а или прозапрошлогодичней, или новой.

— Хорошо, отвѣтилъ староста, я поговорю съ батькомъ.

— А мнѣ, прибавила Маруя, батько долженъ отдать рыжую корову: она всего больше даетъ молока, а мати должна отдать свои корали, ей вовсе не нужны корали; на кой чортъ старой вѣдьмѣ корали?

— Не лучше ли было бы, замѣтила Прыська, чтобы мамо подѣлила корали между нами? Я вѣдь тоже жена его сына и имѣю полное право на половину коралей.

— Нѣтъ, корали должны принадлежать одной мнѣ, заспорила Маруся, потому что ты, до выхода замужъ, служила въ наймычкахъ и непривыкла къ кораллямъ, а я всякое воскресенье и всякій праздничный день надѣвала, когда была въ дѣвкахъ, корали моей матери, которые мои родители должны были продать, когда не чѣмъ было заплатить *чиншемъ* *).

— Ты хочешь все себѣ да себѣ только, *корысная моей матери*, начала было браниться Прысьна, но староста остановилъ ее.

— Изъ за чего вы ссоритесь, сказалъ онъ? Ежели Мотра отдастъ одной изъ васъ корали, то другая, въ замѣнъ ихъ, получитъ деньги, за которые купитъ себѣ еще лучшіе корали.

И староста изъ-подъ-тишка засмѣялся.

— Ну, такъ оставайтесь тутъ съ Богомъ, продолжалъ староста, а я отправлюсь въ вашу хату, потолкую и скоро возвращусь къ вамъ.

— Не забудьте же, дядьку, сказать, говорилъ Василь, что я не хочу прошлогодняго жита.

— Не забуду, не забуду, увѣрялъ староста.

— Не забудьте тоже сказать, напомнила Маруся, что я хочу непремѣнно рыжую корову.

— А я хочу корали, на зло Марусѣ хочу корали, добавила Прыська.

— Хорошо, хорошо. Тебѣ, Маруся, корову, а тебѣ, Прыська, корали, сказалъ староста и пошелъ въ хату.

— Нѣтъ мнѣ тоже и корали, вслѣдъ старостѣ кричала Маруся.

— Ладно, ладно, тебѣ и корали, согласился староста и скрылся изъ виду.

*) Чиншъ—оброкъ.

— Дитыноньке моя дорогая, сынку мой кохадный, началъ, обращаясь послѣ ухода старосты, къ Василю хромой Иванъ; ты не повѣришь какъ я жалѣлъ тебя, когда батько приказалъ мнѣ помогать ему поколотить и связать тебя, а потомъ—какъ я перепугался, когда онъ такъ сильно треснулъ тебя.

— Да, отвѣтилъ Василь, я замѣтилъ, что вы такъ только для виду помогали отцу; спасибо вамъ за это, а вотъ гыцель Данило такъ не на шутку таки вцѣпился было въ меня. Ну твое счастье, Данило, что я занятъ теперь дѣломъ поважнѣй и мнѣ не до тебя теперь, а то я задалъ бы тебѣ!

— Охъ, не знаешь ты того, со вздохомъ и поглядывая на Струля, отвѣтилъ Данило, почему я долженъ былъ помогать отцу. Но я прошу тебя, Василь, *выбачай* *) мнѣ, добавилъ Данило, испытавшій не разъ громадную увѣсистость Василеваго кулака.

— Ну, ну, чортъ съ тобой; не до тебя мнѣ теперь, отвѣтилъ Василь.

— Это очень хорошо, подумалъ Данило, что и Василю не до меня теперь, а батько тоже занятъ болѣе важнымъ, чѣмъ воловья шкура, дѣломъ. Какъ бы, однакожъ, спровадить отсюдова жидка? Ежели онъ уберется, то смѣло все можно будетъ свернуть на него, тогда и дѣлу конецъ.

— Послушайте, панъ арендаръ, обратился Данило къ Струлю, чего вы торчите здѣсь? Не лучше ли было бы вамъ убраться поживу по здорову, а то батько, чего добраго, привяжется къ вамъ за эту шкуру и будетъ вамъ бѣда.

— Ой, что будетъ, то будетъ бѣда! сказалъ и Иванъ, понявшій мысль Данила. Господи Боже мой! и почему это ты допускаешь до грѣховъ рабовъ своихъ, и этотъ бѣдненькій жидочекъ хотѣлъ было стащить вотъ эту шкуру?

Но Струль не предвидѣлъ и не боялся никакой бѣды; кромѣ того, было уже поздно и онъ не могъ бы теперь отправиться по хатамъ и торговать шкуры, а шкуры Лысаго были уже осмотрѣны и, кто знаетъ, быть можетъ, когда домашняя буря утихнетъ, Лысый и продастъ ему ихъ, а потому Струль предпочелъ остаться тутъ. Въ соображеніи Струля входило еще и то не понадобятся ли Лысому деньги, которому предстоитъ давать ихъ сыну на хату,

---

*) Выбачать—извинять.

въ такомъ случаѣ онъ продастъ шкуры дешево, и Сруль рѣшительно отвѣтилъ:

— Не врите, старый, и ты, хлопче, и не пугайте меня; я ничего не боюсь и хочу тутъ остаться и поговорить еще съ господаромъ.

Съ этими словами, Сруль, преспокойно улегшись, разтянулся подъ деревомъ, въ намѣреніи уснуть, пока не кончится скучная для него домашняя исторія и пока не наступитъ болѣе благопріятное время для того, чтобы начать *гандель*.

Пока Данило и Иванъ разговаривали съ Срулемъ, Василь, Маруся и Прыська, выбирали мѣста, на которыхъ они будутъ строить хаты; одинъ только Федько, хоть и улыбался по своему обыкновенію, но молчалъ.

— Я построю большую и свѣтлую хату на общественной землѣ возлѣ церкви, говорилъ Василь.

— А я заставлю Федька построить хату возлѣ пруда, потому что очень люблю гусей и буду много держать ихъ, а имѣя гусей, удобнѣе жить возлѣ воды, говорила Маруся.

— Я тоже хочу, чтобы наша хата была возлѣ пруда, а не возлѣ церкви, обращаясь къ Василю, сказала Прыська; мнѣ и такъ въ смерть надоѣло мыть бѣлье, а тутъ еще тащись съ нимъ за три девять земель—къ пруду.

— Возлѣ пруда нѣтъ свободнаго просторнаго грунта, замѣтилъ Василь, и тамъ негдѣ устроить большаго огорода.

— Не хочу большаго огорода, спорила Прыська; некогда мнѣ съ нимъ возиться.

— Ты бы все только спала на печи, насмѣшливо отозвалась Маруся.

— А тебѣ завидно, что я сплю на печи, тогда какъ ты валяешься на землѣ, отвѣтила Прыська. Но вѣдь теперь уже не для чего завидовать, такъ какъ скоро будешь имѣть собственную хату и можешь спать въ ней гдѣ тебѣ угодно.

— Что это такъ долго староста толкуетъ съ родителями? сказалъ Василь: пора бы ему уже возвратиться къ намъ и разсказать на чемъ они тамъ порѣшили.

— Староста ушелъ уже давно, отвѣтилъ Федько, я видѣлъ, какъ онъ выходилъ.

— Сообщенное Федькомъ извѣстіе смутило Василя и моло-

дихъ бабъ, но не успѣли они еще опомниться, какъ увидѣли, что на пасѣку идутъ Лысый, Мотра, староста и еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ.

— Къ чему эти люди? смотря на постороннихъ крестьянъ, думалъ Василь. Не для того ли привелъ ихъ староста, чтобъ они были свидѣтелями договора между нами и родителями? Да, вѣрно ихъ привели въ свидѣтели, а то иначе чего бы имъ тутъ быть?

Пока Василь разсуждалъ такимъ образомъ, староста первый переступилъ черезъ перелазъ, за нимъ Лысый, потомъ Мотра, наконецъ и прочіе крестьяне; и всѣ они направились прямо къ Василью. Лысый и Мотра имѣли такой суровый видъ, что когда Василь взглянулъ на нихъ, то подумалъ, что имъ должно быть очень досадно давать и ему и Федьку по пятидесяти карбованцевъ на хаты, по парѣ лучшихъ лошадей и еще по стогу ржи, которой *копа* *) даетъ по крайней мѣрѣ по полутора корца. Увидѣвъ, какъ его родители смущены, Василь даже нѣсколько было смягчился и рѣшилъ въ умѣ своемъ, что можно нѣсколько сбавить съ цѣны и дать Федьку не умолотной ржи, а прошлогодней, копа не даетъ и полукорца. Суровый видъ Лысаго и Мотры произвелъ на Марусю совсѣмъ иное, чѣмъ на Василя, впечатлѣніе; лица родителей показались Марусѣ очень зловѣщими, и она испугалась и сразу упала духомъ. Спустя минуту, предчувствіе, а можетъ быть и наблюдательность, Маруси вполнѣ оправдались, потому что Мотра подошла прямо къ ней и сдернула съ нея одной рукой платокъ и чепецъ съ головы, другой рукой ухватила ее за косу, потомъ повалила на землю, и, что есть мочи, начала трепать ее куда попало и, при всякомъ ударѣ, приговаривала:

— Вотъ тебѣ *все зле*, вотъ тебѣ *лыха гадина*, вотъ тебѣ видьма, а вотъ тебѣ и старая сука!

— Василю! *Серденько! Ратуй мене! Забье!* завопила Маруся, но вскорѣ убѣдилась, что она напрасно молитъ о помощи своего союзника, потому что Василь не только разбитъ на голову, но уже находится въ плѣну. Вотъ что случилось съ Василемъ: въ ту самую минуту, когда Мотра сокрушала Марусю,

*) Копа — шестьдесятъ сноповъ.

Лысый мужественно ринулся на Василя. Василь попробовалъ было отбить атаку, но староста употребилъ въ дѣло приведенный имъ сукурсъ.

— Вяжите его хлопцы! Та *хутко* *), та живо, крикнулъ староста мужикамъ, которыхъ Василь считалъ свидѣтелями своего будущаго торжества, и нѣсколько сильныхъ рукъ, не смотря на то что Василь пугалъ волостнымъ, въ одну минуту скрутили его и спутали руки и ноги надежными веревками. Увидѣвъ своего сына обезоруженнымъ, Лысый началъ подчивать его также усердно, какъ и Мотра Марусю. Одинъ Господь только знаетъ когда и чѣмъ окончилось бы это безпощадное побоище, ежелибы староста не употребилъ своей законной власти и не остановилъ Лысаго, а потомъ силою не унялъ Мотру.

— Буде, буде, куме! кричалъ староста Лысому; буде и вамъ кумо, убѣждалъ онъ Мотру, и Лысый пересталъ колотить Василя, но Мотра и не думала униматься и ея удары сыпались какъ градъ, на взбунтовавшуюся сноху.

— Присяй Богу, буде забьете жинку, кумо, убѣждалъ староста Мотру.

— А забью, то и забъю, нехай не дзаукае,—трасца іи матери, скаженая сучка, отвѣтила разъяренная Мотра и удвоила удары.

Въ ожиданіи, что вскорѣ очередь дойдетъ и до другихъ, Федько, Прыська, ни живые, ни мертвые, стояли блѣдные и трепещущіе. Староста побоялся что, въ самомъ дѣлѣ, битва можетъ кончиться убійствомъ, вспомнилъ о слѣдствіи и о сопряженныхъ съ нимъ для него хлопотахъ, приказалъ мужикамъ остановить Мотру. Мужики кинулись къ Мотрѣ, чтобы исполнить приказаніе старосты, но не такъ то было имъ легко сладить, какъ бѣшеная кошка впивается зубами и когтями въ первое напавшее ей на встрѣчу существо, такъ и Мотра впилась въ Марусю, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, барахтаясь, ногами отбивалась отъ мужиковъ, и не оставляла своей непокорной жертвы. По причинѣ эволюцій, которыя отбивавшаяся Мотра дѣлала ногами въ воздухѣ, одежда ея очутилась не на своемъ мѣстѣ; но Мотра забыла и думать о своемъ туалетѣ и продолжала болтать ногами и терзать Марусю.

---

*) Хутко—скоро.

Восемь рукъ, справившихся съ Василемъ, не могли сладить съ Мотрой и, по распоряженію старосты, одному изъ мужиковъ пришлось бѣжать въ хату, принести ведро съ водой и окотить ею Мотру. Этотъ маневръ удался, хоть и не вполнѣ, потому что окаченная холодной водой, въ первую минуту Мотра оставила было Марусю, но потомъ снова кинулась къ ней, и старостѣ пришлось употребить отчаянныя усилія, чтобы удерживать ея порывы. А Мотра все порывалась до тѣхъ поръ, пока Лысый не догадался увести Марусю съ глазъ ея и не заперъ ее въ коморѣ. Когда Маруся изчезла изъ глазъ Мотры, послѣдняя почувствовала себя до того истощенной, что, повалившись на землю, съ трудомъ переводила духъ.

Лишь только, въ началѣ побоища, Мотра повалила Марусю, а Лысый принялся за Василя, хромой Иванъ, пользуясь тѣмъ, что на него не обращаютъ теперь никакого вниманія, подошелъ къ Данилу и всунувъ ему что то въ руку, и что то шепнулъ, мигнувъ на успѣвшаго крѣпко уснуть Сруля, а Данило подползъ къ Срулю, осторожно запустилъ руку въ его карманъ и оставилъ въ немъ поданный ему Иваномъ предметъ. Почувствовавъ, что къ нему прикасаются и услыхавъ вопли Маруси и Василя, Сруль сію же минуту проснулся; но Данило успѣлъ отскочить отъ Сруля прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться со сна; такимъ образомъ Сруль и не подозрѣвалъ устроенной ему Иваномъ и Даниломъ западни, а только озирался кругомъ сонными глазами и думалъ, что пропалъ нынѣшній день, такъ какъ Лысому, какъ по всему видно, совсѣмъ теперь не до гандля.

Евреи по большей части нервны и не любятъ быть свидѣтелями дракъ, и потому сцена, которой ему пришлось быть свидѣтелемъ, крѣпко не нравилась Срулю, и онъ рѣшился сей часъ же оставить усадьбу Лысаго и отправиться переночевать въ корчму. Исполняя свое предположеніе, Сруль направился къ перелазу, но Иванъ остановилъ его. Это случилось какъ разъ въ то время, когра Лысый возвращался, оставивъ Марусю запертою въ коморѣ.

— Жидочку мой коханый, обращаясь къ Срулю, началъ Иванъ. У меня въ будкѣ была колитка *) съ деньгами, а теперъ ее нѣтъ тамъ, скажи, на милость, не нашелъ ли ты ее въ

---

*) Калитка—кошелекъ.

то время, когда пряталъ въ будку шкуру, и не взялъ ли ты ея себѣ?

У Слуля забилось сердце. Слова Ивана обратили на себя вниманіе Лысаго, а Мотра, успѣвшая уже нѣсколько оправиться, навострила уши.

— У васъ, дядьку, пропали тѣ два карбованца, которые вы вчера получили отъ батька? притворяясь удивленнымъ и пораженнымъ, спросилъ Данило.

— Да, сынку, отвѣтилъ Иванъ. Они были у меня въ будкѣ, и я ихъ теперь не нахожу. Я думаю, не нашелъ ли ихъ этотъ жидочекъ, когда пряталъ въ будку шкуру, и не положилъ ли онъ моихъ денегъ по ошибкѣ къ себѣ въ карманъ.

—Чего ты вяжеться старый? Ай вей гвалтъ! Напасть! закричалъ перепуганный Сруль.

Староста услыхавъ крикъ Сруля, подошелъ и спросилъ въ чемъ дѣло, а Иванъ объяснилъ ему, что Сруль хотѣлъ было украсть у Лысаго шкуру, и припряталъ ее на время у него въ будкѣ, а между тѣмъ изъ будки изчезъ кошелекъ съ двумя рублями.

— А что, Юзько, отозвналась Мотра, не говорила ли я тебѣ, что шкуру жидъ хотѣлъ украсть?

—Правда, отвѣтилъ Лысый, а я еще защищалъ его.

— Обыскать жида! скомандировалъ староста.

Мужики кинулись къ Срулю и вытащили у него изъ кармана кошелекъ съ двумя рублями, который, такъ же какъ и деньги, признаны были и Лысымъ и Мотрой принадлежащими хромому Ивану.

— Въ холодную жыда! скомандировалъ опять староста.

— Ведите его туда вмѣстѣ съ Василемъ.

Напрасно Сруль доказывалъ свою невинность, ему не повѣрили и, спустя часъ, онъ сидѣлъ уже запертымъ вмѣстѣ съ Василемъ въ холодной, устроенной въ волости бывшей не вдалекѣ отъ Волицы.

Такиаъ то несчастнымъ образомъ окончились въ этотъ денъ воинственныя стремленія къ свободѣ злополучнаго Василя и его союзниковъ, и смѣлыя торговыя предпріятія бѣднаго Сруля, который, получивъ въ это утро благословеніе Абрамка Коростышевскаго, навѣрное разсчитывалъ на блестящій успѣхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

(*Окончаніе до слѣдующей книжки*).

IЕКЕЛЕ ЗЛАТОКОВАТЕЛЬ.

I.

Еврейское населенiе г. Вильны.

„Красивъ и пышенъ центръ Литвы, городъ Вильна“, говоритъ въ своихъ путешественныхъ замѣткахъ о евреяхъ одинъ извѣстный еврейскiй авторъ. Въ этомъ городѣ, продолжаетъ сказанный писатель, живетъ сорокъ тысячъ евреевъ, говорящихъ на нѣмецкомъ жаргонѣ, составляющемъ смѣсь по большей части нѣмецкихъ и еврейскихъ, а также, въ немаломъ количествѣ, русскихъ, французскихъ и другихъ чужестранныхъ словъ. Нарядъ этихъ жильцевъ города Вильны вполнѣ соотвѣтствуетъ пестротѣ ихъ говора: онъ тоже не что иное, какъ смѣсь не то еврейскаго, не то нѣмецкаго покроя.

Большая часть виленскаго еврейскаго населенiя занимается мелкимъ промысломъ. Не мало также встрѣтите между ними и ремесленниковъ разныхъ цеховъ. Многимъ изъ послѣднихъ нельзя отказать въ художественности и здравомъ пониманiи своего дѣла. Не малочисленъ также и рабочiй классъ этого населенiя: на каждомъ шагу попадаются: дровосѣкъ съ заброшеннымъ черезъ плечо топоромъ и блистающею пилою, трегеръ (носильщикъ), согнувшiйся въ дугу подъ тяжеловѣснымъ мѣшкомъ, налегшимъ на носителя своего безпощадно всѣмъ своимъ грузомъ, и тому подобный людъ.

Первое знакомство съ нѣкоторыми еврейскими индивидуумами туземнаго населенiя вызвало лестный, съ моей стороны, отзывъ о всей массѣ этого города; потому что въ самомъ началѣ попалъ я въ почтенный кружокъ, который составляли люди, занимавшiе довольно завидное мѣсто между прочими своими единовѣрцами. Во многихъ изъ первыхъ моихъ знакомыхъ я вскорѣ увидѣлъ людей, заслуживающихъ уваженiе, въ высшей степени безукоризненныхъ, честныхъ купцевъ, первой руки, ученыхъ, умныхъ, живущихъ между собою въ согласiи и дружбѣ, хотя, признаться, не мало нашелъ я между ними людей стараго покроя, между которыми, нечего грѣха таить, — попадаются и *хасиды* *). Но различiе кастъ и покроя не мѣшаетъ

*) Еврейская секта. Подробное описанiе хасидовъ см. 3 кн. В. З. Р., сочиненiе подъ заглавiемъ: «Необдуманный поступокъ и гибель юноши» М. Вольнера.

сказать о нихъ много хорошаго: живутъ въ опрятности, съ удобствами, воспитываютъ своихъ дѣтей на европейскій ладъ, женамъ и дочерямъ своимъ не предоставляютъ уже участвовать въ своихъ меркантильныхъ дѣлахъ, а возложили на нихъ исключительно воспитаніе дѣтей, присмотръ за домашнимъ хозяйствомъ, чтеніе, шитье и тому подобныя, приличныя женщинамъ, занятія. Къ немалой чести этихъ супругъ, надо прибавить, что многія изъ нихъ уже сбросили съ себя свои серьги, кольца, шейныя и прочія драгоцѣнныя украшенія, въ которыя всѣ прочія европейскія дамы наряжаются только въ торжественные бальные вечера. Сыновья этихъ господъ удовлетворительно уже объясняются на русскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. Они въ тоже время не отказываются и отъ свѣтскихъ развлеченій: посѣщаютъ другъ друга, не чуждаются общественныхъ удовольствій и заводятъ довольно интимныя сношенія съ христіанскимъ міромъ. Правительство, конечно, очень довольно этою частью еврейскаго населенія и надѣется, что она послужитъ благотворнымъ примѣромъ прочимъ евреямъ, сохранившимъ въ Европѣ чуть не азіатскій, т. е. дикій образъ жизни.

О дикомъ и лишенномъ всякаго воспитанія и образованія низшаго класса описываемаго племени мнѣ также удалось кое что узнать послѣ довольно долгаго пребыванія въ Вильнѣ. Послѣ я убѣдился, что число цивилизованныхъ людей весьма ограниченно.

Еще прискорбнѣе то, что въ кагальныхъ дѣлахъ принимаютъ участіе одни только невѣжды. А потому, въ большей части этого населенія, по сю еще пору не искоренено или, лучше сказать, не положено еще даже начало къ искорененію многихъ суевѣрій, предразсудковъ и не сообразностей, которыя въ наше время вызываютъ и смѣхъ и слезы на лицѣ благомыслящаго ихъ свидѣтеля.

Въ особенности плачевно воспитаніе большей части еврейскихъ дѣтей въ этомъ городѣ; но еще плачевнѣе слишкомъ раннія вступленія ихъ въ бракъ и несчастныя отъ того послѣдствія, поражающія васъ на каждомъ почти шагу. Путешествовалъ я по многимъ городамъ и городишкамъ, и нигдѣ, право, не встрѣчалъ такого легкомыслія и необдуманности при покупкѣ лошади или коровы, сколько ихъ замѣтилъ въ Вильнѣ при обзаведеніи женою или невѣсткой. Вступаютъ здѣсь въ бракъ безъ всякаго предварительнаго разсчета и безо всякой осмотрительности. Тоже замѣчается и при разводѣ съ женою. Очень случается, что мужъ, проживши

съ своею женою цѣлыхъ два десятка лѣтъ и народивши уже съ нею не только дюжину дѣтокъ, но удостоившись уже видѣть предъ глазами и третье свое поколѣніе, въ одно прекрасное утро вздумаетъ развестись съ женою, подавивъ въ себѣ такимъ образомъ всякія благородныя чувства: чувство состраданія, чувство любви къ дѣтямъ и тому подобныя человѣческія чувства. При этомъ иногда и святыня религіи уступаетъ мѣсто гнусному ея оскверненію. Жена, не желая разлучиться съ отцемъ своихъ дѣтей и дѣдушкой своихъ внучатъ, невольно *одѣваетъ себя* въ разводный актъ *). Слѣдствія такого неразумія для всякаго понятны: всякій пойметъ, каково будетъ воспитаніе дѣтей подъ привѣтливымъ надзоромъ мачихъ: отсюда такое огромное число праздношатающихся и ни къ чему негодныхъ. Отецъ—же этихъ *сиротъ* часто при всей своей несостоятельности, не стѣсняется жениться на молоденькой дѣвушкѣ и наживаетъ съ нею еще съ полдюжину дѣтей, которыя будутъ пропитываться на общественный счетъ. Всѣ эти аномаліи часто прикрываются религіозными софизмами: грѣхъ—де еврею оставаться безъ жены, говоритъ разведшійся мужъ и спѣшитъ жениться.

II.

Трущоба синогогальнаго двора.

Чтобы дать читателю обширное и наглядное понятіе о томъ, какой степени достигло прискорбное и гибельное легкомысліе въ отношеніи къ женитьбѣ и разводу, я разскажу одно событіе, изъ котораго читатель убѣдится въ вѣрности моего взгляда на этотъ предметъ.

Послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія въ Вильнѣ, мнѣ пришла

*) Разводъ мужа съ женою совершается у избраннаго раввина, который при этомъ предварительно спрашиваетъ у каждаго изъ супруговъ: оба ли согласны на разводъ; если оказывается, что жена несогласна, то обрядъ развода не состоится. Случалось уже много разъ, что мужъ, послѣ долгихъ тщетныхъ стараній уговорить или принудить жену къ заявленію, будто-бы, добровольнаго согласія на разводъ, подбросилъ заранѣе приготовленный разводный актъ; закричавъ заранѣе приготовленнымъ свидѣтелямъ: будьте свидѣтелями! Съ той минуты жена уже считается разведенною. По древнему еврейскому закону, мужъ имѣлъ право развестись съ

охота заказать одному здѣшнему каллиграфу свитокъ торы *), потому что какъ я давно слыхалъ, этотъ городъ славится дѣльными свиткописателями. Съ этою цѣлью я призвалъ къ себѣ одного изъ пользовавшихся въ Вильнѣ особою славою свитко-писателей, по имени ребъ Даніель. Я согласился заплатить сто рублей за написаніе свитка. Двадцать рублей я далъ ему сей часъ-же, заключивъ съ нимъ уговоръ, что каждая написанная страница должна быть немедленно приносима ко мнѣ для просмотра. Нѣсколько недѣль ребъ Даніель исполнялъ уговоръ аккуратно и я былъ его работою весьма доволенъ. Но не долго продолжалась эта аккуратность: проходитъ недѣля—другая, а моего писаря нѣтъ какъ нѣтъ. Проходитъ и третья недѣля—свиткописатель все еще не вспомнилъ обо мнѣ и потому я рѣшился лично навѣстить его. Квартира его помѣщалась на всѣмъ извѣстномъ синагогальномъ дворѣ: ее составляла большая комната, которая въ грязности неуступала даже близлежащей „Еврейской улицѣ". Войдя въ домъ, я принужденъ былъ заткнуть себѣ носъ; но занявъ руки носомъ, я, между тѣмъ, поставилъ беззащитныя уши въ самое страдательное положеніе: имъ пришлось внимать самымъ дикимъ звукамъ: въ комнатѣ, въ этотъ моментъ, шла горячая перебранка, сопровождавшаяся неслыханною мною до сихъ поръ руганью и проклятіями. Самъ свиткописатель, въ неразлучномъ съ нимъ *маломъ*

женою, не требуя отъ нея изъявленія согласія на это. Но въ позднѣйшее время, одинъ извѣстный *Гаонъ* (великій человѣкъ), ребъ Гершеле, подъ анаѳемою воспретилъ мужу разводиться съ женою своею безъ ея добровольнаго на то согласія. Постановленія же позднѣйшихъ ученыхъ, признанныхъ евреями великими людьми, входятъ у евреевъ въ кодексъ ихъ законодательства и исполняются буквально, наравнѣ съ библейскими законами, изданными Моисеемъ.

*) Въ большомъ ходу у евреевъ обычай имѣть написанный на пергаменѣ свитокъ всей торы библейско-еврейскими буквами и посвятить его въ какой нибудь клаузъ (молитвенный домъ). Этимъ посвящающій увѣковѣчиваетъ память о себѣ и искупляется отъ многихъ грѣховъ. Такое написаніе свитка сопряжено съ весьма большими расходами (рублей въ сто пятьдесятъ). Никто не въ состояніи писать свитокъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, которые исключительно этимъ занимаются и этимъ и живутъ. Начало писанія, конецъ и уносъ его въ предназначенный клаузъ празднуются, какъ читатель увидитъ, весьма торжественно и, такъ сказать, громогласно.

молитвенном саванѣ, *) стоялъ по срединѣ комнаты и просто на просто дрался съ какимъ—то сѣдымъ евреемъ. Жены ихъ притомъ, понятно, тоже не безмолвствовали: язвительныя и грубыя слова и проклятія, сыпавшіяся со сторонъ обѣихъ мегеръ, звонко аккомпанировали ударамъ мужей ихъ. Увидѣвъ меня, тузившіеся видимо сконфузились и прекратили брань и драку.

— Что съ вами? обратился я къ писарю: отчего вы такъ долго не приносили мнѣ написанныхъ страницъ заказаннаго свитка?

— Да не знаетъ ни какого добра мой любезный сосѣдъ! отвѣтилъ онъ мнѣ, указавъ на старика и набросивъ, между тѣмъ, на себя свой мѣшковатый капотъ и приводя въ порядокъ свои растрепанныя бороду и пейсы:—ннн!..:да будетъ жизнь его такъ же *закружена*, какъ онъ кружитъ мою голову вотъ уже двѣ недѣли своими дрязгами и спорами.

— Ангелы привели васъ сюда, отозвался сосѣдъ. Хотя я васъ первый разъ въ жизни вижу, также какъ и вы меня; не смотря на то, я смѣло полагаюсь прежде на Бога, а потомъ на вашу справедливость и готовъ повиноваться вашему рѣшенію: я уже слыхалъ, что вы честный и благородный господинъ. Вы непремѣнно должны выслушать: въ чемъ дѣло.

— Извольте, я слушаю, отозвался я, потому что я очень былъ любопытенъ знать сущность ихъ спора.

— Я сѣлъ, пріосанившись и принимая видъ настоящаго судьи.

— Живу я въ этомъ домѣ, началъ сосѣдъ моего писаря, около полугода. Первымъ моимъ условіемъ при наймѣ квартиры было, чтобы кромѣ меня, т. е. моего маленькаго и его семейства, никого не было на этой квартирѣ. Въ этомъ всегда заключалось единственное мое желаніе, чтобъ не жить самъ-десять на одной квартирѣ. Вышло-же, что живемъ мы тутъ не вдвоемъ, какъ слѣдовало, а вчетверомъ. Я, конечно, протестую противъ этого отступленія отъ уговора и сначала заговорилъ было съ нимъ по—добру, а онъ разсмѣялся и назвалъ еще меня дуракомъ. Нѣсколько разъ; я съ нимъ объ этомъ заговаривалъ, а онъ мнѣ все дуракъ

---

*) Существуютъ два рода религіознаго облаченія: большой молитвенный саванъ, въ который окутываются только во время утренней молитвы, и малый саванъ, замѣняющій собою *арбеканфесъ* (четыреугольное платье), и служащій постоянною одеждою

да дуракъ. Мы наконецъ отправились къ судьямъ нашимъ, по приговору которыхъ я долженъ былъ присягать въ дѣйствительности заключенныхъ между нами условій. Я спохватился, думаю себѣ: на что мнѣ съ нимъ въ дураки играть? и пошелъ къ самому хозяину дома, въ которомъ мы живемъ, открылъ ему, что писарь свитковъ содержитъ на своей квартирѣ четырехъ сосѣдей, что на чердакѣ онъ позволяетъ за довольно выгодныя для него условія вѣшать для просушки кожи и что онъ, такимъ образомъ, портитъ его квартиру и такъ далѣе... Хозяину дома это очень не понравилось и онъ упряталъ его въ съѣзжую, гдѣ пробылъ десять дней. Какъ только его освободили, онъ насѣлъ на меня и хочетъ проглотить какъ пилюлю. Но, ничего, пускай подождетъ немного: онъ еще и теперь не въ своемъ домѣ; я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Но я вамъ говорю: еслибы вы знали всѣ склонности, всѣ гнусныя качества этого человѣка, не будь я евреемъ, еслибъ вы поручили ему написать св. тору.

— Онъ, кажется, кончилъ, перебилъ его мой писарь, напрасно пытавшійся много разъ во время произнесеннаго сосѣдомъ монолога остановить его, — теперь позвольте выслушать и меня. Я не стану отпираться, ибо я лгать смерть не люблю, и признаюсь, что я согласился на условіе не впускать третьяго сосѣда. Но ему чуть глаза не вылѣзли отъ зависти, что у меня прогуливается по дому *бармицвенный* сынокъ *). Тутъ онъ смекнулъ, что парню моему, въ самомъ близкомъ будущемъ, придетъ пора жениться, какъ въ самомъ дѣлѣ и случилось: вскорѣ приглядѣлся мой сынъ одному выгодному для меня хозяину. Состоялась свадьба и мой сынъ поступилъ ко мнѣ на двугодичный коштъ. Сосѣдъ мой не сказалъ тогда ни слова, потому что, вѣдь, каждый знаетъ, что женившійся сынъ никакъ не можетъ назваться стороннимъ сосѣдомъ. Своя семья, значитъ. И такъ, вотъ вамъ одинъ сосѣдъ, впущеніемъ котораго на нашу общую квартиру, я нисколько не нарушилъ заключеннаго условія. Теперь скажу вамъ, откуда очутился у меня еще одинъ сосѣдъ: кажется, и тутъ никто мнѣ не откажетъ въ справедливости. Вы знаете, кажется, моего сынишку, такъ сами разсудите: въ то время когда онъ же-

---

*) Тринадцатилѣтній мальчикъ.

нился, писалъ онъ *мезузы* *). Но онъ, къ сожалѣнію, такой слабенькій, такой дряхленькій, что, кажется, будто онъ сформированъ изъ трехъ косточекъ, соединенныхъ помощью одной жилочки, словомъ—восковый человѣчекъ. При такомъ безсиліи, работа ему была не по силамъ и онъ не имѣлъ возможности прокармливать сидѣвшую дома жену, а затѣмъ и дѣтей. Какъ отецъ, я все это предвидѣлъ и потому рѣшился сыскать для него жену крѣпкую, не молоденькую, а зрѣлыхъ лѣтъ, и способную своими трудами доставить своему мужу средства къ пропитанію. Всевышній, пекущійся о нашемъ благоденствіи, исполнилъ мое желаніе: я какъ разъ попалъ на такую, которой искренно желалъ. Я нашелъ, слава Богу, для сына жену, работящую, дѣльную, честную, смирную и религіозную. Я подарилъ ей два золотыя кольца, дорогое шейное украшеніе, обязался на двухгодичный коштъ и сыгралъ свадьбу. На свадьбѣ новобрачнымъ подарено было много денегъ и другихъ вещей. При такихъ рессурсахъ, молодая чета зажила припѣваючи. Съ три недѣли они жили, словно голубь съ голубкою. Они дѣлились другъ съ другомъ послѣднимъ кусочкомъ. Но это счастіе длилось не долго. Вдругъ, не знаю съ чего, наклеветалъ-ли сосѣдъ, насплетничали-ли предъ моею невѣстою уличныя бабы или другіе злые языки, да усохнутъ они, злое-ли око посмотрѣло на нихъ съ завистію, но вдругъ невѣста моя, ни съ того ни съ сего, сдѣлалась угрюмой, потомъ сердитою, заводила за каждую мелочь раздоры и ссоры съ своимъ мужемъ и наконецъ дала тягу, утащивъ съ собою всѣ мои дорогіе подарки. Что оставалось дѣлать бѣдному отцу? Я опрометью въ судейскій домъ. Судьи наложили присяги и анаѳемы. На вопросъ: зачто она такъ безсовѣстно поступаетъ съ своимъ мужемъ? она отвѣтила, что вынуждена такъ поступать, такъ какъ мужъ ея не въ состояніи выполнить ни одной изъ трехъ обязанностей, налагаемыхъ на мужа святою Торою. Кончилось тѣмъ, что мой сынъ долженъ былъ жить съ нею врозь; невѣстка моя должна была возвратить мнѣ похищенные у меня свадебные подарки, а я от-

---

*) Пергаменныя надписи на дверяхъ, охраняющія еврейскіе дома отъ чертей и всякихъ несчастій. Пишутся онѣ еврейскими печатанными буквами. Содержаніе ихъ—извѣстная глава священнаго писанія.

далъ ей перины и подушки, собственно ей принадлежавшія. Вслѣдствіе этого осталась незанятою ея почти трехмѣстная кровать, которую и отпустилъ я за небольшую цѣну одной еврейкѣ, которой мужъ въ это время занимался въ какомъ то городишкѣ меламедствомъ. Мой сосѣдъ и тутъ долженъ былъ удержать языкъ за зубами, ибо попробуй онъ тогда мнѣ попрекословить, я бы отвѣтилъ: вамъ, вѣдь, все равно, моя-ли невѣстка спитъ въ этой кровати, другая ли какая женщина спитъ на ней. Такъ дѣло тянулось мирно до мѣсяца нисенъ *). Наступилъ радостный для всѣхъ мѣсяцъ, а въ моемъ домѣ воцарились раздоры, брани, горе и всѣ непріятности. Въ первый день этого мѣсяца пріѣзжаетъ къ своей женѣ, новой нашей сосѣдкѣ ея мужъ, меламедъ, на праздникъ. Понятное дѣло, что я не смѣлъ прогнать его отъ законной жены, и принялъ его очень вѣжливо. Мой любезный сосѣдъ и тутъ молчалъ, и меламедъ, такимъ образомъ, остался жить у насъ и послѣ праздниковъ, потому что онъ не возвратился на прежнее мѣсто, а обзавелся въ Вильнѣ порядочнымъ хедеромъ. Мой *любезный* сосѣдъ сохранилъ принужденное молчаніе до тѣхъ поръ, пока сноха моя, при Божьей помощи и при помощи знатнѣйшихъ лицъ города, каковы Эйзеръ Ципкеенъ, первый виленскій меламедъ, ребъ Іоселе Циресъ, губернскій сватъ и другія почтенныя личности, не помирилась, на многіе дни на долгія лѣта, — съ моимъ Эліокумомъ (такъ зовутъ моего сынишко). Тутъ-то сосѣдъ мой, словно сорвавшаяся съ цѣпи собака, залаялъ, напалъ на меня, завелъ раздоры, сдѣлался просто сатаною, наклеветалъ на меня, будто я четырехъ сосѣдей содержу. Смѣло побожиться могу, что къ этому побуждаетъ его одна только зависть къ водворившемуся благоденствію въ моемъ домѣ со времени примиренія моего сына съ женою. Я же думаю себѣ: мнѣ что до того? пускай ихъ лопнутъ, пускай да вылѣзутъ глаза—то у нихъ, у недоброжелателей моихъ. Ну, любезный гость, безъ пристрастія разсудите, кто изъ насъ правъ и въ глаза укажите на виноватаго. Ну, какъ вы думаете? вѣдь вы слывете умнымъ евреемъ.

— Я внимательно выслушалъ два длинные монолога и, право, чуть не лопнулъ со смѣху. Но чтобы выдержать роль судьи до конца, пріосанившись, я призналъ писаря виновнымъ, объя-

*) Около Апрѣля. 14-го сего мѣсяца начинается пасха.

снивъ ему нетолько его виновность въ прямомъ нарушеніи условій, но и вредъ здоровью, спокойствію и нравственности, который происходитъ отъ стѣсненія въ конурѣ четырехъ семействъ.

Послушный мой писарь, изъ уваженія ли ко мнѣ, или вслѣдствіе убѣжденія моими доводами, скоро отказалъ меламду съ его женою отъ квартиры, и въ домѣ возстановился миръ.

III.

Самъ ребъ-Іекеле златокователь.

Съ того времени писарь горячо принялся за заказанную ему мною работу и, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, преакуратно выполнялъ наше условіе, такъ что я весьма былъ имъ доволенъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я окончанія заказаннаго свитка. Но прошла пасха и опять остановка. Я опять сдѣлалъ писарю моему визитъ и засталъ его въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Онъ сидѣлъ на стулѣ у кравати, въ которой лежалъ больной блѣдный сынъ его. Онъ казался мнѣ въ большой опасности. Снохиной кровати я не видалъ уже. Сосѣда, столкновенія съ которымъ моего писаря я былъ когда то свидѣтелемъ, тоже здѣсь уже не было. Въ занятомъ имъ углу стояли теперь ширмы изъ желтокрашеннаго холста, на различныхъ доскахъ котораго напачканы были различныя картины: одна представляла *левіаѳана* *), захватившаго хвостъ въ свой ротъ, и образовавшаго, такимъ образомъ, кругъ, въ срединѣ котораго помѣщается *шаръ-габаръ* **), другая изображала, въ весьма неуклюжемъ видѣ извѣстную исторію о Соломонѣ и двухъ приходившихъ къ нему съ спорнымъ ребенкомъ женщинахъ, и тому подобныя античныя картины. Прочія же доски были заставлены одна другою такъ, что ничего нельзя было замѣтить. Возлѣ ширмъ помѣщался комодъ и маленькій диванчикъ, предъ которымъ стоялъ столикъ. На диванѣ расположилась молодая чета, наслаждавшаяся, какъ казалось, чернымъ ко-

---

*) Такая рыба, которою Господь будетъ подчивать добрыхъ евреевъ во время пришествія Мессіи.

**) Буквальный переводъ: дикій быкъ. Онъ хранится Господомъ съ тою же цѣлью, для которой предназначенъ левіаѳанъ. Какъ левіаѳанъ такъ и шеиръ-габоръ хранятся по повѣрью съ шести первыхъ дней творенія.

ресенъ изъ черныхъ чашекъ, окутанныхъ синими, носовыми платками, какъ видно, для предохраненія отъ обжоги. Супругу было на видъ лѣтъ пятьдесятъ. сѣдина пестрила уже во многихъ мѣстахъ его коротенькой бородки; разпущенные пейсы были рыжеватаго цвѣта. Лице у него было шарообразное, испещрено рытвинами отъ чертовой на немъ молотьбы гороху, какъ выражается народная пословица. Это была фигура короткая, овальная, съ выдавшимся впередъ брюхомъ. Вообще онъ былъ дикъ невзраченъ. Точно такъ выглядывала и его половина. Отличалась она отъ него только отсутствіемъ пейсовъ и бороды. Кромѣ того, вмѣсто ермолки мужа красовался на головѣ ея бѣлый чепецъ съ красными бантами. Я немогъ довольно насмотрѣться, какъ они были заняты другъ другомъ и нѣмецкимъ ихъ напиткомъ: дунетъ онъ въ кубокъ и поглядитъ ласкательно въ глаза своей женѣ, и она тоже дунетъ и повернетъ къ нему свой остроконечный носъ. То она поправитъ ему пейсы, то чиститъ ему бороду, усы, вытаскивая изъ нихъ то косточки отъ сельдей, то крошки сыру, тѣста, мацы, то отретъ повисшія съ его носа капельки кофе. За то онъ тоже платилъ ей взаимнымъ вниманіемъ: поправлялъ ей на головѣ чепецъ, то надѣвалъ ей бисеръ на шею и т. п. любезности. напившись кофе, они начали шептаться о чемъ то между собою. Сколько ни старался я уловить разговоръ ихъ, все было тщетно. Только изъ десятыхъ словъ, дошедшихъ неопредѣленно до ушей моихъ, я могъ заключить, что ихъ шептаніе не касалось ни области логики, ни астрономіи. Они говорили о грядущемъ ужинѣ: изъ какихъ блюдъ долженъ онъ состоять, и рѣшились, кажется, удовлетвориться мяснымъ супомъ съ мучными катушками. Порѣшивъ это, они одѣлись и ушли.

Воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, я спросилъ моего писаря объ этой четѣ и получилъ самыя удовлетворительныя для моего любопытства свѣдѣнія. „это мои новые сосѣди, началъ съ нѣкоторою гордостью писарь мой. Благодареніе тебѣ Господи! Ты удовлетворилъ наконецъ мое желаніе. Мужа этой четы зовутъ ребъ Іекеле, которой также извѣстенъ подъ именемъ *златокователь*, потому что его заработкамъ, его богатству, его всѣмъ предпріятіямъ, просто счету нѣтъ, ну, словомъ — златокователь, живетъ лучше всѣхъ тузовъ виленскихъ. Его праздники и субботы пользуются въ городѣ громадною извѣстностію. Жена его живетъ какъ коро-

лева. Какъ вы теперь замѣтили, такъ они проводятъ всѣ дни въ недѣлю, глядятъ другъ другу въ глаза, наслаждаются собою и жизнью, живутъ мирно, однимъ словомъ—ведутъ завидную жизнь.

— А сколько, примѣрно, заработываетъ онъ въ недѣлю? спросилъ я его.

— Недѣля недѣлѣ рознь, отвѣтилъ онъ мнѣ. Случается, что и шесть рублевиковъ въ недѣлю въ карманъ спускаетъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Вотъ вопросъ! развѣ ребъ Іекеле имѣетъ исключительное занятіе? ему все по плечу. Во первыхъ, покупаетъ онъ у разныхъ господъ испитый чай, смѣшиваетъ его съ хорошимъ чаемъ и продаетъ его разнымъ господамъ въ кредитъ, въ качествѣ рѣдкаго. Въ тѣхъ же домахъ, въ которыхъ онъ распродаетъ этотъ чай, для него оставляютъ кости, какъ суботняго такъ и ежедневнаго обѣда, изъ которыхъ онъ тоже выручаетъ порядочный купшъ. Далѣе, онъ занимается сватовствомъ. При его и Божьей помощи я нашелъ и для моего сынка золото, не жену. Посмотрѣли бы вы что за жена? корабль, машина. Но, видно, такъ ужъ Богу угодно, не уживутся они, сердечные, что то между собою: мой сынъ уже далъ ей условный разводъ. Кромѣ всего этого, ребъ Іекеле отличнѣйшій маклеръ. Понадобится кому служанка, меламедъ глядь, и ребъ Іекеле уже таскаетъ дюжинами служанокъ, меламдовъ. Въ *страшные дни* *), онъ рекомендуетъ въ клаузахъ канторовъ. Словомъ, онъ душа города, онъ необходимъ для всѣхъ и каждаго. Домъ мой, я вамъ говорю, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ немъ, сталъ, что называется, полною чашею: двери никогда не находятъ себѣ покою: то приходитъ служанка, то книгопродавецъ, то меламедъ, то тотъ, то другой, ну, просто, весь городъ обращается къ нему. А заглянули бы въ свадебные дома, богатыхъ ли, бѣдныхъ, и увидѣли бы, что онъ тутъ какъ тутъ. Онъ, такъ сказать, вѣнецъ всѣхъ пиршествъ, онъ гуляка первой руки. Къ тому же онъ непростолюдинъ: въ свободные часы занимается мишною, *эйнъ-Іакковомъ* **) и т. д. На вѣку своемъ онъ ужъ много испытывалъ: онъ уже былъ меламдомъ, пу-

---

*) Десять дней, считая отъ еврейскаго новаго года (около сентября) до дня отпущенія грѣховъ.

*) Собраніе разныхъ талмудическихъ отрывковъ.

скался уже по Божьему свѣту въ самыя далекія стороны, знаетъ молдаванскій и цыганскій языки, словомъ онъ всѣхъ знаетъ и всѣ его знаютъ.

— Дѣти у него есть? любопытствовался.

— Какъ не быть! отвѣтилъ мой словоохотный писарь, понюхавъ табаку. Есть ихъ у него, слава Богу, пять или шесть штукъ, которыхъ я знаю, отъ второй и четвертой женъ. А что будетъ съ этою женою? нельзя еще знать, потому что еще всего только четыре недѣли какъ онъ на ней женился у меня же вотъ въ этомъ домѣ.

— А чѣмъ занимаются дѣти его и гдѣ онѣ? продолжалъ я любопытствовать.

— Атъ!... Ребь Іекеле не въ накладѣ отъ своихъ дѣтей: старшій сынъ пошелъ въ солдаты за порядочный купъ и ребъ Іекеле за свое согласіе получилъ больше, чѣмъ иной мужъ отъ жены,—кормилицы чужихъ дѣтей. Носится даже слухъ, что онъ выманилъ у сына всѣ деньги. Другой его сынъ служитъ помощникомъ у банщика въ еврейской банѣ. Третій, младшій заработываетъ свой хлѣбъ въ мясныхъ рядахъ, гдѣ его профессія состоитъ въ томъ, чтобы стоять цѣлый день и кричать: сюда, сюда, евреечки, покупайте кошерное, безъизъянное мясо! Вотъ вамъ перечень занятій его сыновей. Что касается его дочери, то и она безбѣдно и безъ помощи отца проживаетъ свой вѣкъ: зимою она служитъ провожатой одной слѣпой нищей; а лѣтомъ живетъ у извѣстной Іенты блинопекарки, гдѣ набьетъ грошами карманъ свой. Остальныя изъ его дѣтей—еще малютки, однако и онѣ не умираютъ съ голоду благодаря нашимъ еврейчикамъ, извѣстнымъ подъ именемъ „благотворителей сынов благотворителей". Двое изъ нихъ содержатся въ клаузѣ. Къ несчастію, эти дѣти пустились уже въ самую безпорядочную жизнь: цѣлое лѣто вы встрѣтите ихъ у плотинъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ купаются и пробуютъ, между тѣмъ, свои голоса,—будутъ ли они годны въ пѣвчіе при канторахъ въ страстные дни! Цѣлую—же зиму они проводятъ въ приготовленіяхъ къ пуримскимъ представленіямъ *). За то, правда, они не смѣютъ показаться на глаза ребъ Іекеле.

---

*) Въ праздникъ Эсѳира, празднуемый въ мѣсяцѣ адорѣ (около Марта), многіе нищіе и праздношатающіеся ходятъ по домамъ

— Находятъ ли, однакожъ, эти бѣдныя и невинныя дѣти пріютъ и опору въ своемъ отцѣ?

— Нельзя этого отъ него требовать, отвѣтилъ мнѣ писарь,— во первыхъ потому, что жена Іекеля дѣтямъ его только мачиха. Во вторыхъ я хорошо знаю, что расходы его далеко превосходятъ приходы; въ третьихъ, благодаря его женамъ, у него не осталось ни копейки наличныхъ: одна изъ нихъ обобрала его до ниточки, другая, не успѣлъ онъ оглянуться и придти въ себя отъ перваго погрома, стащила все, что успѣлъ онъ пріобрѣсти послѣ первой жены; съ первою своею женою онъ тягался—тягался, возился—возился и по сю еще пору онъ не имѣетъ покою отъ этихъ хлопотъ. Но, слава Богу, слава Богу! наконецъ—то онъ попалъ на свою суженую; Богъ наконецъ вознаградилъ его за свѣ страданія: ребъ Іекеле нашелъ уже теперь жену, какую давно долженъ былъ имѣть, съ которой онъ живетъ, припѣваючи. Подобно тому, какъ благочестивый еврей никогда не позволитъ себѣ пропустить утренней или послѣобѣденной молитвы, такъ и ребъ Іекеле не позволитъ себѣ пропустить вечера, чтобъ не выпить большой куфель пива съ сытною *закуской*. И приходитъ онъ, любезненькій сосѣдъ мой, еженочно красненькій, какъ буракъ и въ усъ себѣ не дуетъ. Словомъ, теперь онъ блаженствуетъ.

Все это передалъ мнѣ писарь съ серьозною миною, словно онъ повѣствовалъ о великихъ подвигахъ и предпріятіяхъ какой нибудь исторической личности, Какъ видно, ораторъ мой не принадлежалъ къ числу изобрѣтателей пороху, паровой машины и другихъ подобныхъ остроумныхъ изобрѣтеній или, яснѣе говоря, ораторъ мой былъ, а если онъ живетъ, то онъ еще и теперь— полный невѣжда, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Онъ проболталъ сомною битыхъ два часа у постели своего сына, который уже видимо боролся со смертью. Къ несчастью сына, отецъ не понималъ въ какомъ положеніи находится сынъ, это было замѣтно изъ того, что писарь еще строилъ планъ, какъ обстроится, когда невѣстка его по выздоровленіи сына, опять съ нимъ сойдется.

„Увы! увы!“ думалъ я: до коихъ поръ глупые родители, вы будете губить своихъ дѣтей преждевременными браками! Въ эту

разыгривать артистически роли Эсѳири, Артаксерска Гамана, Мардухея и другихъ дѣйствующихъ въ этомъ событіи лицъ.

минуту во мнѣ родилась такая ненависть къ моему собесѣднику, что я не въ состояніи былъ глядѣть ему въ глаза и ушелъ.

IV.

Пріятное знакомство.

Прошло немного времени, и сынъ писаря приказалъ долго жить. Я пошелъ, изъ состраданія, утѣшать моего каллиграфа. Тамъ я засталъ множество мужчинъ и женщинъ, пришедшихъ туда съ тою же цѣлью. Писарь бился, рыдалъ и горько оплакивалъ своего Эліокума

— Вы не должны слишкомъ роптать на Бога за эту потерю, обратилась къ писарю одна изъ пришедшихъ женщинъ, богато и со вкусомъ одѣтая, умѣреннаго роста, величественной осанки, выглядывавшая женщиною высшаго еврейскаго полета: нѣтъ. повторила она,—не на Бога ропщите! Вы должны, ребъ Даніэль, знать, что кровь вашего сына съ васъ же взыщется т. е. я думаю, что вы, а некто другой, виною смерти сына вашего. Вы его погубили тѣмъ во первыхъ, что такому молоденькому, слабенькому и почти что безкровному дитяти, какой былъ сынъ вашъ, въ жены женщину вдвое старше его лѣтами и вчетверо большую его ростомъ и силой и т. д. Развѣ могутъ такіе два контраста соединиться въ природѣ? О! какъ горьки и погубны ваши старыя, отъ предковъ наслѣдованныя, глупости! не стыдно ли вамъ и не больно ли намъ смотрѣть какъ такіе можно сказать дѣтоубійцы женятъ дѣтей, не соображаясь ни съ ихъ лѣтами, ни съ здоровьемъ, ни возможностью ихъ, наконецъ, къ вступленію въ самостоятельную жизнь! дѣтоубійцы!! Справедливо замѣчалъ мой отецъ, блаженной памяти: виленскіе евреи родятся прежде времени, начинаютъ умничать преждевременно, женятся преждевременно, рождаютъ дѣтей прежде? временно, старѣютъ преждевременно и затѣмъ умираютъ въ нищетѣ, бѣдности. тоже не своевременно. Развѣ это не справедливо? Это одна причина вашей виновности въ смерти сына вашего. Другая та, что вы наказаны Богомъ за частыя обиды, наносимыя вами святой Торѣ. Слыхана ли гдѣ такая дерзость и такое безбожіе?! берутъ святой свитокъ, относятъ его въ какой нибудь кабакъ, сборище всѣхъ пьяницъ и разной сволочи, кладутъ его на столъ, испачканный затри минуты предъ тѣмъ блинами, селедками, бул-

ками, пролитою водкой, пивомъ, нанимаютъ музыкантовъ на цѣлую ночь, собирается всякій сбродъ: уличные бродяги, подозрительныя женщины, шумятъ, кричатъ, собираютъ съ каждой личности гроши и копейки, а слухъ, между тѣмъ, идетъ, по всему городу что это, тотъ ребъ Шлеймеле,—или ребъ Хаимунъ посвящаетъ святую Тору въ такой—то клаузъ съ такимъ торжествомъ и пирушкой. Безбожники вы! За то и страдаютъ невинныя дѣти ваши?

Не успѣла ораторша кончить своего, полнаго мудрости и горькой истины, монолога, какъ прибѣжала какая-то дѣвушка, и, къ крайней моей досадѣ, позвала ее домой.

— Кто она? спросилъ я у какого-то незнакомца, стоявшаго возлѣ меня.

— Она одна изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ женщинъ нашего города и приходится ребъ Даніэлю сродни. Имя ей Хане, она жена извѣстнаго ребъ Осера Карина. Она пользуется во всемъ городѣ отличною репутаціею и слыветъ женщиною умною, набожною и достойною.

Имя ребъ Осера Карина мнѣ было что-то знакомо: я началъ припоминать мѣста, по которымъ я проѣхалъ и наконецъ вспомнилъ, что я съ съ нимъ познакомился въ Вѣнѣ, у одного канториста. Я очень обрадовался, когда вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ, что я тогда Карину обѣщался побывать у него, когда буду въ Вильнѣ. Я уже забылъ—было объ этомъ обѣщаніи; но услужливый случай напомнилъ мнѣ о данномъ словѣ. Минуты не тратя, я отправился къ господину Кариау, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, дослушать конецъ прерваннаго монолога.

V.

Жаль мнѣ тебя, народъ мой!

Пришелъ я въ домъ Карина на сумеркахъ и засталъ всѣхъ за чайнымъ столомъ. Меня приняли весьма радушно и, видимо, рады были моему визиту. Кромѣ семейства Карина, было тутъ немало достойныхъ гостей: были и богачи, и ученые, и виртуозы. Я отлично провелъ тамъ время въ пріятныхъ бесѣдахъ съ разными, достойными уваженія лицами. Я остался очень доволенъ этимъ вечеромъ, ибо первый разъ я встрѣтилъ ученость, мудростъ и роскошь, соединенныя такъ дружно въ одномъ домѣ. Самъ хозяинъ—

человѣкъ достойный. Дѣти его отлично воспитаны. У стѣны красовался шкапъ огромный, съ стеклянными дверцами, вмѣщавшій въ себѣ отличнѣйшую библіотеку всевозможныхъ книгъ на разныхъ языкахъ. Двѣ дочери его артистически играли на фортепьяно. Мотивъ большей части сыгранныхъ ими пьесъ былъ чисто—еврейскаго характера и композиціи. Между прочимъ, онѣ играли извѣстную элегію: „на рѣкахъ Вавилонскихъ". Я былъ глубоко тронутъ этою пѣснію, такъ что уронилъ втихомолку нѣсколько крупныхъ слезъ. Мадамъ Каринъ, замѣтивъ меня плачущимъ, дала знакъ дочерямъ прекратить игру. Затѣмъ завязался живой и веселый разговоръ. Заговорили объ общечеловѣческихъ интересахъ, нѣкоторые любопытствовали о новостяхъ дня: осмѣяли довольно метко и саркастически Виленскихъ пройдохъ и обманщиковъ, причемъ разговоръ коснулся и общаго нашего знакомаго, ребъ Іекеле златокователя, какъ представителя этого класса людей. Многое говорено было о немъ. Иные анекдоты вызывали на дружный хохотъ. Одинъ изъ такихъ анекдотовъ, для образца, я передамъ читателямъ.

Тяжко заболѣлъ однажды у ребъ Іекеле зубъ, такъ, что пришлось исключить его изъ группы прочихъ его сосѣдей. Отправляется онъ къ фельдшеру христіанину—совершить эту операцію. А какъ онъ не въ состояніи былъ объясняться по русски, то взялъ съ собою и жену; къ несчастью, цирюльникъ былъ пьянъ, какъ стелька и выдеръ два зуба. „Ой, вей! я не перенесу этого, завопила жена,—вѣдь, онъ вытащилъ изо рта твоего *два* зуба"!

— Молчи, болтушка, закричалъ на нее ребъ Іекеле,—вѣдь, я ему за два зуба не заплачу, а за одинъ только, и то не за здоровый, а за больной!

Такъ какъ разсказы эти напомнили мнѣ о ребъ Даніэлѣ моемъ, писарѣ, то я неотступно сталъ просить М-me Каринъ, чтобъ она кончила прерванную проповѣдь своему родственнику объ обидахъ, наносимыхъ святой Торѣ. Я не понялъ тогда зачѣмъ кладутъ свитокъ на кабацкій буфетъ, барабанятъ и т. д.

— Да, отозвалась она,—вы правы: вы не можете понять, что тутъ происходитъ, такъ какъ въ вашихъ странахъ навѣрно такъ неглумятся надъ св. свитками. Дѣло вотъ въ чемъ. Вашъ писарь, ребъ Даніэль, выдумалъ такую аферу: расположится въ какомъ нибудь кабакѣ, беретъ пергаменъ и начинаетъ, будто бы, писать свитокъ Торы, заказанный, будто бы, какимъ-то несостоятельнымъ братствомъ, братствомъ водоносовъ, положимъ,

нуждающимися въ денежныхъ средствахъ для совершенія такого благороднаго дѣла. Музыка гремитъ. Сбѣгаются со всѣхъ сторонъ такъ называемые улице—топтатели, ротозеи, праздношающіеся, водколюбители, инвалидные скоморохи, отставные солдаты и тому подобный людъ. Ребъ Даніэль разстилаетъ первый пергаменный листъ на кабацкомъ столѣ, зажигаютъ свѣчи, играютъ, барабанятъ на весь городъ и старый—свадебный скоморохъ становится у двери и, съ разными каламбурами и прибаутками, созываетъ народъ, провозглашая: сюда, хозяюшки, евреечки, дѣвушки евреи благочестивые, аренбахеры, давайте гроши, полушки на починъ святой Торы! Такъ дѣло идетъ за полночь. На завтра повторяютъ тоже самое съ большею энергіею, въ другомъ кабакѣ, на другой улицѣ. Такъ празднуется начало писанія свитка нѣсколько недѣль сряду: одна улица не знаетъ, что тоже самое производилось вчера въ другой отдаленной. Отбарабанивъ во всѣхъ безъ исключенія улицахъ начало писанія свитка, приступаютъ къ барабанному празднованію окончанія писанія его опять тѣмъ-же порядкомъ: начинаютъ первымъ шинкомъ и кончаютъ послѣднимъ; во всѣхъ шинкахъ наполняются тарелки деньгами *). Въ концѣ концовъ задаютъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ: написанный свитокъ носятъ по всѣмъ улицамъ, при звукѣ арфъ и барабановъ, при яркомъ освѣщеніи безчисленнаго множества свѣчей. Процессія, сопровождающая свитокъ, состоитъ, въ большинствѣ, изъ служанокъ, старыхъ бабъ, мальчишекъ, дѣвушекъ и т. п. Тутъ, какъ при всѣхъ подобныхъ сборищахъ, не обходится безъ шуму, гама, уличныхъ скандаловъ. Христіане, при этомъ зрѣлищѣ, открываютъ свои окна, выставляютъ изъ нихъ свои головы и со смѣхомъ глядятъ на эту безалаберную процессію состоящую изъ оборванныхъ женщинъ, которыя бѣгутъ подпрыгивая, скачутъ, кривляются. Наконецъ вступаютъ въ клаузъ, въ которомъ посвящается свитокъ. Тамъ держитъ рѣчь какой нибудь заштатный проповѣдникъ, вслѣдъ за тѣмъ приступаетъ къ горькому напитку, что продолжается до позднихъ пѣтуховъ. Вы думаете—свитокъ такъ и остался въ клаузѣ? Ничуть не бывало! Въ концѣ концовъ уносятъ свитокъ тайнымъ образомъ обратно къ писарю, гдѣ онъ остается до тѣхъ поръ, пока отыщется выгодный по-

---

*) На столѣ, на которомъ лежитъ свитокъ, стоятъ тарелки, куда кладутся денежныя пожертвованія.

купатель. Теперь, я думаю, вы вполнѣ поняли, на что я намекнула въ домѣ ребъ Деніэля?

— Но вѣдь это ужасно! ну, какже ваши раввины допускають такія кощунства? спросилъ я.

— Раввины наши? Да они совсѣмъ не пекутся о такихъ важныхъ вещахъ. Ихнее дѣло только истреблять муравьевъ и тому подобныя мелочи. Они, пожалуй, о томъ, чтобы писались и посвящались свитки, оттого что это есть исполненіе заповѣди, а то, что это исполненіе сопряжено съ тягчайшими преступленіями,—того они не прилагаютъ къ сердцу.

— Почему-же необратитъ на это вниманія образованный классъ вашего общества? У него состоятъ ваши *тузы?*

— Извините... Впрочемъ вамъ простительно предлагать такіе вопросы, какъ не здѣшнему. Вы еще очень мало знакомы съ нашею чернью. Никакой образованный, никакой свѣтскій человѣкъ не можетъ на нее дѣйствовать, въ особенности въ дѣлахъ, касающихся общественнаго порядка, а между тѣмъ, ничто такъ не страдаетъ у нашего народа, какъ порядокъ и чистоплотность. Вотъ мой мужъ недавно принялся было водворить нѣкоторый порядокъ въ талмудъ торѣ *), велѣлъ почистить комнаты, сталъ порядочно одѣвать и обувать дѣтей; онъ хотѣлъ чтобъ ихъ обучали русскому языку, ассигновалъ даже на этотъ предметъ значительную сумму изъ своего же кармана, хотѣлъ даже завести при талмудъ торѣ ремесленное училище, но весь почти городъ завопилъ противъ этого преобразованія въ талмудъ торѣ. Возникли даже при этомъ серьозныя нареканія. Мой мужъ благодаритъ Бога, что отдѣлался отъ того казуса по добру по здорову. Бѣлагонамѣренные планы его, такимъ образомъ, разрушились. И вотъ потрудились бы теперь сходитъ въ талмудъ тору, такъ увидѣли бы въ какой мѣрѣ тамъ царитъ безотрадность и осиротливость дѣтей. Число ихъ достигаетъ до ста пятидесяти. Всѣ эти безпріютныя дѣти оборваны, блѣдны, тощи и невѣжественны въ высшей степени, не смотря на то что нельзя упрекать Виленскихъ евреевъ въ скупости. Напротивъ, въ этомъ отношеніи они болѣе чѣмъ сострадательны: всякаго, бѣдняка даже, еврея прибибито нѣсколько кружекъ, въ которыя опускается довольно мѣдныхъ, а иногда и серебрянныхъ монетъ. А куда идутъ эти деньги? Бобыли

*) Еврейскій дѣтскій пріютъ.

роднаго города умираютъ какъ мужи отъ разныхъ лишеній, а бѣдныя дѣти ихъ остаются безъ всякаго призрѣнія. На собранныя же деньги откармливаются иногородцы, которыхъ, къ несчастью въ Вильнѣ несравнено больше чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ. Въ какой нибудь глуши, обѣднѣетъ кто, обанкрутится, напроказничаетъ въ какомъ нибудь закоулкѣ до неизбѣжности наказанія и весь этотъ людъ находитъ себѣ убѣжище и помощь въ нашемъ городѣ, тогда какъ тысячи родныхъ Виленскихъ нищихъ, напрасно вопіютъ о помощи и милостинѣ. Я знаю многихъ бѣдныхъ сиротъ, родители которыхъ были довольно состоятельные люди и порядочные граждане своего города, не имѣющихъ постояннаго пріюта шатающихся по улицамъ и ни отъ кого не встрѣчающихъ ни привѣта, ни сострадания. Тѣ-жъ дѣти, которыя послѣ долгихъ усилій, попадаютъ въ *безпріютный пріютъ* (талмудъ тору), худѣютъ отъ недостатка пищи и блѣднѣютъ отъ горя, долбленія талмуда, грязи и вони, въ которыя они повершены неутомимою судьбою *). Для повѣрки моихъ словъ, возьмите общаго нашего знакомца, ребъ Іекеле, прозваннаго златокователемъ. Онъ тоже не здѣшній, а пріѣхавшій въ Вильну подъ спасительнымъ и привиллегированнымъ титуломъ *бѣднаго ламдена* **). Этотъ человѣкъ перебывалъ уже на всевозможныхъ столахъ, и переиспыталъ всѣ роды и виды преступленій, и сталъ, наконецъ, не смотря на всѣ этажи, необходимостью для каждаго почти еврея. А вѣдь онъ обманщикъ, и воръ, и мошенникъ, и все, что хотите. И этотъ реноменъ надѣлилъ нашъ городъ нѣсколькими дѣтушками, больше его испорченными: попрошайками, оборвышами, ворами, уличными бродягами. Каковъ нашъ городъ Вильна.... Я, какъ другъ моей націи, горько соболѣзновалъ о жалкомъ состояніи Вильны. Но довольно о ней,—возвратимся къ нашему златокователю ребъ Іекеле.

---

*) Въ послѣднее время талмудъ-торскій бытъ значительно улучшился, благодаря попеченію правительства, ввѣрившаго надзоръ за этимъ заведеніемъ кончившему курсъ въ Виленскомъ училищѣ, человѣку честному и образованному, г. Герштейну, держащему крѣпко въ рукахъ бразды правленія ввѣреннымъ ему заведеніемъ, пекущемуся отечески о благосостояніи его и улучшающему его съ каждымъ днемъ.

**) Бѣдный ученый. Бѣдный женатый талмудомъ.

VI.

Опять ребъ Іекеле.

Нѣсколько времени спустя, идя по улицѣ и почувствовавъ сильную жажду, завернулъ я въ первый попавшійся мнѣ кабакъ, чтобъ напиться холоднаго квасу. Осматривая кабакъ, я наткнулся глазами на знакомыя мнѣ ширмы. Тѣ-же ширмы я видѣлъ когда-то въ комнатѣ писаря: въ оно время онѣ принадлежали ребъ Іекеле златокователю. Выпивъ стаканъ квасу, я услыхалъ изъ за ширмъ глухой шопотъ ребъ Іекеле. Шопотъ этотъ сначала былъ едва слышимъ, но чѣмъ дальше, становился громче и наконецъ перешелъ въ громкій крикъ. Я догадался, что тамъ что-то происходитъ между ребъ Іекеле и какою-то женщиною. Наконецъ первый разразился громкимъ крикомъ, видно было, что это не обыкновенный разговоръ, а нѣчто въ родѣ ссоры. Мнѣ было слышно каждое слово; я услыхалъ слѣдующее: „нѣтъ ты должна меня безусловно слушаться: къ обѣду должно быть то и то. Третью трапезу (субботнюю) должны составлять то и то. Ты, вѣдь, у меня не первая; такъ велось у меня при третьей и четвертой женѣ, такъ думаю о и при послѣдней.“ Такъ горланилъ герой нашъ къ своей, какъ видно, женѣ. Чтобъ мужчина мѣшался въ стряпню? Это дѣло бабье.

— Вотъ еще, возразилъ ребъ Іекеле, — и наши *танаиты* сами усердно занимались приготовленіемъ субботнихъ трапезъ: одинъ разрѣзывалъ рыбу, другой обжигалъ овечью голову въ честь субботы и т. д. Я-же считаюсь евреемъ *ученымъ*, отчего-же не подражать мнѣ этимъ *танаитамъ?* Я очень хорошо понимаю, что тебѣ мое вмѣшательство въ это дѣло противно, что ты къ этому не привыкла, потому что первый мужъ твой былъ простолюдинъ, столяръ, что ли, или сапожникъ какой.

— Положимъ, что ты отчасти правъ, т. е., что въ честь субботы можно и мужчинѣ принимать участіе въ горшечныхъ дѣлахъ; но отчего-же ты мѣшаешься въ нихъ цѣлую недѣлю?

— Чтобъ сгнили твои свиныя кости, Хіесенько?

Слышишь ты! Тебѣ не передѣлать меня, — понимаешь ли?! Я такой еврей, который заботится о двухъ жизняхъ о здѣшней и о тамошней. Еще разъ повторяю: холера да поразитъ тебя! Кромѣ того, я болѣе всѣхъ нуждаюсь въ физическихъ силахъ:

я учусь, я встаю каждую полночь *), я своимъ потомъ деньги заработываю, я тружусь, и поэтому я ежедневно долженъ имѣть *вкусный кусочекъ*. И такъ, повѣсь замокъ на уста, слышишь ли! Въ третій разъ говорю тебѣ: ты меня не передѣлаешь. Были у меня жены—фѣси, жены—молодцы и имъ не удалось, что-нибудь подѣлать со мной, а тебѣ и подавно не удастся!

Долго они трактовали на счетъ блюдъ, изъ которыхъ должны состоять обѣдъ и третье блюдо. Громогласный крикъ его прерывался тогда только, когда красная рожа его показалась изъ-за ширмъ, а затѣмъ и весь Іекеле златокователь съ руками, выпачканными мукою и жиромъ. За нимъ слѣдовала его жена, съ растрепаннымъ лицомъ, въ бѣломъ чепцѣ съ красными бантами и нѣсколькими нитками бисеру нашеѣ. Наконецъ оба ушли,—куда? право, не знаю, развестись ли или покупать припасы къ субботѣ. Я сталъ разспрашивать шинкаря: кто у него за ширмами занимаетъ квартиру, дѣлая видъ, будто не знаю его сосѣда.

— Развѣ вы не замѣтили того, кто вышелъ изъ-за нихъ? спросилъ изумленный моимъ вопросомъ шинкарь.

— Замѣтить то замѣтилъ, да не знаю кто онъ, отвѣтилъ я.

— Какъ?! Неужели есть въ городѣ человѣкъ, который не знаетъ ребъ Іекеле Златокователя?

— Та-а-а-къ! Збкрычалъ N. Такъ это извѣстный ребъ Іекеле, имя котораго и маленькому дитяти извѣстно?

— Развѣ вы до сихъ поръ не знали его лично. Удивительно, ей Богу, удивительно!

— Нечему тутъ удивляться, потому что я не здѣшній. Слыхать-то я наслыхался о немъ вдоволь, но видѣть его удостоиваюсь первый разъ. Скажите же, пожалуста, онъ уже давно у васъ на квартирѣ?

— Нѣтъ, вторая только недѣля идетъ, съ гордостью отвѣтилъ шинкарь. У меня-то и состоялась свадьба съ теперешнею его женою, моею старою знакомкою. Слава Богу! она нашла себѣ счастливую половину, потому, понимаете ли, что онъ довольно че-

---

*) Древній еврейскій обрядъ: вставать со сна въ полночь, сѣсть на землю и читать извѣстные элегіи, оплакивающія разрушеніе Іерусалима. Обрядъ этотъ исполняютъ одни только самые благочестивые евреи.

ловѣкъ ученый и заработывающій деньги безъ счету: въ немъ, значитъ, соединены ученость и достатокъ.

— Какъ! съ изумленіемъ закричалъ я, забывъ о своей роли, притворяться будто до сихъ поръ не зналъ ребъ Іекеле,—какъ! такъ онъ уже съ этою женою развелся?!

— Понимаете ли? отвѣтилъ онъ. На теперешней женѣ онъ намѣревался было жениться и прежде; но, да не знаютъ блага наши сваты! они скорѣе способны оклеветать, насплетничать на кого, чѣмъ говорить о комъ съ хорошей стороны. Наклеветали, сваты, предъ ребъ Іекеле, и на настоящую жену его, ну, и отвернулся было ребъ Іекеле отъ нея и женился на негодной женщинѣ. Но время показало свое: прожилъ ребъ Іекеле съ своею расхваленною женою нѣсколько времени, увидѣлъ, что это за птица и, разумѣется развелся съ нею. Тогда онъ, неотвязчиво и съ повинною головою, сталъ просить руки моей знакомой и, какъ видно, судьбѣ такъ угодно было, сыгралась свадьба. Счастливы, я вамъ говорю, оба счастливы. Справедливо говорится: суженаго и конемъ не объѣдешь.

— Да, счастливы, подумалъ я, глубоко смѣявшись въ душѣ.

VII.

Четырнадцатилѣтній женишенка.

Городъ Вильна славится своими живописными окрестностями. Городъ этотъ окруженъ прекрасными лѣсами и рощами, горами и холмами. Всѣ эти прелести природы приманиваютъ къ себѣ лѣтомъ безчисленную толпу для прогулки. Я весьма часто гулялъ по этимъ горамъ съ своими друзьями. Разъ, во время одной изъ подобныхъ прогулокъ, часовъ въ пять пополудни, я былъ встрѣченъ, подъ открытымъ небомъ, проливнымъ дождемъ, который заставилъ меня наскоро вернуться въ городъ и завернуть въ первую попавшуюся мнѣ хижинку. Дверь этой хижинки была настежъ открыта, такъ что, казалось, сама предлагала захваченнымъ непривѣтливымъ дождемъ пріютъ и кровъ. Мнѣ въ то время сопутствовалъ сынъ извѣстнаго читателямъ Карина, прекрасный и образованный молодой человѣкъ. Комната, въ которую мы случайно попали, была довольно обширна, но также и довольно грязна. Она вмѣщала въ себѣ шесть жильцовъ, съ немалыми семействами,

не включая въ это число меламда, который тоже содержалъ здѣсь свой хедеръ, состоявшій изъ 8-и дѣтей. Каждый изъ жильцовъ этой квартиры имѣлъ при себѣ свою партію сыновей, дочерей, куръ, утокъ и гусей. Одинъ откармливалъ послѣднихъ на ожидаемыя родины, другой - на приближающійся праздникъ. Въ красномъ углу помѣщались ширмы, которыя я сей часъ-же узналъ: онѣ составляли когда-то собственность ребъ Іекѣле златокователя; настоящаго-же хозяина ихъ я не зналъ.

Въ домѣ этомъ былъ обычный въ подобныхъ помѣщеніяхъ шумъ, грязь, вонь, плачъ дѣтей и т. п. Меламедъ пригласилъ насъ сѣсть и подалъ мнѣ свою неуклюжую руку. По лицу его, можно было дать ему лѣтъ сорокъ. Лице казалось умнымъ и привѣтливымъ; но оно, въ то же время, выражало горечь и страданіе. Онъ былъ до того сухъ, что казалось, на немъ нѣтъ и фунта мяса. Одежда его была грязная, заплатанная. Въ честь намъ онъ прервалъ крикливое ученіе съ дѣтьми.

— Сколько, примѣрно, вы получаете со всѣхъ вашихъ учениковъ за труды ваши? полюбопытствовалъ я.

— Еслибъ всѣ они платили мнѣ аккуратно по условію, я бы имѣлъ рубля три въ недѣлю, отвѣтилъ меламедъ, уставивъ глаза въ землю. Я, господинъ мой, несчастенъ, кругомъ несчастенъ своею профессіею. Я почти напрасно, истощаю все свое здоровье, всѣ свои силы. Вотъ, какъ видите, я тружусь ежедневно отъ восьми часовъ утра до девяти часовъ ночи. Обучаю я ихъ такимъ головоломностямъ, какія не подъ силу ихъ мужичьимъ мозгамъ. Еслибъ даже они и понимали то, чему учатся, и тогда не пошло бы это въ прокъ, потому что ни одинъ, вѣдь, изъ нихъ не предназначаетъ себя для ученаго поприща. Учиться они учатся гемаррѣ, этому далеко недоступному для ихъ скуднаго ума предмету, кончатъ свой хедерный курсъ тѣмъ, что ни единаго еврейскаго, т. е. библейскаго слова не поймутъ, даже что произносимаго въ молитвѣ. Кончится учебное полугодіе и четверо изъ нихъ навѣрно пойдутъ въ лавочники мелкихъ торгашей и громадныхъ неучей. Скажите же, каково мнѣ, трудящемуся понапрасну влачить такъ бѣдно свой короткій вѣкъ?

— А писать они учатся, спросилъ сынъ Карина.

— Сохрани Богъ! отвѣтилъ меламедъ. Неужели позволятъ мнѣ родители ихъ пользоваться хоть часомъ въ день досуга?

— А вы сами развѣ не въ состояніи обучать ихъ письму? спросилъ я.

— Нечего грѣха таить, отвѣтилъ меламедъ, покраснѣвъ до ушей,—я долженъ вамъ сознаться, что въ этомъ искусствѣ, я самъ не гораздъ, или точнѣе, я самъ и буквы написать не умѣю. Виною, впрочемъ, тому не я, а покойный родитель мой, царство ему небесное. Онъ хотѣлъ изъ меня сдѣлать остраго и тонкаго талмудиста, потому что я владѣлъ рѣдкими способностями. Меня сочетали бракомъ на двѣнадцатомъ году. До семнадцатилѣтняго возраста у меня уже было двое дѣтей. Въ это время умеръ мой тесть. Съ тѣхъ поръ, я вышелъ на свой столъ и взялся за горькое меламедство.

— Почему-же вы не взялись за что нибудь другое? спросилъ я.

— Потому что я ни къ чему не былъ годенъ. Умѣй я грамотѣ, хоть бы сносно говорить и писать по-русски, я бы пристроился къ какому нибудь мѣсту, а то куда и на что я годенъ? Или, еслибъ я не истощалъ силъ своихъ постояннымъ сидѣньемъ за гемарою и не женился чуть не въ дѣтствѣ, я пошелъ бы въ работники на какую нибудь фабрику. Но я, къ несчастью, все равно, что калѣка. Ужъ видно мнѣ на роду написано умереть меламдомъ, бѣднымъ, горемычнымъ. Правду говоря, мнѣ не столько самаго себя жаль, сколько дѣтей, которые пропадаютъ на чужбинѣ и которые останутся негоднѣе меня.

— Почему-же родителямъ вашихъ учениковъ не брать съ васъ-же примѣра, чтобъ убѣдиться, какъ глупо и безполезно одно ученіе талмуду, безъ всякаго умѣнія читать и писать? я понимаю, что причина, вами высказанная, будто они не желаютъ дать вамъ и часа для отдыха, не настоящая, а указываете вы на нее въ насмѣшку.

— Настоящая причина нерадѣнія родителей этихъ дѣтей о письмѣ заключается въ томъ, что они обманываются въ своихъ разсчетахъ на счетъ будущности своихъ дѣтей. Эти господа думаютъ, что всѣ дѣти ихъ, безъ исключенія, мѣтятъ въ раввины и что непремѣнно ими будутъ. Но горько ошибаются они! Я предвижу, что дѣти ихъ не только небудутъ,—раввинами они даже небудутъ знать законовъ о первѣйшей обазанности еврея, а именно о молитвѣ.

— Какъ?! Что вы говорите?! возразилъ я. Неужели тотъ, кто готовиться въ раввины, не долженъ знать отечественнаго языка? А я держусь противнаго мнѣнія, я увѣренъ что учиться отечественному языку долженъ по преимуществу тотъ кто думаетъ со временемъ занять общественную должность, а тѣмъ больше такую видную какъ раввинская. Въ нашихъ странахъ всѣ такого мнѣнія.

— А въ нашемъ краю, мобельный господинъ, совсѣмъ не такъ. Наши раввины, мало того; что не разумѣютъ ни аза въ русскомъ языкѣ; но ничего не смылятъ даже въ еврейскомъ языкѣ. По просите любаго изъ этихъ раввиновъ написать письмо на чисто еврейскомъ языкѣ, не на томъ языкѣ, который составляетъ смѣсь изъ аравійскихъ и еврейскихъ словъ, смѣсь талмудическихъ и библейскихъ выраженій, но на чисто еврейскомъ языкѣ, и я клянусь вамъ, Богомъ, что получите отрицательный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я удивляюсь какимъ образомъ подобный невѣжда можетъ быть предводителемъ своего народа?

— Однакожъ, вотъ видите, что они предводительствуютъ и никогда не переводятся.

— Въ эту минуту прибѣжала въ попыхахъ чья то служанка и увѣдомила, едва переводя духъ, меламда, что они сейчасъ придутъ?. Кто: они? Я незналъ. Однакожъ я сейчасъ смекнулъ, что тутъ идетъ дѣло о засватаніи какого то мальчика изъ этого хедера, потому что я замѣтилъ, какъ одинъ мальчикъ, при видѣ служанки, покраснѣлъ, какъ піонъ, и сталъ шевелиться взадъ и впередъ. Меламедъ, съ своей стороны, тоже не мало смутился, прекратилъ разговоръ и продолжалъ громко прерванное ученіе.

— Кого это ожидаете въ вашемъ хедерѣ? просилъ я его.

— Губернскаго свата, съ извѣстнымъ лицемъ, посланнымъ для осмотра и подверженія экзамену вотъ этого мальчика. Какой то порядочный человѣкъ прочитъ его въ свои зятья.

— Я осмотрѣлъ указаннаго мальчика съ ногъ до головы и заключилъ, что ему не болѣе четырнадцати лѣтъ. Личико прочащаеся въ женихи было мертвецки—блѣдное, пейсики желтенкія, руки покрытыя чесоточными пузырями, а въ цѣломъ такъ и сквозилъ дуракъ. Лице его въ эту минуту приняло самое беспокойное выраженіе. Ежеминутно онъ осматривался кругомъ себя и приве-

дилъ въ порядокъ свою внѣшность: стянулъ тѣснѣе свои брюки, застегнулъ капотъ, очистилъ пейсы отъ перышекъ. Все это однакожъ, не отвлекло его отъ ученія: онъ въ тоже время кричалъ что было силы. Въ волненіи, сталъ онъ кочевать съ одного мѣста на другое: сперва помѣстился онъ возлѣ одного товарища, потомъ очутися возлѣ другого на конецъ занялъ мѣсто возлѣ самого меламда. Лице его пылало и принимало всякую минуту болѣе раскаленный видъ. Поминутно глядѣлъ онъ въ окошко, а все таки продолжалъ учиться. Прочіе товарищи глядѣли на него, какъ на какое нибудь дѣло, посмѣивались и перешептывались между собою.

— Всѣ сосѣди и сосѣдки, равно какъ и самъ меламедъ, также не спускали глазъ съ кандидата вь женихи. Никто изъ нихъ не зналъ за что всего взятся: та принялась подметать комнату, другая занялась приведеніемъ въ надлежащій порядокъ разбросанныхъ перинъ и подушекъ на кровати, третья вытираніемъ стеколъ и т. д. Но это ожиданіе скораго прихода гостей продолжалось болѣе часа; дождь все еще лилъ-ливмя, а я воспользовался случаемъ пріятно провести время въ разныхъ бесѣдахъ о близкихъ нашему сердцу предметахъ, а также успѣлъ найдти удачный предлогъ, чтобъ остаться здѣсь, пока придутъ ожидаемыя гости. Мнѣ весьма хотѣлось быть очевидцемъ ожидаемаго визита, экзамена и ихъ послѣдствій. Дождь къ немалому моему удовольствію, началъ ослабѣвать и гости явились: сватъ, ребъ Гесель, былъ, какъ говорится, „умная ермолка", т. е. башка виленская. Онъ вошелъ съ размашистымъ: „добрый вечеръ?" Большой посохъ красовался въ рукѣ его. Онъ былъ человѣкъ не слишкомъ высокаго роста, но здоровеннаго, плотнаго тѣлосложенія; лице широкое, смуглое, глаза—живые, бѣгунчики, плутишки; борода клиномъ, черная какъ уголь съ проглядывавшею лишь кое гдѣ просѣдью. Другой гость казался гораздо моложе свата. Одѣтъ онъ въ длинное шелковое пальто и покрытъ высокою шляпой назатылокъ. Руками онъ придерживалъ полы кафтана для того, чтобъ заслонить разорванные штаны. Ему, казалось, было лѣтъ тридцать, онъ былъ высокаго роста, съ черною круглою бородою. Глаза искрились умомъ. Словомъ, заботливая натура не отказала ему ни въ чемъ кромѣ воспитанія, котораго совсѣмъ почти у него небыло. Съ виду онъ былъ дикъ, угрюмъ и неуклюжъ. Когда

меламедъ подалъ ему свою руку, онъ черезъ силу выпуталъ ее изъ длиннаго рукава и поздоровался. Казалось, онъ былъ очень скроменъ: онъ ни на кого неглядѣлъ и, конечно, не замѣтилъ меня. Даже и на меламеда онъ непосмотрѣлъ, а заглянулъ прямо въ гемару, принимая важный видъ знатока. Черезъ нѣсколько минутъ онъ слегка заспорилъ съ меламедомъ о различномъ толкованіи какого-то мѣста въ талмудѣ. Этотъ мелкій и поверхностный споръ перешелъ наконецъ въ крикъ и скоро принялъ громадные размѣры. Молодой экзаменаторъ предложилъ вопросъ, поставившій почти цѣлый талмудическій трактатъ въ такое безотрадное положеніе, что хоть выбрось его изъ талмуда и сожги. Вопросъ этотъ заставилъ призадуматься меламда на нѣсколько минутъ. Потомъ послѣдній началъ отвѣчать, экзаминаторъ съ нимъ не соглашался, и такимъ образомъ они горячо заспорили: каждый старался перекричать своего противника, такъ что хоть затыкай уши. Мальчикъ, будущій женихъ, сидѣлъ словно мертвый, думая: когда мой ребе поставленъ имъ въ тупикъ и обозванъ неучемъ, что-же сомною будетъ? Я, который казался въ глазахъ споривших неевреемъ, стоялъ издали и молчалъ. Вслушиваясь въ софистическую діалектику диспутантовъ, я глубоко сознавалъ, какую ерунду, какую дичь они пороли. Наконецъ они такую чушь загородили и такъ запутали другъ друга, что становилось несносно, и я невольно вмѣшался въ ихъ *святую драку*. Молодой экзаменаторъ оторопѣлъ и покраснѣлъ до ушей; ему и не воображалось, чтобы нѣмецъ смыслилъ хоть что нибудь въ гемаррѣ, а тѣмъ болѣе чтобъ смыслилъ много. Сначала мнѣ очень трудно было разъяснить имъ запутанный ими текстъ какъ потому, что содержаніе спорнаго мѣста было дѣйствительно, тонкое и глубокое, такъ и потому, что они не совсѣмъ понимали мой чисто нѣмецкій языкъ и прононсъ, но наконецъ мнѣ удалось поставить спорное мѣсто въ такую ясность, что, не смотря на сказанныя препятствія къ пониманію, они оба согласились со мною. Вмѣшательствомъ своимъ я испортилъ, впрочемъ, все дѣло: экзаменаторъ оставивъ диспутъ, занялся экзаменомъ жениха мальчика; послѣ этого экзамена, оказалось, что *высматриваемый* мальчикъ не только не понимаетъ текста, но и читать даже порядочно не умѣетъ.. Но сватъ не потерялся и выполнилъ свою роль какъ нельзя ловче. Онъ поспѣшилъ оправ-

дать неуча—мальчика, говоря: развѣ не видите, что онъ испугался вашего глубокомысленнаго спора? Теперешнее, случайное его незнаніе нисколько не доказываетъ настоящаго его незнанія и должно быть приписано одной только его робости и ребячеству. Не пугайся, дитя мое, продолжалъ онъ, обратившись къ мальчику,—не пугайся! Твоя теперешняя робость ни на волосъ непомѣшаетъ предпринятому нами дѣлу, такъ какъ ребъ Гендель лучше меня знаетъ, что ты бойкій мальчишка. Скажи мнѣ, сколько ты успѣваешь въ день прочесть текста съ разными коментаріями?

— Это зависитъ отъ трудности текста, отвѣтилъ меламедъ. Иногда успѣваетъ одну страницу, а иногда и двѣ. Въ это полугодіе мы выучили пятьдесятъ листовъ. Недостаетъ только *капель* прилежанія.

— Это ничего! Удвой онъ только прилежаніе и изъ него выйдетъ отличная посуда, отозвался ребъ Гендель,—потому что я замѣтилъ въ немъ большую смѣтливость: не достаетъ только ему остроумія. Жаль мнѣ, что виленскіе меламеды, между которыми много понимающихъ свое дѣло, не усвоили себѣ раціональной и успѣшной методы обученія дѣтей, ввѣряемыхъ имъ родителями. Особенно въ послѣднее время виленскіе меламды уронили свою репутацію и даже достойны наказанія за то, что начали обременять головы дѣтей пищею не по силамъ,—вздумали преподовать имъ библію съ комментаріемъ Мендельсона. Такое обученіе не достигаетъ своей цѣли и даже подрываетъ самую религію.

— О! отозвался сватъ. Противу этого злоупотребленія обученіемъ есть средство: пускай только женихъ нашъ уѣдетъ къ вамъ въ Хволевицы и пускай онъ только поступитъ къ... къ... какъ бишь его, зовутъ? Какъ его имя? Забылъ, право!

— Къ ребъ Іоселю Рецицеру, думаете вы? подхватилъ ребъ Гендель.

— Да, да, къ нему: у него онъ станетъ тѣмъ, чемъ ему слѣдуетъ быть по его способностямъ. Я помню, что онъ сдѣлалъ изъ зятя Глиницкаго. Послѣдній поступилъ къ ребъ Іоселю совершеннымъ мальчишкой—неучемъ, а вышелъ такимъ молодцемъ, что просто украшеніе! Правда, ребъ Іосель не предвидѣлъ въ немъ соперника: онъ и не думалъ чтобы зять Глиницкаго сталъ въ его же деревнѣ меламедствовать.

Бесѣда длилась больше часу, въ продолженіи каторагo успѣли

поговорить о всѣхъ почти великихъ умершихъ евреяхъ. Наконецъ гости встали и, распрощавшись съ меламедомъ и со мною, ушли. Я же, съ своимъ спутникомъ, желая полюбопытствовать о знакомыхъ мнѣ ширмахъ, остался при меламдѣ.

VIII.

Арендаторша дома.

— Чей это домъ? спросилъ я по уходѣ гостей.

— Какой то пани, отвѣтилъ онъ мнѣ растроганнымъ голосомъ.

— А кто содержитъ эту квартиру?

— Извините, пожалуйста, вы все предлагаете мнѣ вопросы, не интересные ни для васъ ни для меня, и какъ разъ въ такое время, когда я словно помѣшанный. Вы думаете, что незнаніе мальчика сойдетъ мнѣ благополучно? Не могу вамъ описать, сколько нарѣканій и упрековъ я буду имѣть отъ его родителей. И, къ несчастію, упреки ихъ будутъ справедливы и заслуженны. Счастье этого мальчугана, что вы здѣсь присутствуете: только изъ уваженія къ вамъ, я не завожу съ нимъ никакихъ исторій: я такъ отодралъ-бы ему кожу, что онъ изъ рукъ моихъ цѣлъ-бы невышелъ. Унего—бы сегодня помолвка не состоялась. Ахъ, что за олухъ! Какая пустая головка. Копке, копке (такъ звали мальчика—жениха); тебѣ говорю берегись меня; сохрани Богъ если ты въ другой разъ обнаружишь такое невѣжество: ты изъ рукъ отца выйдешь уже калекою, а за тѣмъ изъ моихъ рукъ тебя прямо на кладбище унесутъ!

— Копке сидѣлъ словно раненный, и только кусалъ ногти.

— Что ты нѣмъ сталъ, мамзеръ! закрычалъ на него меламедъ.

— Что вы такъ сердитесь на меня? проговорилъ, дрожа, Копке. Вѣдь при первыхъ двухъ моихъ помолвкахъ меня тоже спрашивали, и я отвѣчалъ какъ слѣдуетъ; можетъ же разъ случиться у человѣка, чтобъ онъ и незналъ. Вы, вѣдь, сами тоже сегодня были поставлены въ тупикъ; однакожъ, можно ли по этому заключить, что вы ничего не знаете?

— Этотъ споръ между меламедомъ и мальчикомъ кончился

бы звонкими пощечинами, еслибъ я неунялъ меламда. Я успокоилъ его и утверждалъ, что партія непремѣнно состоится. Для довершенія успокоенія мелемеда. я послалъ за пивомъ, вишнями и разными лакомствами. Такимъ образомъ я опять снискалъ расположеніе къ себѣ мелемеда и привелъ въ прежнее разговорчивое положеніе. Я опять завелъ разговоръ о домѣ, о хозяинѣ этого помѣщенія, для того чтобы добраться до ребъ Гекеле, котораго я навѣрно считалъ жильцемъ этой квартиры, судя по ширмамъ. И такъ я повторилъ, прежній вопросъ:

— Кто живетъ здѣсь и содержитъ всю крартиру? Неужели всякій сосѣдъ особо нанимаетъ свой уголокъ отъ хозяйки дома?

— Сохрани Богъ! отвѣтилъ онъ, принимая уже привѣтливый видъ.—Какъ можно чтобъ хозяйка дома зналась съ пятью арендаторами? Квартиру содержитъ одинъ, который самъ тоже занимаетъ уголокъ въ этой квартирѣ. Этотъ-же арендаторъ сдаетъ отъ себя въ наемъ каждый уголокъ разнымъ сосѣдямъ за такія выгодныя цѣны, что онъ остается въ довольно порядочномъ барышѣ. Арендаторъ этотъ-извѣстная Лейка, занимающаяся въ еврейской банѣ омовеніемъ женщинъ въ миквѣ (искуственномъ водохранилищѣ). Хотя квартира обходится ей довольно дорого, а именно за тридцать рублей съ ея же отопленіемъ и разными починками; но отъ сосѣдей она выручаетъ около осмидесяти рублей, кромѣ своей квартиры, помѣщающейся въ красномъ углу, за этими ширмами.

— А кто ея мужъ? спросилъ я наставивъ уши.

— Мужъ ея, отвѣтилъ онъ мнѣ, извѣстный ребъ Іекеле златокователь,—чумичка и необходимость многихъ знатныхъ домовъ виленскихъ. Его можно теперь назвать новобрачнымъ, потому что всего два только дня прошло послѣ его свадьбы. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ на всѣ руки: онъ все знаетъ и его всѣ знаютъ. Его справедливо можно назвать „живымъ адреснымъ столомъ" или „живою памятною книжкой;" онъ все помнитъ и все знаетъ. Коротко сказать, что, если бы разскывать его біографію, то никогда нельзя кончить: ибо онъ всесторонній предметъ любопытства.

Вошла женщина, черная, толстая, одѣтая полупраздничнo. Всѣ мальчики и помощникъ меламда (багельферъ) громко закричали: мазель-товъ! (съ добрымъ рокомъ) вамъ, Лея: намъ уже пора получить отъ васъ пряники за два бракосочетанія ваши, Въ

прошлый разъ когда сыгравъ свадьбу, вы обѣщали—обѣщали намъ пряники, да и не исполнили обѣщанія. А теперь пожалуйте уже намъ двойные пряники. За то мы пожелаемъ вамъ счастливо жить съ вашимъ мужемъ въ богатствѣ и славѣ."

— Что ты думаешь, мой другъ, обратилась она къ *багельферу:* ты думаешь очень выгодно или пріятно каждые полгода мѣнять мужа. Но, кажется, я наконецъ—достигла того, чего домогалась. Я уже теперь получила *тарелку съ небесъ* *) Богъ мнѣ послалъ мужа не по моимъ дѣяніямъ: ученаго златокователя, пользующагося прекрасною репутаціею. Къ тому онъ весьма миловиденъ собою.

Окончивъ монологъ, она накинула на себя субботнюю мантилью, принарядилась и сказала всѣмъ сосѣдямъ: сегодня я вамъ предоставляю полную свободу затопить печку, когда заблагоугодится. Меня вамъ ждать нечего, потому что я сегодня приглашена вмѣстѣ съ своею половиною на вечеринку къ ребъ Герцу книгопродавцу. Вечеринка будетъ славная, но мой мужъ вполнѣ заслужилъ эту честь у ребъ Герце. О, господи! Я не въ состояніи отблагодарить тебя!

По ея уходѣ, я спросилъ у меламда: кто эта женщина? на что я получилъ въ отвѣтъ: это наша милая хозяйка, въ высшей степени ехидная, дерзкая, женщина. Она бѣсъ — не женщина. Ахъ, Господи! сколько мы страдаемъ, сколько мучимся, подъ ея хозяйскою властью. Я вамъ говорю, что этого ни въ сказкѣ не разсказать, ни перомъ не написать! Напр., безъ ея разрѣшенія нельзя прикоснуться и къ полѣну дерева; строго воспрещено разводить огонь въ печкѣ или на очагѣ минутою раньше опредѣленнаго ею срока. А посмотрѣли бы, что съ нею дѣлается при полученіи съ квартирантовъ денегъ! Получитъ отъ какого нибудь сосѣда квартирныя деньги за мѣсяцъ или за два, и не пройдетъ недѣли, какъ она приступаетъ къ нему: давай деньги за квартиру! Какъ? что? развѣ вы шутите? Вѣдь не прошло еще и недѣли, какъ я вамъ собственноручно, сполна за четверть года, заплатила!» Но хозяйка не на шутку требуетъ денегъ. Когда? что? сколько? я отъ васъ деньги получила? отъ васъ? Ахъ, вы такой-сякой! и пойдутъ ссоры

---

*) Еврейское выраженіе.

и тяжбы, большею частью имѣющія для нея весьма благополучный исходъ: получаетъ вторично деньги и въ усъ себѣ не дуетъ. Сосѣдей она мѣняетъ какъ мужей. Въ состояніи ли кто перечислить всѣхъ мужей ея? ихъ тьма. А что вы думаете: этотъ мужъ уже будетъ жить съ нею до гробовой доски? Посмотримъ. Жаль, право, жаль этого ребъ Іекеле! Попался онъ, бѣдный, въ кошачьи лапки! Но, довольно, не стоитъ объ этой твари и говорить: я многое про нее знаю, да не хочу пачкать устъ моихъ.

Тѣмъ временемъ дождь прекратился. Я, съ своимъ другомъ, пріятельски простился съ меламедомъ и ушелъ. Во всю дорогу я смѣялся. Во всю жизнь свою не забуду этого меламда, дѣтей, сосѣдей, жениха, хозяйку, свата и т. д.

— Ужасно, ужасно, восклицалъ я, обращаясь къ своему спутнику!—Скажите, пожалуста, каковы будутъ дѣти, воспитывающіяся въ такой грязи, въ такихъ мерзостяхъ, проводящія свое впечатлительное юношество въ такомъ скверномъ обществѣ, — въ этомъ хедерѣ, зараженномъ нравственною чумою, полномъ шума, проклятій, брани, глупыхъ пѣсень, бабьихъ наушничаній, вдобавокъ, не учащихся рѣшительно ни чему полезному, ни закону Божію, ни языку, хоть бы еврейскому, ни ремеслу, ни какой-бы то ни было наукѣ.

Въ такихъ разговорахъ я пришелъ на свою квартиру, насыщенный смѣхомъ, горемъ, сожалѣніемъ къ бѣднымъ дѣтямъ, и всѣми возможными ощущеніями.

IX.

Сватовство за ребъ Іекеле.

Прошло нидѣль около пяти, и я опять имѣлъ случай услыхать кое-что о ребъ Іекеле. Разъ, вечеромъ, я сидѣлъ съ хозяиномъ моей квартиры за самоваромъ мы раскурили сигары и вели весьма пріятныя бесѣды о Вильнѣ. Въ это время, вошла въ комнату женщина, лѣтъ сорока, порядочно одѣтая. Хозяинъ дома весьма вѣжливо ее принялъ и усадилъ на диванѣ. Онъ разспрашивалъ о ея здоровьи и о здоровьи ея ближнихъ: она была его близкая родственница. Потомъ онъ обратился къ цѣльи ея теперешняго посѣщенія? такъ какъ она была рѣдкая гостья въ его домѣ.

— Въ чемъ, полагаете, можетъ состоять цѣль моего прихода? отвѣтила она вопросомъ. Извѣстно, что не даромъ пришла. Вы, вѣдь, знаете, что я не люблю понапрасну блуждать по чужимъ домамъ, а являюсь къ кому развѣ только тогда, когда представляется важная надобность. А что можетъ быть важнѣе добраго совѣта, въ особенности въ дѣлѣ женитьбы? Откровенно я вамъ говорю, что мнѣ надоѣла уже жизнь одинокая. Ну, и вздумалось мнѣ выдти замужъ. Сваты предлагали мнѣ множество жениховъ на отборъ. Между ними одинъ мнѣ больше всѣхъ приходится по сердцу. И такъ, хочу выслушать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

— Ну, извѣстно, женитьба, дѣло очень хорошее и не грѣшное. Нужно только пріискать равнаго себѣ; а если вы такого нашли, то я не прочь одобрить ваше рѣшеніе.

— Я нашла такого, котораго лучше не можетъ быть.

— За кого же именно сватаютъ васъ?

— Предлагаютъ мнѣ одного извѣстнаго ребъ Іекеле златокователя. Онъ...

— Довольно, довольно! прервалъ ее хозяинъ квартиры.

Я при этомъ не вытерпѣлъ и разразился громкимъ хохотомъ.

— Эхъ, сестра! продолжалъ хозяинъ дома, — впередъ не приходи ко мнѣ съ такими глупыми предложеніями. Развѣ тебѣ хочется сдѣлаться 10 ою женою этого негодяя.

Хозяинъ дома въ короткихъ словахъ сообщилъ ей самое вѣрное понятіе о ребъ Іекеле, такъ что она ушла съ полнымъ убѣжденіемъ, что р. Іекеле — испорченнѣйшее созданіе въ мірѣ. Собесѣдникъ мой спросилъ: какъ я этого молодца знаю, что доказалъ моимъ громкимъ смѣхомъ при его имени. Я удовлетворилъ желаніе хозяина и передалъ ему все, что о немъ зналъ. Сообщивъ всѣ мои свѣдѣнія о р. Іекеле, я просилъ хозяина отплатить мнѣ тѣмъ-же: разсказать все, что онъ о немъ знаетъ, и мое желаніе скоро было исполнено.

— О, я этого негоднаго знаю какъ свои пять пальцевъ, отозвался хозяинъ и сказалъ:

Ребъ Іекеле родомъ не Виленскій, а завезенъ сюда какими-то торговцами, подобно извѣстному ребъ Шамаю поздравителю, на возу яицъ, и затѣмъ остался на постоянное жительство въ нашемъ городѣ. До пріѣзда его въ Вильну, онъ кочевалъ по бѣлому свѣту,

являясь постоянно въ различныхъ видахъ, то выдавалъ себя іерусалимскимъ уроженцемъ, собирая разными ханжествами кучи денегъ. Чтобы придать своей роли болѣе значенія таинственности, онъ расказывалъ разныя небывалыя чудеса о палестинской землѣ, Іерусалимѣ, объ уцѣлѣвшей западной стѣнѣ храма, также продавалъ палестинскій песокъ за весьма умѣренныя цѣны. То продавалъ онъ кольца, бокалы сдѣланные какъ онъ говорилъ, изъ палестинскаго камня. Онъ всегда имѣлъ при себѣ подложныя письма разныхъ современныхъ еврейскихъ феноменовъ, доставившія ему во многихъ мѣстахъ очень радушный пріемъ и большую знаменитость. То онъ являлся проповѣдникомъ и распускалъ таинственные о себѣ слухи: онъ говорилъ, что посѣтилъ десять колѣнъ, обитающихъ за моремъ, разсказывалъ объ образѣ правленія этихъ коренныхъ евреевъ, о царяхъ ихъ; также показывалъ всѣмъ манифестъ Гамана объ истребленіи евреевъ и письма, писанныя собственноручно Мардохеемъ и Эсѳирью. Онъ до тѣхъ поръ обманывалъ свѣтъ, пока началась война съ турками. Видъ и разсказы его о бывалости въ разныхъ отдаленныхъ странахъ возбудили къ нему подозрѣніе: его приняли за лазутчика, и онъ былъ захваченъ, тутъ обнаружилось, что онъ обыкновенный скиталецъ, только подъ другою личиною, и отправили его на мѣсто рожденія. Онъ большой мастеръ на разные шахеръ—махеръ, и такъ къ нимъ пристрастился; что проводитъ въ полиціи больше времени чѣмъ въ клаузѣ (молитвенномъ домѣ). А каковъ онъ, таковы и дѣтки его. И такой плутъ, такая ничтожность сдѣлался предметомъ разговоровъ и пользуется извѣстностью; ребъ Іекеле злотокователь извѣстенъ всѣмъ и каждому все это потому только, что онъ задобриваетъ нашихъ закоренѣлыхъ дураковъ знаніемъ мишны, которую онъ изучаетъ ежедневно послѣ молитвы.

X.

Ребъ Іекеле чернокнижникъ.

Пробывъ полгода въ городѣ Вильнѣ, я предпринялъ дальнѣйшія путешествія по губерніямъ, населеннымъ евреями. Въ одной изъ губерній случай опять свелъ меня съ ребъ Іекеле злотокователемъ. Остановился я въ одномъ городкѣ, плотно набитомъ евре-

лій. Городишка этотъ находится въ 300 верстахъ отъ Вильны. Тамъ я встрѣтилъ гораздо большіе безпорядки чѣмъ въ Вильнѣ. Одѣваются грязно, по азіатски и безъ всякаго вкуса; ихъ синагоги и всѣ молитвенные и учебные дома ужасно запущены и, какъ кажется, не подверглись починкѣ и очищенію со дня ихъ существованія; духъ просвѣщенія и прогресса никогда и не думалъ заглянуть въ эту трущобу, населенную исключительно хасидами, вѣрующихъ во всѣ нелѣпости, суевѣрія и предразсудки, надъ которыми въ другихъ мѣстахъ смѣются даже дѣти.

Въ утвержденіе моихъ словъ я приведу одинъ фактъ, который сначала покажется чуждымъ нити нашей повѣсти, но конецъ котораго подтвердитъ сказанную выше истину. Разъ замѣтилъ я огромную толпу людей, скучувшуюся возлѣ одного дома; давка была страшная. Каждый выбивался изъ силъ, чтобы зайти въ этотъ домъ, но напрасно: публику пропускали по одиночкѣ. Я остановился и полюбопытствовалъ узнать причину давки. Это было въ пятницу. Давка продолжалась до освященія свѣчей. Когда раздался крикъ: по домамъ, по домамъ, по домамъ! уже наступила суббота. Любопытство мое росло съ каждою минутою, и я спросилъ у близстоящаго: что тутъ за шумъ? и получилъ въ отвѣтъ: развѣ не знаете? вѣдь знаменитый баалшемъ (чернокнижникъ, творящій чудеса: проклинающій чертей, открывающій дорогу, по которой женщина покинутая мужемъ найдетъ послѣдняго, лечащій заклинаніями и непонятными словами разные недуги и т. г.) пріѣхалъ въ нашъ городъ и остался у насъ на субботу. Нужно же воспользоваться случаемъ: ну и обращается къ нему всякій нуждающійся въ его несомнѣнной помощи: и покинутыя мужами своими, и одержимыя болѣзнями и страдающіе отъ какихъ нибудь волшебствъ. Къ сожалѣнію, габай разомъ всѣхъ не впускаетъ, а по одиночкѣ. Теперь-же и по одиночкѣ уже не впускаютъ: и для меня, говоритъ святой, наступила суббота.

Признаюсь, и мнѣ захотѣлось видѣть этого молодца. Я думалъ увидѣть его въ синагогѣ; но, къ величайшему моему сожалѣнію, пріѣзжій не въ синагогѣ молился, а въ частномъ домѣ, въ домѣ одного извѣстнаго богача, котораго жена была бездѣтна. Богачъ этотъ считалъ величайшимъ для себя счастіемъ имѣть у себя при столѣ на субботу такого знаменитаго баалшема, въ той

полной надеждѣ, что жена его непремѣнно въ этомъ году забеременѣетъ. Я рѣшился посѣтить этого богача, такъ какъ пріѣзжему человѣку позволяется дѣлать всякому визиты. Но мнѣ отсовѣтовала это одна молодая дама, жившая рядомъ со мною въ заѣзжемъ домѣ и хорошо знавшая богача, котораго я хотѣлъ посѣтить. Она нарисовала мнѣ его портретъ самыми черными красками и тѣмъ отбила охоту знакомиться съ нимъ. Но какъ охота моя видѣть чернокнижника была непобѣдима, то я пустился на хитрости и попалъ наконецъ на весьма удачную выдумку. Я попросилъ хозяина заѣзжаго дома, чтобъ онъ потрудился сходить со мною и съ сказанною дамою, по окончаніи субботы, къ чернокнижнику и чтобы онъ представилъ насъ ему, меня въ видѣ отца, а даму въ видѣ моей дочери, покинутой уже давно своимъ мужемъ и прибѣгающей къ его несомнѣнной помощи. Хозяинъ дома согласился принять участіе въ нашей комедіи, а дама даже благодарила меня за этотъ планъ.

На исходѣ субботы, я переодѣлся въ мѣстный костюмъ окутался такъ, чтобы меня не узнали и отправился вмѣстѣ съ дамою къ чернокнижнику. Мы нашли уже тамъ огромную толпу. Мнѣ легко удалось проникнуть съ моею дамою въ комнату, при помощи полтинника, который я сунулъ въ руку придворному габаю. Въ первой комнатѣ было тѣсно до удушья; безлюдно въ ней не было. Наконецъ, когда „святой" уже закурилъ своею длинную трубку и закричалъ всѣмъ: „добрая недѣля"! *) начали впускать къ нему народъ въ другую комнату. Я, съ своею дамою, былъ изъ первыхъ, впущенныхъ къ нему. На чернокнижникѣ красовался шелковый халатъ и огромная круглая шапка на головѣ. Голова была обвязана чемъ-то. Длинный чубукъ торчалъ во рту его. Онъ гулялъ по комнатѣ, глубоко сосредоточенный въ себѣ, какъ будто созерцалъ въ это время недоступныя для всѣхъ предметы. При столѣ сидѣлъ хозяинъ дома. Я его прямо узналъ: это былъ ребъ Гендель, котораго читатель видѣлъ въ недавно оставленномъ нами загородномъ хуторѣ. Разница между хедернымъ ребъ Генделемъ и тѣмъ, котораго мы теперь видимъ, та, что тогда онъ былъ нищій, теперь-же онъ,

---

*) Возгласъ, которымъ привѣтствуется начало недѣли т. е. ночь съ субботы на воскресенье.

вслѣдствіе смерти его богатаго тестя, котораго онъ одинъ остался наслѣдникомъ, сдѣлался богатымъ.

Наконецъ святой оборотился ко мнѣ и къ дамѣ, и въ туже минуту, въ величайшему моему изумленію, я узналъ въ немъ ребъ Іекеле златокователя. Я просто остолбенѣлъ такъ, что не зналъ съ чего начать. Я началъ было говорить ему о горькомъ положеніи моей мнимой дочери, но не успѣлъ я кончить, какъ счастливый случай избавилъ меня отъ дальнѣйшаго разговора. Едва началъ святой обнадеживать мою спутницу наискорѣйшимъ отысканіемъ ея мужа, какъ одна женщина, лѣтъ сорока, покинутая своимъ мужемъ и узнавшая послѣдняго въ самомъ чернокнижникѣ, бросившемъ ее лѣтъ двадцать тому назадъ, закричала, съ страшнымъ визгомъ кидаясь на своего мужа, ребъ Іекеле „святаго„: вотъ мой мужъ! вотъ мой ангелъ смерти!! берите его! вяжите его! Ребъ Іекеле въ суматохѣ хотѣлъ было улизнуть, но не тутъ то было: я схватилъ его, послалъ моего хозяина за полиціей, которая не замедлила явиться, и передалъ его въ руки. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ полицейскому, что за птица. Полицейскіе начали осматривать его, сняли повязку съ головы его, увидѣли, что передняя половина ея выбрита, что показывало, что онъ бѣглецъ изъ кокого-то тюремнаго замка. Кончилось тѣмъ, что ребъ Іекель своей женѣ далъ разводный актъ; сознался, что онъ уже многихъ женъ покинулъ и былъ отправленъ полиціею по этому на мѣсто родины.

М. Вольнеръ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

При разборѣ библіотеки виленскаго музея, между ...ленными въ уголъ разнымъ печатнымъ хламомъ, ...ы нашли латинскую книгу, весьма любопытную по сво...у содержанію, подъ заглавіемъ „Roma Triumphans“,— ...ъ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ ...собенности Климента X. Книга печатана въ 1645 го...у и иллюстрирована многими рисунками. Въ числѣ ...ругихъ обрядовъ и церемоній выбора и посвяще...я главы римской церкви, описывается здѣсь и ...а сцена, гдѣ римскій конклавъ удостовѣряется въ ...годности“ избраннаго на папство. На приложенной ...ъ тексту картинкѣ [1]) представленъ новоизбранный па...а, уже въ тройственной тіарѣ, стоящимъ въ прорѣз...омъ мраморномъ сѣдалищѣ; около его по обѣ сторо...ы кардиналы; одинъ изъ нихъ, стоя на колѣнахъ около ...ѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; ...ъ рта его идутъ слова: „Pontificalia habet“ (первосвя...щенническое имѣетъ). Приводимъ цѣликомъ латинскій ...екстъ книги объ этомъ обрядѣ съ русскимъ перево...домъ.

Стран. 387. „Postea, ad ...isdem ab sedem Marmo...eam perforatam, quae non ...rocul inde collocata fuit, ...ortatus ut super eadem ...ositus, ejus virilia attrec...arentur, veluti supra pag. ...91 notavi. Nec dubitandum, ...quin res ita habeat, ete...nim certissimum est, sel...lam illam mormoream & ...perforatam in eadem Ba-

(Стран. 387). Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ

1) Фотографическій снимокъ съ этой любопытной картинки снять въ величину подлинника.

silica Lateranensi servari, quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoque est, nóviter creatos pentifices, ante quam ad seculare reginem Lateranense admittantur, super eadem sellá reponi & collocari, veluti satis prebant inter alios, ipsi quoque catholici. Platin & sabel. in vit. Ieh VIII Stella saserdos venetus, in ejusdem vita. Marianus Schotus, qui vixit circa annum 1000 Raphael. Volateranus Anthrop lib 22 pag. mihi 794. Balateus in vita Ponlif. Petrus Gregorius Theloss Syntagm jur. univers. lib 15 cap. 3 num 23".

Стран. 90 91.... „Moguntina puella, Angelica nomine, texum ementila, ob doctrinam singularem & alias ingeni dotes, mortuo Leone IV, sumnus Pontifix Romanus est facta, & Ioannes VIII nominata. Postmodum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant á Neronis colosso, & §. Clementem peperit, eoque loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, circa annum

этомъ: извѣстно достовѣрно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное, также достовѣрно извѣстно, что новоизбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ какъ о томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ и сами католики [1]).

„Дѣвица изъ Майнца по имени Ангелика, скрывшая свой полъ, за свою необыкновенную ученость и способности ума, послѣ Леона IV была избрана папою римскимъ, и названа Іоанномъ VIII. Потомъ, отправившись однажды въ латеранскую базилику, между театромъ, называемымъ Колизеемъ отъ колосальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на вто-

1) Platin et. Sal in vit. Joh VIII Stella sacerd. Venet. in ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. antrop lib. 22 pag. mihi 794. Balateus in vita Pontif. Petr. Greg. Thous. sintagm jur. univers. lib. 15 cap. 3. num. 23.

Christi 857. Platin in ejus vita. Raph. Volater Anthrop. lib 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Iohann. Stell in Ioann. VIII Tholoss syntag jur. univers lib. 15 cap. 3 num 23. Sabell in ejus vita. Hinc eo loco, ad nostra usque tempora fuit ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes consulto praetereunt & de clinant tifices, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam aluae. Post ejus vero mortem, cautum est, veluli plerique scribunt, ne post illun tempus, summus Pontifex, in pontificalem proveherunt cathedram, neve confirmaretur,quin prius in sellá, adit parata & perforata, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attrectarentur.

ромъ году своего папства, 1-го мѣсяца 4-го дня, въ 857 году по Р. X. [1]).

Потому на этомъ мѣстѣ даже до нашего времени находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и по этой дорогѣ къ Базиликѣ никогда намѣренно не ходятъ папы, хотя она короче другихъ и столь же удобна. И послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ многіе, не возводить папу на первосвященническую каѳедру, пока въ сѣдалищѣ съ отверстіемъ, нарочно для сего приготовленномъ не ощупаютъ его половыхъ органовъ [2]).

1) Platin in ejus vita Raph. Volat. anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontif. Johann. Stell. in Joann. VIII Tholoss. syntagm. jur. univers. lib. 15 cap. 3 num. 23. Sabell in ejus vità.

2) Platin v. Sabell. dict. loc. et. post eos Thopost eos Tholoss. syntag. jur. uni. loss. syntag. jur. univers. lib. 15 vers. lib. 15. cap. 3. num 23 „Sabell. cap. 3. num. 23.“

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВѢРНЫЙ ИСХОДЪ

ДЛЯ «ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ» СОЧЛЕНОВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Открытое письмо къ графу Дмитрію Толстому, русскому государственному министру и оберъ-прокурору св. Синоду.

Той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, и средостѣніе огради разоривый. Ефес. II, 14.

Отъ редакціи 1).

Подъ такимъ заглавіемъ извѣстный докторъ Овербекъ, въ прошломъ году обратившійся въ православіе, издалъ недавно новое довольно большое сичиненіе на нѣмецкомъ языкѣ. Характеристическія событія послѣдняго римскаго собора, безвыходныя противорѣчія, въ которыя были поставлены на немъ лучшіе либеральнѣйшіе представители католическихъ странъ крайними притязаніями папства и интригами ультрамонтанской партіи, дали поводъ горячему ревнителю возстановленія православной церкви на Западѣ обратиться къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ съ новымъ горячимъ словомъ убѣжденія къ признанію православной истины. Отправляясь отъ общей идеи истинной церкви, какъ Богочеловѣческаго тѣла Христова, и показавши несоотвѣтствіе съ этой идеей въ давнихъ заблужденіяхъ и злоупотребленіяхъ римскихъ, авторъ съ особенною обстоятельностью останавливается на событіяхъ послѣдняго римскаго собора, явно свидѣтельствующихъ о крайнемъ разложеніи религіозной жизни въ римско-католической церкви,—и отсюда дѣлаетъ такой выводъ, что для всѣхъ искреннихъ и безпристрастныхъ католиковъ, не желающихъ долѣе оставаться въ сознательномъ обольщеніи раскрытою передъ всѣмъ свѣтомъ ложью, и не желающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаться на одномъ отрицаніи и индифферентизмѣ, остается въ настоящее время одинъ исходъ—обратиться къ православной восточной каѳолической церкви. Въ заключительной части разсужденія авторъ

---

1) Изъ Православнаго Обозрѣнія. *Ред. В. з. Р.*

развиваетъ свою любимую мысль о томъ, что западные католики, обращаясь въ православіе, не будутъ поставлены въ необходимость принимать всѣ частныя формы и установленія восточной церкви, но будутъ имѣть полную возможность возстановить самостоятельную православную церковь на Западѣ въ своихъ національныхъ западныхъ формахъ. Въ заключеніе онъ прилагаетъ и свою извѣстную форму прошенія, въ которой католики, желающіе обратиться въ православіе, могутъ выразить свои желанія предъ русскимъ св. синодомъ. Люди болѣе хладнокровные и осторожные, конечно, могутъ находить въ разсужденіяхъ д-ра Овербека и особенно въ практическихъ выводахъ его нѣкоторое увлеченіе; могутъ замѣтить, что онъ слишкомъ спѣшитъ обращать католическій міръ въ православіе, что католическій міръ какъ въ большинствѣ своемъ, такъ и въ своихъ лучшихъ представителяхъ далеко еще не готовъ къ этому,—что убѣжденія и предубѣжденія укорененныя вѣками не скоро оставляются, и ложь многократно и явно изобличенная долго не перестаетъ искать новыхъ изворотовъ для своего оправданія и поддержанія,—что прямая и открытая постановка религіознаго вопроса въ римско-католическомъ мірѣ затрудняется множествомъ находящихся въ связи съ нимъ и крайне запутанныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ,—что неправославному Западу издавна привыкшему смотрѣть съ непріязнію и высокомѣріемъ на православный Востокъ трудно сознаться въ вѣковой неправотѣ предъ нимъ, и признать его превосходство надъ собою въ важнѣйшемъ дѣлѣ совѣсти и жизни—въ дѣлѣ религіозномъ и т. д. Всѣ такія замѣчанія съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, должны быть признаны основательными и справедливыми; при всемъ томъ мы не можемъ не быть благодарны нашему новому собрату по православному убѣжденію за то, что онъ въ виду колебаній и недоумѣній религіозной мысли на Западѣ не перестаетъ твердо и горячо свидѣтельствовать о сознанной имъ истинѣ православія. Какъ будетъ приниматься его свидѣтельство, какіе и когда плоды произведетъ оно, это другой вопросъ. Конечно, нужно думать, что всякое искреннее, разумно и твердо высказанное убѣжденіе не останется безъ своего плода.

Прежнія сочиненія д-ра Овербека были принимаемы въ нашемъ читающемъ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ. Послѣд-

нее его сочиненіе не уступаетъ прежнимъ по своему интересу. Въ немъ представляются въ цѣльной связи важнѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ римскому собору, о которыхъ большинство читателей чрезъ газеты и журналы могли получать только отрывочныя понятія. Въ немъ кромѣ того есть много другихъ характеристическихъ фактовъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію римско-католической церкви, о которыхъ разсказъ автора, какъ бывшаго католическаго священника и профессора, имѣетъ значеніе ближайшаго непосредственнаго свидѣтельства. Кромѣ того, книга автора, независимо отъ своего временнаго интереса, имѣетъ еще серьезное научно-богословское значеніе въ томъ отношеніи, что въ ней хотя бѣгло и кратко, но весьма живо и неповерхностно затрогиваются и разъясняются многіе самые существенные богословскіе вопросы. Поэтому мы думаемъ, что читатели наши прочтутъ съ интересомъ новое сочиненіе д-ра Овербека въ русскомъ переводѣ.

Считаемъ не лишнимъ, для предотвращенія недоразумѣній, сдѣлать еще предварительное замѣчаніе о томъ, что авторъ воспитавшійся подъ вліяніемъ чуждой намъ богословской системы, и не вполнѣ еще ознакомившійся съ условными пріемами и языкомъ нашей богословской школы, допускаетъ иногда не совсѣмъ точныя или не принятыя у насъ выраженія иныхъ богословскихъ мыслей: Мысль автора вездѣ твердо стоитъ на православной почвѣ, но выраженія его по мѣстамъ какъ будто еще напоминаютъ вліяніе римско-католической богословской системы (и это конечно совершенно естественно, и не можетъ быть поставляемо въ упрекъ автору). Это замѣчаніе въ настоящемъ случаѣ имѣетъ мѣсто по отношенію къ встрѣчающимся въ первой же части сочиненія автора выраженіямъ *о тройственномъ составѣ церкви, и о троякомъ состояніи душъ по смерти*. На стр. 402 авторъ говоритъ: «церковь Христова есть *троечастная*; воинствующая на землѣ, торжествующая на небѣ, и церковь скончавшихся въ вѣрѣ и любви, но не успѣвшихъ принести достойныхъ плодовъ покаянія, за которыхъ Господь принимаетъ отъ насъ молитвы и умилостивительную жертву.» На стр. 421 читатели найдутъ слѣдующее мѣсто: „православная церковь знаетъ только два *мѣста*, куда отходятъ умирающіе— небо и адъ. Но она знаетъ три состоянія: 1) состояніе пра-

водныхъ, заслуживившихъ награду; 2) состояніе тѣхъ, которые еще ни прославляются, ни наказываются, и 3) состояніе тѣхъ, которые за свои грѣхи терпятъ вѣчкое наказаніе." Православный читатель можетъ увидѣть въ этихъ выраженіяхъ вліяніе римскаго ученія о чистилищѣ. Конечно, православный читатель въ то же время увидитъ, что авторъ въ *понятіяхъ* своихъ совершенно отрѣшился отъ римскаго представленія о чистилищѣ, и съ силою опровергаетъ его. Приведенными словами авторъ хочетъ только выразить ту вполнѣ православную мысль, что для скончавшихся съ вѣрою и любовію, но не успѣвшихъ принести достойныхъ плодовъ покаянія, не разрывается совершенно союзъ съ церковью земною и небесною,—и души ихъ хотя по смерти исходятъ за грѣхи свои во адъ, но Господь по молитвамъ церкви земной и небесной подаетъ имъ свободу, миръ и упокоеніе. При всемъ томъ нельзя не сказать, что автору лучше было бы не употреблять этихъ выраженій *тройственный составъ церкви, троякое состояніе душъ;* такъ какъ эти выраженія (хотя и съ другимъ значеніемъ) имѣютъ большое употребленіе въ католической системѣ, и сами по себѣ представляются не довольно точными. Ибо хотя находящіяся въ адѣ, но не лишенныя надежды избавленія, души умершихъ не отторгнуты отъ духовнаго союза съ церковію воинствующею и торжествующею; но нельзя же сказать, что онѣ *во адѣ составляютъ свою церковь,* и поставлять эту церковь какъ бы на ряду съ церковію воинствующею и торжествующею. Души принадлежащія къ церкви воинствующей на землѣ и торжествующей на небѣ дѣятельно пользуются дарами благодати получаемой ими отъ церкви, къ которой они принадлежатъ; но души, находящіяся въ адѣ, не имѣя возможности ни творить добрыхъ дѣлъ, ни воспринимать таинствъ церковныхъ (такъ какъ для этого не можетъ быть мѣста въ адѣ), могутъ только такъ сказать страдательно воспринимать благодать Божію чрезъ молитвы церкви земной и небесной и умилостивительную жертву Христову. И хотя эти души, не лишенныя надежды избавленія изъ ада, не могутъ конечно быть поставляемы на ряду съ тѣми, которыя подлежатъ вѣчному осужденію, тѣмъ не менѣе особеннаго какого-нибудь средняго состоянія между страданіемъ и наслажденіемъ для нихъ нѣтъ надобности полагать. Средняго состоянія между

страданіемъ и наслажденіемъ быть не можетъ, точно такъ же, какъ между добромъ и зломъ, свѣтомъ и тьмою, раемъ и адомъ, хотя, соотвѣтственно психическому развитію личностей, могутъ быть безконечно разнообразныя степени въ томъ и другомъ состояніи. При этомъ авторъ недостаточно еще принялъ во вниманіе то ученіе православной церкви, что до всеобщаго суда души умершихъ людей не получаютъ полнаго воздаянія себѣ, но находятся только въ предощущеніи и предначатіи блаженства или мученія. Эта мысль, еслибы авторъ обратилъ на нее болѣе вниманія, помогла бы ему разрѣшить тѣ недоумѣнія, которыя ему представлялись при разъясненіи вопроса о состояніи душъ, умершихъ съ вѣрою и любовію, но не успѣвшихъ принести достойныхъ плодовъ покаянія. Вообще нужно сказать, что въ извѣстныхъ катихизическихъ изложеніяхъ и богословскихъ системахъ православной церкви эти предметы излагаются болѣе точно и отчетливо (см. посланіе восточ. патріарховъ о православной вѣрѣ членъ 18-й; православ. исповѣданіе Петра Могилы вопросы 64, 65, 66; православ. катихизисъ преосвящ. Филарета 11-й членъ 1-й части послѣдніе два вопроса, догматич. богослов. преосв. Макарія т. I §§ 257, 258, 259). Но эти небольшія неточности въ разсужденіяхъ автора, притомъ касающіяся не столько мысли, сколько ея выраженія, нисколько не нарушаютъ общаго вполнѣ православнаго строя воззрѣній его; и потому мы, сдѣлавъ относительно ихъ оговорку, не считаемъ нужнымъ какъ-нибудь измѣнять или прикрывать ихъ въ русскомъ переводѣ.

Ваше сіятельство!

Когда я имѣлъ честь и удовольствіе удостоиться въ недавнее время личнаго съ вами знакомства, нашъ разговоръ сосредоточивался на той чрезвычайно важной темѣ, какимъ образомъ западная церковь могла бы возстановить свое религіозное и церковное единеніе съ православно-каѳолическою церковью Востока. Что единство истинной каѳолической церкви будетъ возстановлено,—это несомнѣнное обѣтованіе Христа, заключенное въ Его Божественномъ словѣ о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ. Слѣдовательно что бы ни случилось, пусть плоть, міръ и діаволъ

согласились бы между собою еще более раздроблять христіанство, искажать и подрывать его, нежели какъ это мы видимъ теперь, мы увѣрены, что стадо будетъ снова единымъ, и что это единое стадо будетъ признавать только единаго Пастыря, Іисуса Христа, какъ свою единственную главу.

Но сколько мы должны довѣрять этому божественному обѣтованію, столько же и на насъ самихъ лежитъ святой и настоятельный долгъ содѣйствовать по силамъ осуществленію божественнаго плана, и не складывать нашихъ рукъ въ спокойной увѣренности,—потому что премудрость Божія устроила такъ, что жизнь и организація Его церкви есть дѣло *Богочеловѣческое*, гдѣ природа и благодать, божественное и человѣческое, дѣйствуютъ вмѣстѣ одно съ другимъ. Какъ Пастырь нашъ есть Богочеловѣкъ, такъ и жизнь Его стада Богочеловѣческая. Богъ не можетъ дѣйствовать на волю человѣческую принудительно и магически, потому что чрезъ это Онъ разрушилъ бы Свой собственный даръ (человѣческую свободу) и уничтожилъ бы человѣческую отвѣтственность. Это-то внутреннее проникновеніе человѣческой и божественной дѣятельности въ жизни церкви и обязываетъ всякаго вѣрующаго, всякаго члена церковнаго организма принимать участіе въ общихъ интересахъ этого организма, смотрѣть на дѣло церкви, какъ на свое личное дѣло, способствовать благу церкви и облегчать ея страданіе.

Кто имѣетъ вѣрное понятіе о *церкви*, тотъ безъ труда можетъ распознавать неправовѣріе, суевѣріе и невѣріе. Уже это простое знаніе приведетъ его въ преддверіе истинной церкви, а благодать незамедлитъ ввести его и въ самыя нѣдра церкви, если только благодати не будетъ положено никакого препятствія.

Церковь есть *тѣло Христа* (Ефес. 5, 23) и „мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его" (Ефес. 5, 30). Христосъ есть истинная лоза и мы вѣтви ея. Эта связь между лозою и вѣтвями принадлежитъ не какой-либо тайной и невидимой церкви, которая обнимаетъ только людей Богоугодныхъ (Gottgefälligen), потому что, говоритъ Христосъ, „всякую вѣтвь у Меня, не приносящую плода, Онъ (Отецъ) отсѣкаетъ" (Іоан. 15, 2). Слѣдовательно и засохшая вѣтвь также дѣйствительная вѣтвь и остается вѣтвью дотолѣ, пока не бу-

детъ она формально отрѣзана отъ лозы церкви, подобно тому, какъ больной членъ до тѣхъ поръ остается членомъ тѣла, пока не будетъ отдѣленъ отъ тѣла. Такимъ образомъ церковь, о которой сказано, какъ о тѣлѣ Христа, есть *видимая* церковь, которой члены присоединены къ ней крещеніемъ Христа и обязаны вѣровать въ Его ученіе и исполнять Его заповѣди. Это тѣло Христово таинственно, но *дѣйствительно* (не въ переносномъ только смыслѣ) одушевляется Духомъ Христовымъ (отсюда *непогрѣшимость* церкви), проникается Его освящающею силою (von sakramentalen-Kraft), защищается Его всемогущею рукою. Церковь—это нѣкоторымъ образомъ продолжающееся вочеловѣченіе Христа, продолжающаяся жизнь Христа. Христосъ ея глава, ея единственная глава. Христосъ ея питаніе; Христова кровь течетъ въ ея жилахъ. Такой взглядъ на церковь, какъ на *живой организмъ Христа*, объясняетъ, какимъ образомъ жалкое ученіе Цвингли и Кальвина о причащеніи едва могло быть понято у правовѣрныхъ христіанъ, потому что они безконечно большаго требуютъ для поддержанія своей жизни въ церкви. Развѣ голодный можетъ утолить голодъ изображеніемъ хлѣба? Онъ требуетъ субстанціи для своей духовной жизни такъ же, какъ для тѣлесной. Самое ученіе Лютера о хлѣбѣ, представляющемъ Христа (Christificirtes Brod) и Христѣ, входящемъ въ хлѣбъ (impanirter Christus), должно быть церковію отвергнуто, какъ нѣкоторый родъ евхаристическаго монофизитства 1)

---

1) Извѣстно, что кальвинизмъ и лютеранство не признаютъ въ евхаристіи истиннаго *пресуществленія* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. По ученію Цвингли и Кальвина, хлѣбъ и вино въ евхаристіи служатъ только символами тѣла и крови Христовой; Лютеръ допускаетъ присутствіе Христа въ евхаристіи, но не въ томъ смыслѣ, что хлѣбъ и вино дѣлаются истиннымъ тѣломъ и кровію Спасителя,—хлѣбъ и вино остаются простыми хлѣбомъ и виномъ, но Христосъ невидимо входитъ въ нихъ (impanatio) и сприсутствуетъ съ ними (consubstantiatio), не соединяясь однакоже съ ними внутренно и существенно; — такимъ образомъ вѣрующіе вкушаютъ простые хлѣбъ и вино, но въ нихъ или вмѣстѣ съ ними и подъ ними (in, cum, sub pane) принимаютъ въ свои души самаго Христа. Авторъ показываетъ несоотвѣтственность того и другаго воззрѣнія съ самою идеею церкви, какъ

Церковь есть *троечастная*: воинствующая церковь на землѣ, торжествующая церковь на небѣ, и церковь скончавшихся въ вѣрѣ и любви, но не успѣвшихъ принести достойныхъ плодовъ покаянія, вслѣдствіе чего Господь (какъ говоритъ Василій В.) принимаетъ за нихъ молитвы и умилостивительную жертву и подаетъ намъ надежду на дарованіе имъ мира, свободы и упокоенія.

Члены этой тріединой церкви связаны между собою неразрывнѣйшимъ союзомъ и общеніемъ взаимныхъ интересовъ, такъ что „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены," „дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, но всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ" (I Кор. 12, 26, 25). Вотъ эта чудная, таинственная жизненная сила церкви *во* Христѣ и *чрезъ* Христа, благодаря которой никакія силы ада не могутъ одолѣть ее. Вотъ эта всепроницающая сила (Penetranz) церкви, для которой ни небо, ни адъ (гдѣ пребываютъ требующія помощи души умершихъ вѣрующихъ) не могутъ образовать преграды. Только между небомъ и преисподнею 1) (обиталищемъ на вѣки осужденныхъ душъ)," утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, равно и оттуда къ намъ не переходятъ" (Лук. 16, 26).

Вотъ существенное въ ученіи объ *общеніи святыхъ*—ученіи, котораго глубина неизмѣрима, и которое не только утѣшаетъ и поддерживаетъ насъ во всѣхъ положеніямъ жизни, но и воспламеняетъ въ насъ силу на подвигъ и утверждаетъ истинное смиреніе. Какъ скоро протестантизмъ возсталъ на эту тріе-

---

Богочеловѣческаго тѣла, и съ потребностями вѣрующихъ, нуждающихся въ тѣснѣйшемъ внутреннемъ соединеніи со Христомъ. *Ред.*

1) Хотя схоластическіе богословы и пытались дѣлать различеніе между *адомъ и преисподнею*, равно какъ между раемъ и царствомъ небеснымъ: но такое различеніе, совершенно излишнее для цѣлей вѣры и богословской науки, едвали можетъ быть оправдано и строгимъ филологическимъ различеніемъ употребленія словъ „адъ и преисподняя" въ Священномъ Писаніи. Такъ и въ томъ самомъ мѣстѣ (Луки 16 ст. 23—26), на которое указываетъ авторъ, и въ которомъ, по его представленію, должно бы стоять слово „преисподняя," стоитъ напротивъ слово „адъ". *Ред.*

диную церковь Христову и существенно ограничилъ взаимообщеніе между здѣшнимъ и тамошнимъ міромъ, для него нечего вѣрное понятіе церкви и правильное пониманіе частныхъ пунктовъ церковнаго ученія. То, что во свѣтѣ церкви являлось прямымъ и яснымъ, представилось чрезъ призму протестантизма кривымъ, искаженнымъ и неяснымъ. То, что во свѣтѣ церкви являлось стройною и гармоническою системою ученія, распадалось чрезъ туже призму протестантизма на многочастную, раздробленную и лишенную единства массу. Отсюда и пошло постоянное перетолкованіе и отверженіе одного церковнаго ученія за другимъ, и то, что еще вначалѣ было оставлено, постепенно болѣе и болѣе близилось къ паденію, какъ скоро вновь было сознаваемо, что это должно пасть (или должно быть отвергнуто). О нашихъ теперешнихъ прогрессивныхъ (fortgeschrittenen) протестантахъ не должны ли мы еще съ большимъ правомъ сказать тоже самое, что сказалъ нѣкогда Клаусъ Гармсъ о раціоналистахъ своего времени: „они могли бы написать свою вѣру на ногтю одного пальца?“ Да и въ образованный кругъ римскихъ католиковъ проникъ уже этотъ разъѣдающій червь, и не удивительно: романизмъ до такой степени затемнилъ чистое понятіе церкви христовой и такъ исказилъ его человѣческими прибавленіями, что наиболѣе свободные люди впадаютъ въ заблужденія относительно самаго божественнаго учрежденія церкви. Возстаютъ противъ непогрѣшимости церкви, потому что никакой человѣкъ и никакое собраніе людей не можетъ быть непогрѣшимымъ, и между тѣмъ забываютъ, что дѣло идетъ не о естественномъ союзѣ людей, но о томъ, что церковь, проникнутая и одушевленная силами сверхъестественными, есть *таинственное тѣло Христа*. Конечно, если христіанинъ, „храмъ Св. Духа,“ низводится на степень просто естественнаго человѣка, и „божественное ученіе Іисуса“ приравнивается къ кодексу Конфуціевой морали, тогда конечно, нѣтъ никакой непогрѣшимости, потому что нѣтъ и никакого догмата.

Но возвратимся къ тому, что мы сказали о церкви. Взаимообщеніе членовъ церкви обязываетъ ихъ постоянно и тщательно наблюдать взаимные интересы, касающіеся благосостоянія и судьбы каждаго отдѣльнаго члена, потому что его благосостояніе обусловливаетъ наше, и его судьба касается и насъ. „Если

страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены" и т. д. „На небесахъ радуются и объ одномъ грѣшникѣ кающемся" и т. д. (Лук. 15, 7). Эта взаимная обязательность естественно направляетъ церковь къ ея конечной цѣли, которая есть не что иное, какъ слава и честь Божія, чтобы *Онъ былъ во всемъ все.* Потому Господь нашъ и научаетъ насъ молиться ежедневно: „да святится Имя Твое"! Путники земли помогаютъ другъ другу на пути къ отечеству. Святые на небѣ (droben), хотя они и достигли безопасно своего отечества, не перестаютъ однакоже—потому что они измѣнили только мѣсто—быть участниками въ дѣлѣ церкви. Они поддерживаютъ, ободряютъ путника, возбуждаютъ его словомъ и примѣромъ, которыя сами оставили на землѣ. Они постоянно молятся передъ престоломъ Божіимъ за путниковъ земли, чтобы исполнить имъ свою задачу и благополучно достигнуть небеснаго отечества. Между тѣмъ мы, „путники слабые и усталые" простираемъ наши руки къ небу, гдѣ наши прежніе сопутники и сотрудники имѣютъ такое горячее сочувствіе къ нашему положенію и возносятъ за насъ такія теплыя молитвы. Но и путники здѣсь, и побѣдители тамъ—соединяются въ общемъ участіи къ своимъ вѣрнымъ (gläubigen) союзникамъ, содержимымъ въ темницѣ адовой, и подвизаются общими силами для ихъ освобожденія. Такъ совершается могучій подвигъ церкви, здѣсь внизу, и тамъ вверху,—подвигъ, въ которомъ каждый членъ церкви дѣйствуетъ вмѣстѣ съ другимъ по великому плану, положенному Христомъ, Главою членовъ, для славы Божіей и нашего собственнаго блаженства. Такъ достигаетъ своихъ цѣлей это великое *кооперативное общество* (cooperative Geselschaft) *во* Христѣ, *во* Христомъ и *чрезъ* Христа. Вотъ тайна церкви; вотъ процессъ ея сверхъестественной жизни, который хотя и недоступенъ естественному взору, но тѣмъ не менѣе также реаленъ, какъ и естественный процессъ жизни рода человѣческаго. Конечно, человѣку, отвращающемуся отъ сверхъестественнаго, такъ же трудно показать церковь, какъ слѣпому солнце. Но церковь, какъ и солнце, несмотря на то существуютъ вполнѣ реально.

Призываніе святыхъ и ходатайство святыхъ за насъ имѣютъ такую тѣсную связь съ этимъ воззрѣніемъ на церковь, что протестантскія возраженія противъ этихъ ученій являются от-

части нелѣпостью, отчасти только слѣдствіями ихъ ложной основной идеи. Возражаютъ: святые не могутъ слышать нашихъ молитвъ, потому что они не всевѣдущи и не вездѣсущи. Но почему намъ сказано остерегаться *соблазнять малыхъ, такъ какъ ангелы ихъ на небѣ видятъ лице Божіе?* Очевидно, потому, что ангелы, узнавая объ этихъ соблазнахъ, стали бы приносить на насъ жалобы Богу. Слѣдовательно они знаютъ о соблазнахъ. Какъ и какимъ образомъ они узнаютъ про нихъ, этого мы не знаемъ, да и не имѣемъ нужды знать; достаточно что они узнаютъ чрезъ Бога тѣмъ или другимъ путемъ. Почему же не признать этого и относительно святыхъ вообще? И почему призываніе святыхъ должно будто бы унижать Христа и уничтожать Его исключительное посредничество между Богомъ и человѣкомъ, когда намъ предписано даже призывать нашихъ грѣшныхъ собратьевъ молиться за насъ? На самомъ дѣлѣ, тѣ унижаютъ Христа, которые отрицаютъ этотъ взаимообщительный (cooperative) характеръ Его церкви. Они совершенно не знаютъ дѣятельнаго взаимосоприкосновенія (Ineinandergreifen) этой тріединой церкви, въ которой никогда никакой здоровый членъ не умираетъ для другихъ и не отдѣляется отъ другихъ, равно какъ и не бываетъ отдѣляемъ и оставляемъ другими. Всѣ члены дѣйствуютъ одинъ на другой и одинъ чрезъ другаго. Эти даютъ, тѣ получаютъ,—эти получаютъ тѣ даютъ. Вотъ истинный типъ того божественнаго соціализма, который является такъ обезображеннымъ въ новѣйшихъ фаланстерахъ. Грезы Фурье суть только искаженіе глубокой истины. Богъ, конечно, *можетъ* дѣйствовать безъ посредниковъ,—это доказывается обращеніемъ Павла. Но вообще Богъ сообщаетъ Свою волю чрезъ посредство ангеловъ, святыхъ и нашихъ собратьевъ. Основаніе для этого совершенно ясно. Іисусъ Христосъ учредилъ свою церковь, какъ живой и дѣйствующій организмъ, который можетъ существовать только при *взаимномъ содѣйствіи* однихъ его членовъ другимъ. Мы видѣли выше, какъ глубоко понимаетъ и иззображаетъ апостолъ Павелъ этотъ основной характеръ церкви. Въ этомъ свѣтѣ онъ разсматриваетъ и всѣ отношенія жизни. Въ этомъ свѣтѣ онъ разсматриваетъ и бракъ христіанскій (Ефес. 5) и объясняетъ и прославляетъ его, какъ таинство церкви. Потому-то и православная церковь такъ

высоко чтитъ бракъ и никогда не воспрещаетъ брака своимъ кандидатамъ на священство. Но римская церковь въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, пожертвовала чистымъ апостольскимъ ученіемъ потребностямъ разсчетливой политики. Не для того, чтобы сдѣлать духовныхъ „ангелоподобными,“ но для того, чтобы чр зъ безженныхъ, не связанныхъ никакими земными узами, старыхъ холостяковъ можно было легче господствовать—вотъ для чего папство ввело принудительное целибатство клира къ стыду и позору человѣчества [1])

1) Преувеличенное значеніе, неправильное образованіе и кастовое распространеніе целибатства въ римской церкви имѣло естественнымъ слѣдствіемъ то, что бракъ нерѣдко былъ унижаемъ. Такъ въ ультрамонтанскомъ сочиненіи Du Mariage et du Celibat au double point de vue laique et sacerdotal. Paris 1863 p. 15—мы читаемъ: „Pour les chretiens le mariage est moins un but qu'un moyen: c'est, en un sens, la reduction du mal a sà plus simple expression.“ Православная церковь, напротивъ, всегда почитала добровольное безбрачіе, но не преувеличивала его значеніе. „Она слишкомъ была далека отъ того, чтобы безбрачную жизнь вмѣнять въ заслугу и не *предписывая ни того, ни другаго, и не обязывая ни къ чему безусловно,* она сохраняетъ средину между двумя направленіями.“ (Dr. J. Zhishman: Das Eherecht der Orientalischen Kirche. Wien 1864. S. 167.) Исидоръ Пелусіотъ, въ виду преувеличеннаго превозношенія безбрачной жизни, замѣчаетъ (Epp. III, ep. 351 ed. Parys 1638 p. 394), что добродѣтели гораздо болѣе въ томъ, чтобы бороться съ міромъ, нежели въ томъ, чтобы бѣжать отъ него. И. Златоустъ въ 46 Бесѣдѣ на Матѳ. говоритъ: „Великое значеніе имѣютъ любовь и кротость; онѣ выше, чѣмъ безбрачіе.“ И въ 63 Бесѣдѣ на Матѳ. „Господь прибавляетъ: могущій вмѣстить.... *по Своей неизреченной благости не хочетъ дѣлать* дѣвство *обязательнымъ закономъ.*“ И въ 7 Бесѣдѣ на Евр. 5, 11—13: „Если находящійся въ бракѣ не можетъ вести такой же христіанской жизни, какую можетъ вести монахъ, то все потеряно и остается лишь малое мѣсто для добродѣтели. Какъ можно было бы тогда почитать бракъ (Евр. 13, 4) *еслибы онъ былъ такимъ великимъ препятствіемъ къ добродѣтели*“... Папы рано начали грѣшить противъ этого основоположенія, которымъ всегда руководилась православная церковь, и стараться подчинить клиръ игу целибатства. Однакоже и въ самомъ Римѣ бракъ духовенства сохранялъ къ себѣ уваженіе гораздо долѣе, нежели какъ обыкновенно полагаютъ: такъ въ de Rossi's Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores. Vol. 1. Romae 1857—1861

Какое отношеніе можетъ быть тѣснѣе союза между мужемъ и женою въ христіанскомъ бракѣ? Понятіе церкви и понятіе брака взаимно себя объясняютъ. Оба суть взаимно и первообразы (Vorbilder), и отображенія (Abbilder) одно для другаго. Отсюда можно видѣть, что бракъ, имѣющій свой корень въ организмѣ церкви, долженъ быть неразрывенъ такъ же, какъ неразрывенъ союзъ между Христомъ и Его церковью. Но также и раздѣленіе тріединой организаціи церкви было бы по истинѣ прелюбодѣяніемъ. Еслибы общеніе между церковью торжествующею и воинствующею было разорвано или преграждено (какъ это сдѣлано въ протестантизмѣ), это ослабило бы, даже разрушило бы весь организмъ церкви. Посмотримъ вокругъ себя, развѣ мы не видимъ, что Богъ постоянно дѣйствуетъ на насъ черезъ нашихъ собратьевъ и даруетъ намъ Свою благодать главнымъ образомъ черезъ ихъ руки? И тѣмъ не менѣе Его рука не дѣлается короче, и Онъ не нуждается ни въ какихъ помощникахъ при своемъ дѣлѣ. Но, дѣйствуя постоянно къ сохраненію вѣры, надежды и любви въ тѣлѣ церкви Своей, Онъ дозволяетъ также и членамъ Его церкви быть посредниками въ сообщеніи Его благодати другимъ ихъ сочленамъ, дабы зданіе Его церкви скрѣплялось (vercittet werde) тѣмъ неразрывнѣе. Согласно съ сказаннымъ выражается и „православное исповѣданіе восточной церкви“ (отвѣтъ на вопросъ 52-й): „Мы имѣемъ *нужду (хріаксомеоа)* въ ихъ (святыхъ) помощи... Если мы пре-

г. мы находимъ надгробную надпись, относящуюся къ 389 г., такого рода:

Gaudentius presb. sibi et conjugi suae.
Severae castae ac sanctissimae feminae.

Между тѣмъ уже усиливалось целибатство. Но какое целибатство! Читая изображеніе Іеронима 385 г. (Amédée Thierry, St. Jerome Paris. 1867. Vol 1. pag. 187 seqq.) отворачиваемся съ омерзеніемъ. О целибатствѣ духовенства сравни достойныя вниманія слова одного изъ первыхъ католическихъ ученыхъ по церковному праву, профессора Шульте: „Reform der Romischen Kirche“ 1869. S. 115—120. Особенно S. 117: „На [этотъ] законъ римской церкви *по справедливости падаютъ всѣ непомѣрныя и безчисленныя нравственныя гнусности, которыя произошли вслѣдствіе этого закона и будутъ пятнать церковь дотолѣ, пока онъ будетъ существовать.*“

пренебрегаемъ посредничествомъ святыхъ, мы въ высшей степени прогнѣвляемъ величіе Божіе, не уважая тѣхъ, кои свято служатъ предъ Нимъ.“ Въ сравненіи съ такимъ рѣшительнымъ словомъ православной церкви, какимъ слабымъ и блѣднымъ представляется Тридентинское: „bonum atque utile esse suppliciter eos (sanctos) invocare“!

Глубокое понятіе апостола Павла о церкви находитъ свое дальнѣйшее объясненіе и дополненіе въ ученіи о первомъ и второмъ Адамѣ. Какъ первый Адамъ былъ родоначальникомъ грѣховнаго человѣчества, такъ второй Адамъ, Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, есть родоначальникъ искупленнаго человѣчества. Такимъ образомъ Богочеловѣкъ—*Искупитель* есть глава новаго рода человѣческаго, т. е. церкви. Его *безконечная искупительная заслуга* обусловливаетъ и созидаетъ (constituirt) жизнь церкви. Поэтому и оправданіе въ церкви существуетъ не вмѣняемое только (imputative), какъ утверждаютъ реформаторы, но дѣйствительное и жизненное (reale und inhaerente), потому что органическое соединеніе вѣрующаго съ источникомъ искупительныхъ заслугъ обновляетъ все его существо, такъ что онъ дѣйствительно становится новою тварью, а не представляется только такою предъ Богомъ. Если мы и въ низшей природѣ удивляемся чуднымъ силамъ магнетизма и электричества, то какъ же безконечно выше и дѣйствительнѣе (durchdringender) тотъ жизненный токъ и та жизненная сила, которыя, исходя отъ главы Христа, проникаютъ собою все таинственное тѣло Его. „Мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его“! (Ефес. 5, 30)—кто можетъ исчерпать безконечную глубину этихъ словъ!

И римская церковь ставитъ также въ связи понятіе искупительныхъ заслугъ Христовыхъ съ понятіемъ церкви, но изъ этихъ заслугъ она дѣлаетъ нѣкоторую *сокровищницу*, нѣкотораго рода денежный банкъ (Depositenbank), къ которому намѣстникъ Петра имѣетъ ключи, и изъ котораго онъ, въ виду извѣстныхъ состояній тарифа, выдѣляетъ по благоусмотрѣнію. Такое мертвое механическое пониманіе искупительныхъ заслугъ Христовыхъ въ смыслѣ папской сокровищницы благодати получаетъ еще болѣе превратный смыслъ чрезъ присоединеніе сюда *благодатной сокровищницы святыхъ*, основанной на измыш-

ленія такъ-называемыхъ *сверхдолжныхъ дѣлъ*, opera supererogatoria, въ противорѣчіе Лук. 17, 10. Папа Климентъ VI высказываетъ это ученіе слѣдующимъ образомъ: „Unigenitus Dei Filius.... thesaurum militanti ecclesiae acquisivit. Quem quidem thesaurum.... per beatum Petrum coeli clavigerum ejusque successores suos in terris vicarios commisit fidelibus salubriter dispensandum. Ad cujus quidem thesauri cumulum beatae Dei Genitricis omniumque electorum.... merito adminiculum praestare noscuntur“ 1) К. Газе справедливо говоритъ въ своей догматикѣ (S. Aufl. 1860. s. 323): „Предположеніе opera supererogationis (сверхдолжныхъ дѣлъ) основывается на низкомъ пониманіи нравственнаго закона, будто бы существуетъ опредѣленная (beschrancte), внѣшняя мѣрка для добрыхъ дѣлъ, свыше которой можетъ человѣкъ дѣлать.“ Православная церковь понимаетъ заслуги Христовы и дѣятельность членовъ церкви совсѣмъ иначе и въ болѣе живомъ смыслѣ. Искупительныя заслуги Христовы находятся въ тѣлѣ церкви въ постоянномъ обращеніи: они суть (употребляя дѣловое выраженіе) „the rolling stock,“ но не касса какая-либо, изъ которой казначей можетъ выдѣлять суммы по усмотрѣнію. Кто хочетъ участвовать въ сокровищницѣ церкви, долженъ войти въ церковный организмъ, и только соотвѣтственно своей *способности и дѣятельности онъ пользуется сокровищницею церкви, т.-е. беретъ* изъ нея, что нужно ему *для жизненной силы и Богоугодности*.

Какъ въ кооперативныхъ обществахъ всякое частное лицо получаетъ дивидендъ по мѣрѣ своего потребленія (Consums), процентная же прибыль идетъ на общее потребленіе цѣлаго общества, такъ то же самое имѣетъ мѣсто и въ церкви. Чѣмъ болѣе развивается жизнь и дѣятельность членовъ церкви, тѣмъ богаче становится церковь, но каждый отдѣльный членъ имѣ-

---

1) Т.-е. „Единородный Сынъ Божій... пріобрѣлъ воинствующей церкви сокровищницу. Эту сокровищницу.... Онъ сообщилъ черезъ блаженнаго Петра, ключаря неба и его преемниковъ викаріевъ на землѣ вѣрнымъ для спасительнаго употребленія. Для пополненія этой сокровищницы по справедливости признаются полезными пособіе блаженной Богородицы и всѣхъ избранныхъ.“

етъ сдѣсь только свою относительную долю. При этомъ нѣтъ мѣста какому-нибудь бюро для сверхдолжныхъ заслугъ и сверхдолжныхъ пріобрѣтеній. Кто скажетъ извѣстную маленькую, въ нѣсколько словъ, молитву, но-исповѣдуется и пріобщится, тотъ сразу сдѣлается богаче того, кто цѣлую жизнь свою честно трудился на своемъ мѣстѣ въ церкви. Не подрываетъ ли это всѣ основоположенія нравственности? Не устраняетъ ли это и столь необходимыя въ жизни кающагося poenae medicinales (врачебныя наказанія или епитиміи)?

Но посмотримъ на дѣло глубже. Почти всѣ римскія ученія имѣютъ нѣкоторый неправославный оттѣнокъ; но почти всѣ римскія ученія имѣютъ въ основѣ своей по крайней мѣрѣ частичку (Quentchen) истины, которая однако же, съ теченіемъ времени, до такой степени запутана, затемнена и переиначена, что является иногда превращенною до совершенной противоположности. Это патологическое явленіе объясняется только тѣмъ, что вѣрно есть въ римской системѣ какой-либо ядъ, который проникаетъ и растлѣваетъ весь ея составъ (Constitution) во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ. Этотъ ядъ есть именно римскій догматъ о папскомъ главенствѣ. Едвали есть хоть одно ученіе въ римскомъ богословіи, которое не было бы болѣе или менѣе связано съ этимъ ложнымъ догматомъ и котораго форма и образованіе не опредѣлялись бы этимъ догматомъ. Позволимъ себѣ сдѣлать пробу хоть относительно этого знаменитаго ученія о *сокровищницѣ* церкви, и прослѣдить въ немъ выходящія изъ догмата о папскомъ главенствѣ нити.

Православнымъ ученіемъ о сокровищницѣ церкви съ единымъ Распорядителемъ сокровища и Главою, отъ котораго исходитъ всякая жизнь, проникающая тѣло церкви, не могло удовлетвориться римское понятіе о духовномъ главенствѣ папы. Живая сокровищница превратилась въ какую-то замкнутую кассу, отъ которой папа имѣетъ ключи.

Такъ произошли *отпущенія*, которыхъ православная церковь до такой степени чужда, что греки присоединяющіеся къ римской церкви должны заимствовать отъ латинянъ самое имя *„индулгенсія“* (Professio Orthodoxae fidei a Graecis facienda, jussu Gregorii XIII edita Romae 1846 p. 12). Частичка истины, которая лежитъ въ основѣ этого ученія, есть тотъ фактъ, что

въ древней церкви по ходатайству мучениковъ бывали нерѣдко вполнѣ и отчасти отпускаемы кающимся *каноническія* наказанія. Церковь, (но не папа), налагавшая эти каноническія наказанія, могла ихъ также, при извѣстныхъ условіяхъ, смягчать или отпускать, въ силу данной ей власти вязять и рѣшить. Но она не дерзала простирать свою каноническую юрисдикцію за предѣлы настоящей жизни; она не дерзала къ другому міру прилагать мѣрку съ міра земнаго (die andere Welt nach der Schablone der irdischen zu modelliren). Еще папа Геласій I сказалъ на римскомъ соборѣ въ 495 г.: „Отъ насъ требуютъ давать отпущеніе и умершимъ. Но мы этого очевидно не можемъ; когда Христосъ сказалъ;“ что свяжете на земли,“ то тѣхъ, которыхъ нѣтъ болѣе *на землѣ*. Онъ предоставилъ *не человѣческому, но Своему суду*, И церковь не дерзаетъ присвоять себѣ то, чего не позволяли себѣ сами блаженные апостолы „(Mansi tom. VIII, p. 183 seq.)' Правда, римскіе богословы открываютъ себѣ нѣкоторую лазейку: они говорятъ, что отпущенія умершимъ служатъ только“ ходатайственно (per modum suffragii); напримѣръ, стодневное отпущеніе, данное извѣстному умершему, не обусловливаетъ необходимо сокращенія чистилищнаго наказанія для означеннаго индивидуума на сто дней, даже нельзя ручаться, что отпущеніе будетъ дано дѣйствительно этому лицу, а не какому-либо другому; это предоставляется на благоусмотрѣніе Божіе, какъ онъ самъ захочетъ распорядиться предлагаемою заслугою (das verbotene Verdienst). Но какъ на это посмотрѣло бы народное вѣрованіе? Еслибы вѣрующіе узнали, что (по многимъ ограниченіямъ и раздѣленіямъ богослововъ) изъ сотни христіанъ, искавшихъ получить отпущеніе, получаетъ его едва одинъ; еслибы они узнали, что отпущеніе умершему *даже не можетъ быть даваемо съ опредѣленностью* (т.-е. съ ручательствомъ въ его несомнѣнной пригодности для умершаго(—и слѣдовательно весь институтъ отпущеній (по ученію строгихъ римскихъ богослововъ) едвали не есть чистая иллюзія; еслибы (говоримъ мы) вѣрующіе узнали это,—стали бы они тогда съ такимъ усердіемъ пріобрѣтать отпущенія, въ особенности дешевыя отпущенія? Былъ ли бы тогда знаменитый римскій сборникъ отпущеній (raccolta) предметомъ такихъ желаній и исканій? Но народу этого не

объясняютъ, не находятъ нужнымъ, чтобы народная вѣра соотвѣтствовала церковной. Поэтому, даже въ Римѣ, передъ глазами папы, производятся по истинѣ ужасныя продѣлки съ отпущеніями. Я видѣлъ въ Римѣ своими собственными глазами прибитую папскую индульгенцію, которая почитателямъ *бамбино* (деревянной спеленатой куклы (Wickelpuppe) извѣстной родильницамъ) даетъ совершенное отпущеніе. Кто не знаетъ также находящихся въ Римѣ почти въ каждой церкви *привиллегированныхъ алтарей*, которыхъ привиллегія состоитъ въ томъ, что при каждой жертвѣ, на нихъ приносимой, по одной душѣ освобождается изъ чистилища? Не значитъ ли это спекулировать насчетъ кармана легковѣрныхъ? Что скажутъ богословы объ этомъ *благочестивомъ обманѣ*, который распространяется и питается въ Римѣ—*потому что онъ укрѣпляетъ силу верховной папской власти!?* Римъ—этотъ правовѣрный и твердый по вѣрѣ Римъ!—воспитываетъ въ своихъ стѣнахъ, съ высшаго дозволенія главы церкви, такой скандалъ, который его собственными богословами, даже папами, былъ осужденъ, но тѣмъ не менѣе спокойно продолжается доселѣ. Докторъ Маннингъ, архіепископъ вестминстерскій, говоритъ („The Reunion of Christendom“ p. 65): „Присутствіе и помощь Святаго Духа, сохраняющія церковь чистою въ области вѣры и нравственности, даютъ ей нѣкоторый инстинктъ и способность различенія (Unterscheidungsvermögen) въ отношеніи культа, ученія, практики и обычаевъ. Мы можемъ быть увѣрены, что все, что распространяется въ церкви, *передъ глазами ея законной власти*, что дѣлается въ народѣ и не осуждается пастырями, находится въ соотвѣтствіи съ вѣрою и въ нравственномъ отношеніи—невинно. „Что архіепископъ Маннингъ, столь многіе годы проведшій въ Римѣ, могъ сказать это смѣло, не покраснѣвъ отъ стыда,—это показываетъ намъ ясно, что можетъ сдѣлать изъ человѣка римская дрессировка. Архіепископъ Маннингъ, конечно, часто бывалъ въ старой и знаменитой церкви св. Пуденція и Пуденціаны; и, безъ сомнѣнія, онъ читалъ также находящуюся тамъ на хорахъ невдалекѣ отъ главнаго алтаря надпись, которую я въ 1852 г. списалъ въ Римѣ и здѣсь представляю благочестію моихъ читателей съ дипломатическою точностью. Надпись эта существуетъ на латинскомъ

языкѣ (на сѣверной стѣнѣ) и на итальянскомъ (на южной) гласитъ:

In hac omnium ecclesiarum urbis votustissima olim domo S. Pudentis
Senatoris, patris SS. Novatii et Timothei, et SS. Pudentianæ et Praxedis Virg.
Fuit SS. Apostolorum Petri et Pauli hospitium primum, ad martyrum
Et christianorum baptismum, et ad missas sacramque sinaxim, sub altare
Iacent tria millia corpora SS. Martirum, et copiosus Sanctorum sanguis;
Visitantes hanc ecclesiam singulis diebus consequuntur indulgentiam, trium
Millium annorum et remissionem tertiæ partis peccatorum suorum, aliasque
Quam plurimas, et præsertim in die stationis quæ est feria tertia
Post tertiam dominicam quadragesimæ et in testis SS. Pudentis et Pudentianæ 1).

Я не хочу здѣсь говорить о невозможности того, чтобы *три тысячи* мучениковъ покоились подъ алтаремъ. Конечно, если церковь св. Урсулы въ Кельнѣ вмѣщаетъ въ себѣ *одиннадцать тысячъ* мученицъ дѣвъ—(можно представить себѣ на одномъ мѣстѣ сонмъ 11,000 дѣвъ!),—то римскому преданію легко можно вѣрить. Трудность заключается собственно въ *трехтысячелѣтнемъ* отпущеніи, которое можно заслуживать ежедневно, если посѣщать церковь. Но не папа ли Бенедиктъ XIV (De Synodo dioecesana lib. 13. cap. 18 n. 9) и декретъ 18 сентября 1669 г. призналъ всѣ отпущенія на тысячу и болѣе лѣтъ *незаконными*? Слѣдовательно *„передъ глазами законной власти,“ передъ глазами самаго папы* народъ

1) Т.-е.: „Въ этомъ, самомъ древнемъ изъ всѣхъ храмовъ города, бывшемъ нѣкогда домѣ св. Пуденція сенатора отца св. Новація и Тимоѳея, и святыхъ Пуденціаны и дѣвицы Пракседы, (гдѣ) было первое пристанище святыхъ апостоловъ Петра и Павла, для крещенія мучениковъ и христіанъ и для совершенія божественной литургіи,—подъ алтаремъ лежатъ три тысячи тѣлъ св. мучениковъ и (пролита) обильная кровь святыхъ. Посѣщающіе сію церковь каждодневно получаютъ индульгенцію на три тысячи лѣтъ и (отпущенія), и особенно въ день стоянія, который есть третій день послѣ третьяго воскресенья Четыредесятницы и въ праздникъ святыхъ Пуденція и Пуденціаны.“

обманывают, по приказу самаго папы обманывают! По Өомѣ Аквинату, должно существовать отношеніе между отпущеніемъ и потребными для его полученія дѣлами. Но какъ мало имѣла приложенія эта теорія, показываетъ бѣглый взглядъ на формулу молитвы, съ которою соединяются отпущенія. Какъ мало былъ вѣренъ своей теоріи и самъ Өома Аквинатъ, мы видимъ изъ его Summa Suppl. quaest. 25. art. 2: „In arbitrio dantis indulgentiam est taxare, quantum de poena remittatur. Si tamen inordinate remitat, ita quod homines quasi pro nihilo ab operibus poenitentiae revocentur, peccat faciens tales indulgentias, nihilominus quis plenam indulgentiam consequitur“ [1]).

Какъ отпущеніе служитъ могущественнымъ орудіемъ для возвышенія папской власти, такъ и *чистилище* составляетъ не менѣе богатое средство для возвышенія власти папы и клира и для наполненія ихъ кармана. Православная церковь какъ не знаетъ никакого отпущенія, такъ не знаетъ и чистилища въ папскомъ смыслѣ. То правда, что и римскій католикъ, говоря строго, обязывается признавать только *нѣкоторое состояніе очищенія,* безъ всякаго болѣе частнаго опредѣленія мѣстности или наказанія, такъ что разница между такимъ признаніемъ и православнымъ является какъ будто не столь значительною. Но главное различіе между обѣими церквами состоитъ здѣсь въ томъ, что римская церковь послѣ разрѣшенія (грѣховъ въ покаяніи) признаетъ нужными еще poenae vindicativae (наказанія карательныя или возмездныя), православная же церковь налагаетъ только poenae medicinales (наказанія врачебныя—епитиміи). Поэтому въ православной церкви нѣтъ мѣста отпускамъ, потому что отпускать poenae medicinales—значило бы противорѣчить существу ихъ [2]).

---

1) Т.-е: „Отъ воли дающаго индульгенцію зависитъ опредѣлить (положить таксу—taxare), сколько наказанія должно быть отпущено. Однако еслибы отпущено было несоразмѣрно, такъ что для людей какъ бы ничего не значили дѣла покаянія, тогда грѣшитъ дающій такую индульгенцію, *тѣмъ не менѣе тотъ, кто получаетъ полную индульгенцію.*“

2) Для незнакомыхъ обстоятельно съ особенностями латинскаго ученія о таинствѣ покаянія и оправданіи людей предъ Богомъ замѣтимъ вкороткѣ, что, по латинскимъ понятіямъ, при таинствѣ

Православная церковь никогда не домогалась знать о состояніи душъ, отшедшихъ въ вѣрѣ и любви, но не успѣвшихъ здѣсь принести достойныхъ плодовъ покаянія, болѣе, нежели сколько знала объ этомъ древняя церковь. Безъ сомнѣнія, и намѣреніе Божіе таково, что мы не должны знать объ этомъ болѣе, иначе намъ было бы болѣе открыто. Но человѣческое любопытство естественно пыталось приподнять этотъ покровъ. Уже язычники

покаянія, кромѣ сокрушенія о грѣхахъ, устной исповѣди ихъ и рѣшимости исправить свою жизнь, требуется еще удовлетвореніе за сдѣланные грѣхи (satisfactio), въ точности соотвѣтствующее количеству и качеству грѣховъ. Это удовлетвореніе считается столько необходимымъ, что безъ него Богъ какъ будто не можетъ простить грѣховъ кающемуся грѣшнику. Отсюда происходитъ различіе въ значеніи *епитимій* въ латинской и въ православной церкви. Въ православной церкви епитиміи имѣютъ значеніе *врачебное и исправительное* (суть poenae medicinales). Онѣ признаются нужными не для Бога, который конечно и безъ всякой епитиміи можетъ простить кающемуся грѣхи; онѣ нужны собственно для самаго кающагося, чтобы успокоить его возмущенную совѣсть и помочь ему преодолѣть грѣховныя привычки, или въ особенныхъ случаяхъ онѣ нужны для удовлетворенія совѣсти общества церковнаго, возмущеннаго какимъ-нибудь большимъ и открытымъ беззаконіемъ. Въ латинской же церкви епитиміи признаются нужными для самаго Бога — для удовлетворенія правосудія божественнаго; безъ нихъ Богъ какъ будто не можетъ простить грѣхи человѣку. За каждый сдѣланный грѣхъ человѣкъ долженъ дать удовлетвореніе — понести епитимію, и эта епитимія должна въ точности соотвѣтствовать степени, качеству и количеству случаевъ грѣха. Такимъ образомъ епитиміи имѣютъ здѣсь въ собственномъ смыслѣ значеніе *возмездія и кары, необходимаго наказанія* за грѣхъ poenae vindicativae). Въ ближайшей связи съ этимъ находятся и латинскія ученія о чистилищѣ и индульгенціяхъ. Кто не успѣлъ въ продолженіи жизни принести соотвѣтствующаго удовлетворенія за каждый грѣхъ (а кто же и можетъ принести удовлетвореніе за каждый грѣхъ?) тотъ долженъ дать возмездіе за это соотвѣтствующею мѣрою мученій въ чистилищѣ. А кто хочетъ избавиться, или кого близкіе ему люди хотятъ избавить отъ выполненія извѣстнаго количества удовлетвореній при жизни, или отъ соотвѣтствующихъ имъ мученій въ чистилищѣ, тотъ можетъ (или для того могутъ его ближніе) изъ запасной *сокровищницы сверхдолжныхъ дѣлъ*, совершенныхъ другими людьми и находящихся въ распоряженіи главы церкви — папы, заимствовать потребное ему количество добрыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ отъ слѣдующихъ ему наказаній

имѣли свое чистилище. Виргилій воспѣваетъ (Aeneide VI, 733—743):

Hinc metuunt cupiuntque, dolent gaudentque, neque auras
Dispiciunt, clausæ tenebris et carcere caeco.
Quin et supremo quum lumine vita reliquit,
Non tamen omne malum miseris, nec funditus omnes
Corporeæ excedunt pestes; penitusque necesse est
Multa diu concreta modis inolescere miris.
Ergo exercentur poenis, veterumque malorum
Supplicia expendunt. Aliæ panduntur inanes
Suspensæ ad ventos; aliis sub gurgite vasto
Infectum eluitur scelus, aut exuritur igni
Quisque suos patimur Manes 1).

Іудеи также имѣли свое состояніе очищенія. Докторъ А. Гейгеръ замѣчаетъ zu Sanhedrin 10, 1—3): „по мнѣнію однихъ преступныя души двѣнадцать мѣсяцевъ, а по другимъ отъ пасхи до недѣльнаго праздника, пребываютъ въ аду (Gehinnom), откуда онѣ и выходятъ очищенныя." Но какъ равины, такъ и нѣкоторые изъ отцевъ церкви признавали мѣстопребываніемъ вѣрующихъ, умершихъ съ нѣкоторыми легкими пороками, *адъ* (Hölle), гдѣ они пребываютъ дотолѣ, пока не избавитъ ихъ Богъ 2). При этомъ не должно забывать, что іудеи дѣлили

откупиться чужими заслугами. Отсюда индульгенціи. Онѣ именно первоначально имѣли значеніе *отпущеній* только *наказаній за грѣхи*, а не самыхъ грѣховъ. Но потомъ народное суевѣріе и злоупотребленія корыстнаго западнаго духовенства придали индульгенціямъ значеніе *отпущеній самыхъ грѣховъ* и довели употребленіе ихъ до самаго крайняго безобразія. *Ред.*

1) Т. е.: „Здѣсь страшатся и страстно желаютъ, скорбятъ и жалуются, и не видятъ прохлады (души), заключенныя во тьмѣ и мрачной темницѣ. Хотя жизнь и оставила съ послѣдней вспышкой, однако не все зло, и все тѣлесныя язвы закрылись у бѣдныхъ; и многія давно совершенно заросшія нарастаювъ удивительнымъ образомъ и такъ онѣ упражняются въ наказаніяхъ, и расплачиваются мученіями за старые грѣхи. Иныя бѣдныя повѣшенныя качаются по вѣтру; у иныхъ надъ широкою пучиною омывается отвратительное злодѣяніе, или выжигается огнемъ.

2) И римляне знаютъ это воззрѣніе. Кардиналъ de Gotti (De purgatorio) говоритъ: „наказаніе чистилища есть временное и служащее къ удовлетворенію (за грѣхи); въ одномъ и томъ же мѣстѣ могутъ существовать души, къ какому бы наказанію онѣ ни были присуждены—подобно тому, какъ въ одной и той же

адъ (равно какъ и небо) на семь отдѣленій или палатъ, и только седьмому отдѣленію принадлежали души на вѣки осужденныхъ. Что іудеи признавали также и вѣчныя мученія ада, доказываетъ Thoss. Sanhedr. cp. 13 (b. Rosch ha-Schanah 17 a). Дальнѣйшія указанія на іудейское чистилище въ книгахъ Nischmath Chajim, Ialkut Chadasch, Emek hammelech, Ialkut Rubenii и проч. можно прочитать у Ейзенменгера въ его „Entdecktes Iudenthum“ 2 Theil. s. 337—339. Можно также сравнить „Das Iudenthum in seinen,Gebeten Gebräuchen,Gesetzen und Ceremonien“von Bonaventura Mayer. Regensburg. 1843. S. 500.

Такъ накоплялся матеріалъ для спекуляціи любопытныхъ христіанъ. Уже въ видѣніи башни въ „Пастырѣ‘, Ермы находится такого рода спекуляція. Въ „Строматахъ“ Климента Александрійскаго были положены начала для Оригенова ученія, которое было торжественно отвергнуто церковью. Вскорѣ послѣ того образовалъ Манесъ свое ученіе о чистилищѣ. Въ то же время учили и сивилины книги о нѣкоторомъ очистительномъ огнѣ. Этого было достаточно, чтобы занять досужія головы и породить всевозможныя воззрѣнія, которыя вскорѣ приняли форму сновидѣній, видѣній и откровеній. Къ сожалѣнію, былъ великій и вполнѣ достойный уваженія папа, который весьма большое значеніе придавалъ этимъ видѣніямъ и откровеніямъ, и такимъ образомъ прямо полагалъ основаніе римскому чистилищу, именно Григорій Великій. Григорій изображаетъ короля Теодориха кипящимъ въ котлѣ во внутренности Этны. Вообще Этна является по преимуществу горою чистилища. Другіе страшные и мрачные разсказы о чистилищѣ у Григорія, напримѣръ, о Стефанѣ, объ отлученныхъ бенедиктинскихъ монахиняхъ, о Пасхазіѣ и т. д. можно прочитать въ L. de Sanctis „Il purgatorio. Saggio domnatico—storico“ Turin 1861. p. 77 seqq.

Греческая церковь, непоколебимо утверждающаяся на древнемъ ученіи; уже на пятомъ вселенскомъ соборѣ осудила ученіе

тюрьмѣ могутъ находиться два узника, изъ котарыхъ одинъ приговоренъ къ наказанію вѣчному (perpetuæ poenæ), другой къ временному (temporariæ), одинъ достоинъ помилованія, другой повиненъ смерти“.

чистилищѣ, какъ заблужденіе Оригена). Но въ VIII столѣтіи одинъ обманщикъ, ложно присвоившій себѣ имя Іоанна Дамаскина, разглашаетъ видѣнія, подобныя видѣніямъ Григорія, чтобы ввести ученіе о числищѣ и въ греческой церкви. Этотъ мнимый Іоаннъ Дамаскинъ повторяетъ тоже, что уже говорили біографы Григорія, діаконы Іоаннъ и Павелъ при описаніи жизни этого папы. Разсказывается, напр., что однажды, когда Григорій гулялъ по площади Траяна, ему пришло на мысль помолиться за душу этого государя. Тогда онъ услышалъ голосъ съ неба, который сказалъ ему: „на этотъ разъ я услышалъ тебя, но на будущее время я тебѣ запрещаю молиться за злодѣевъ.“ *Освобожденіе Траяна изъ ада* дѣйствительно признано было великимъ римскимъ святымъ и знаменитымъ богословомъ Ѳомою Аквинскимъ и подтверждено откровеніями прославленныхъ римскихъ святыхъ Бригитты и Матильды. Что скажутъ объ этомъ католическіе *догматики*, въ особенности въ Германіи?! De sanctis справедливо прибавляетъ: „и такими исторійками хотѣли склонить греческую церковь къ принятію ученія о чистилищѣ, но она оставалась тверда и никогда не хотѣла признавать его.“

„Между тѣмъ въ церкви латинской день ото-дня все умножались видѣнія и явленія душъ. Одинъ фанатикъ обнародовалъ отъ себя цѣлое собраніе ихъ; такимъ образомъ ученіе о чистилищѣ пустило глубокіе корни. Въ десятомъ вѣкѣ много было книгъ, наполненныхъ легендами о видѣніяхъ и явленіяхъ, относящихся до чистилища. Іезуитъ Карлъ Григорій Россиньоли представилъ собраніе такихъ легендъ въ своей книгѣ: „Чудо Божіе съ душами въ чистилищѣ“ (Meraviglie di Dio nelle anime del purgatorio). Эта книга была отпечатана во многихъ городахъ Италіи и читалась съ позволенія церковныхъ властей.

Есть двѣ церкви въ Римѣ, которыя, хотя оффиціально носятъ другія названія, однако въ дѣйствительности и по убѣжденію народа, нисколько не опровергаемому духовенствомъ, посвящены душамъ въ чистилищѣ. Одна—церковь „della Morte“ (смерти), другая—церковь „del Suffragio“ (заступленія), обѣ находятся въ Via Giulia. Въ этихъ церквахъ можно ви-

дѣть много нарисованныхъ и вырѣзанныхъ фигуръ, представляющихъ души въ состояніи очищенія.... Въ находящихся при этихъ церквахъ ораторіяхъ я видѣлъ стѣны, покрытыя фресками, *которыя представляютъ чудеса, совершаемыя душами въ чистилищѣ въ пользу преданныхъ имъ христіанъ (!!).* Вѣрованіе, что души въ чистилищѣ могутъ совершать чудеса въ пользу имъ преданныхъ, такъ глубоко укоренено въ народѣ, что еслибы кто дерзнулъ усомниться въ этомъ ученіи, тотъ прослылъ бы за еретика. *И все это происходитъ въ Римѣ, предъ глазами папы; и онъ видитъ это и не препятствуетъ этому....* Кто хочетъ убѣдиться въ томъ, что папа самъ покровительствуетъ такимъ суевѣріямъ, пусть прочитаетъ проповѣдь о чистилищѣ Леонардо-да-порто Мавризіо. Онъ признанъ святымъ, и сочиненія его торжественно одобрены папою."

Либеральные католики скажутъ: все это—злоупотребленіе и суевѣріе, но не церковное ученіе. Однакожъ такъ просто объяснить дѣла нельзя. Архіепископъ Маннингъ совершенно вѣрно полагаетъ, что воззрѣнія и обычаи, которые публично распространяются передъ глазами церковной власти, не могутъ быть неправильными и вредными. Теоретическое церковное ученіе и практическая жизнь въ церкви взаимно себя объясняютъ и дополняютъ. Конечно, практическая жизнь въ римской церкви выходитъ по большей части далеко за предѣлы догматическаго ученія, но она не порицается ни папою, ни епископами, а скорѣе поддерживается ихъ дозволеніемъ и одобреніемъ. *Вотъ какъ образовывалось римское преданіе!* Какое-нибудь воззрѣніе или обычай чрезъ столѣтнюю практику проникали въ жизнь народа, дѣлались преданіемъ; а сдѣлавшись преданіемъ, переходили въ догматическое ученіе. Книги легендъ, пѣсней, молитвъ и поученій разсѣявали сѣмена, которыя черезъ нѣсколько поколѣній являлись уже въ полномъ цвѣту. Потомъ принимались за дѣло богословы, старались подыскать для извѣстнаго ученія или обычая приличныя основанія, построяли по этому поводу цѣлыя теоріи, писали цѣлыя системы. Наконецъ самъ папа ссылался на (citirt) Святаго Духа за тѣмъ, чтобы Онъ ратификовалъ его догматъ! Такъ слагался въ Римѣ догматъ.

Православная церковь знаетъ только *два мѣста,* куда от-

одятъ умирающіе—небо и адъ. Но она знаетъ *три состоянія*: 1) состояніе „праведныхъ, заслуживающихъ награду"; 2) состояніе „тѣхъ, которые еще ни прославляются, ни наказываются" и 3) состояніе „тѣхъ, которые за свои грѣхи терпятъ вѣчное наказаніе" [1]). Если иногда говорится, что вѣрующіе, умершіе въ вѣрѣ и любви, но не освободившіеся отъ малыхъ проступковъ, идутъ въ адъ, мы, конечно, должны разумѣть при этомъ адъ въ широкомъ смыслѣ. По существу же эти *не лишенные надежды избавленія* (erlöozungsfähigen), мертвые стоятъ гораздо ближе къ праведнымъ, нежели къ осужденнымъ *безъ надежды избавленія* (erlösunsunfähigen). Богъ перестаяъ бы быть праведнымъ, еслибы онъ неспособныхъ къ избавленію избавлялъ, или способныхъ къ избавленію предавалъ вѣчному осужденію. Богъ—не властитель, дѣйствующій по произволу, не управляемому никакими законами. Онъ имѣетъ границы *въ Самомъ Себѣ, въ Своей сущности,* такъ что все, чѣмъ нарушалась бы, напр., Его правда и святость, для него невозможно. Еслибы Богъ осужденныхъ на вѣки, могъ избавлять, тогда было бы совершенно возможнымъ Оригеново *„апокатастасистон пантон"* и церковь никогда не могла бы осудить его. Еслибы съ другой стороны Богъ умершихъ въ вѣрѣ и любви могъ осуждать на вѣки, онъ долженъ былъ бы самъ первый *погашать (!)* искры вѣры и любви въ душахъ умершихъ—что думать было бы богохульнымъ безуміемъ. Я считалъ нужнымъ объ этомъ пунктѣ сказать подробнѣе, такъ какъ извѣстное мѣсто Ѳеофилакта (на Лук. 12, 5), приводимое и Петромъ Могилою, можетъ по своей неясности подать поводъ къ недоразумѣніямъ, которыя противорѣчатъ понятію о существѣ Божіемъ, и ученію другихъ

1) Въ подтвержденіе своего мнѣнія о трояномъ состояніи душъ по смерти авторъ ссылается на слова св. Григорія Нисскаго въ его рѣчи de babtismo. Но авторъ забываетъ, что эти слова никогда не признавались въ восточной церкви за общее выраженіе церковнаго вѣрованія, а всегда принимались за частное мнѣніе св. отца. У большинства же православныхъ учителей и въ символическихъ книгахъ православной церкви говорится только о двухъ состояніяхъ душъ по смерти, хотя и съ безконечно разнообразными степенями блаженства или страданія (см. православ. исповѣд. Петра Могилы, отвѣтъ на вопросъ 14-й догм. Богосл. преосв. Макарія, т. 1. § 2581). Ред.

православныхъ отцевъ. За вѣчно осужденныхъ *мы не имѣемъ права молиться*, потому что „помочь имъ, какъ говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ, нельзя никакимъ образомъ".

Истинная церковь Христова—единая и только единая; всякая, которая учитъ другой вѣрѣ, не есть истинная церковь и не можетъ быть частью ея. Это понятно само собою и зависитъ отъ исключительнаго характера истины. Въ томъ нѣтъ дерзости или недостатка любви, если истина исключаетъ неистину, точно такъ же, какъ нельзя упрекать свѣтъ въ недостаткѣ любви за то, что имъ исключается мракъ. Исключительность—это природа истины. Но церковь, учрежденная Христомъ, есть „столпъ и утвержденіе истины." Поэтому истинная каѳолическая церковь называется „православною", такъ какъ она только одна даетъ истину. Но теперь мы должны предположить что-либо одно изъ двухъ: или истинная церковь Христова въ томъ смыслѣ, какъ описываетъ ее апостолъ, раздроблена на части, и частицы истины разсѣяны по всему міру, такъ что мы можемъ только *искать* христіанскую истину не смѣя съ увѣренностію надѣяться, что *найдемъ* ее,—или, же истинная церковь Христова существуетъ видимо и осязательно въ опредѣленной формѣ, каковою и должна быть та церковь, которую не одолѣютъ врата ада и въ которой духъ истины будетъ присутствовать до скончанія вѣка. Православная церковь утверждаетъ это послѣднее; поэтому, она занимаетъ въ христіанскомъ мірѣ положеніе *единственно православной т. е. единственно истинной церкви Христовой, такъ что она одна только знаетъ цѣлую и полную христіанскую истину и ничему не учитъ, кромѣ истины*; всѣ же прочія христіанскія церкви уклонились болѣе или менѣе отъ этой истины и, слѣдовательно, отдѣлились отъ таинственнаго тѣла Христова, которое есть церковь. Само собою разумѣется, что этимъ православная церковь нисколько не осуждаетъ тѣхъ, которые живутъ въ заблужденіи, но сами въ немъ невиновны. Она даже полагаетъ, что многіе implicite принадлежатъ къ православной церкви изъ тѣхъ, которые ее не знаютъ, и по незнанію даже борятся съ нею. И такъ какъ истина, по природѣ своей, спасительна, то и церковь истинная должна быть церковью спасающею. Выводы римской церкви въ этомъ отношеніи совершенно такіе

же, какіе и православной; и мы нисколько не нападаемъ на эти ея выводы, напротивъ, мы находимъ въ нихъ прямое средство къ взаимному соглашенію. Тамъ, гдѣ протестантъ еще не возвысился надъ скептическимъ вопросомъ: „что есть истина?!"—тамъ трудно что нибудь сдѣлать для соглашенія. Но тамъ, гдѣ православное: „наша только есть истинная церковь" противополагается римскому: „наша только есть истинная церковь"—тамъ существуетъ для обѣихъ сторонъ твердая почва. Тамъ, гдѣ римская и православная церкви могутъ сказать единодушно: „мы были до девятаго вѣка единою, святою каѳолическою и апостольскою церковью, мы были церковью христіанскаго міра, при безпорномъ обладаніи вселенскимъ господствомъ"—тамъ, надо полагать, соглашеніе было бы не такъ трудно. Конечно (въ раздѣленіи церквей) человѣческія страсти и политическое соперничество играли дурную игру, они усиливали разрывъ и дѣлали его день отъ дня неисцѣльнѣе. Папа Иннокентій III говоритъ о греческой церкви: „quae in Latinis non nisi perditionis exempla et opera tenebrarum aspexit, ut jam merito illos abhorreat plus quam canes [1])." Въ посланіи къ Бонифацію Монтферратъ. 1205 г. De Brequigni, Epist. Innoc. III lib. 8 ep. 133 tom. 2, p. 769). И уже въ XI вѣкѣ греки были ненавидимы латинами болѣе, чѣмъ мусульмане [2]). Но всѣ эти отношенія непріязни, конечно, сгладились бы и остались бы только достояніемъ исторіи, еслибы въ самомъ устройствѣ римской церкви не продолжалъ жить злой врагъ; этотъ злой врагъ — есть именно папское главенство. Православная церковь ненавидитъ папское главенство, какъ *ложь, вкравшуюся* въ католическую истину. Папская церковь, поэтому, также ненавидитъ православныхъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ. И ненависть римлянъ къ православнымъ до такой степени глубока, что даже свободномыслящіе между ними охотнѣе протягиваютъ

---

1) Т. е. что „она въ латинцахъ не видитъ ничего, кромѣ погибельныхъ примѣровъ и темныхъ дѣлъ,—такъ что по справедливости гнушается ими хуже, чѣмъ собаками". Это сказано папою по поводу неистовствъ крестоносцевъ въ Константинополѣ въ 1204 г.

2) См. Somma della Storia di Sicilia di Niccolo Palmeri. Palermo, 1850, pag. 189.

руку протестантизму, нежели возвращаются въ православіе. Но теперь, когда въ римско-католической церкви обнаруживается столь знаменательный переворотъ, теперь, когда само папское главенство становится для многихъ камнемъ претыканія, теперь, когда уже развернутъ списокъ грѣховъ папскаго преобладанія и нужно ступить только шагъ далѣе, чтобы раскрыть и темное происхожденіе папской супрематіи,—теперь, кажется, наступило время, когда съ глазъ римлянъ должно упасть густое покрывало предразсудковъ, и они съ любовію должны обратить свои взоры на церковь, отъ которой ихъ предкамъ никогда бы не слѣдовало отдѣляться. Было время, когда всякое слово православнаго или оставалось (на западѣ) никѣмъ не услышаннымъ, или было встрѣчаемо насмѣшкою и презрѣніемъ. Но теперь православный можетъ по крайней мѣрѣ говорить и разсчитывать на нѣкоторое безпристрастіе (Unparteillichkeit). Теперь онъ можетъ приводить свои основанія и не имѣетъ нужды опасаться, что его осудятъ indicta causa (неизвѣстно за что). Разумѣется, мы не желаемъ, чтобы римляне слѣпо соглашались съ нами; мы не желаемъ ни въ какомъ случаѣ допускать папскаго подчиненія въ нашей церкви: единственное, чего мы желаемъ, это: „выслушайте насъ и потомъ судите сами!“ Если православную церковь осмѣиваютъ, какъ мертвое, неподвижное, оцѣпенѣлое явленіе, то это значитъ только, что ее не знаютъ. Если открываютъ въ ней (что касается человѣческаго элемента въ церкви), пятна и несовершенства, мы охотно согласимся признать ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы желали бы пригласить порицателей присоединиться къ намъ, чтобы потрудиться вмѣстѣ для приведенія несовершеннаго къ совершенству. Если православную церковь изслѣдуютъ и сравнятъ ее съ римскою и протестантскою, то найдутъ, что въ римской церкви—*авторитетъ безъ свободы*, въ протестантской *свобода безъ авторитета*, въ православной же *авторитетъ съ свободою*, т. е. законное и правое, богоугодное соединеніе авторитета и свободы.

Римская церковь думала тѣмъ утвердить единство церкви, что къ божественному зданію приставила человѣческую главу. Эта человѣческая глава (папа) хотя должна была только представлять въ качествѣ намѣстника (stellvertretend darstellen) Божественную Главу (І. Христа), однако она до такой степени

глубоко вросла въ тѣло церкви, что одинъ испанецъ въ недавнее время не безъ основанія сказалъ: „Нѣкогда папа былъ викаріемъ Христа, теперь же Христосъ викарій папы.“ Мы знаемъ попытки доказать папство съ библейской и исторической точки зрѣнія, какъ божественное учрежденіе. Эти попытки были тысячу разъ съ самыхъ различныхъ сторонъ и самымъ поразительнымъ образомъ опровергаемы; но что же выходило отсюда? Всякій оставался при своемъ мнѣніи; и Римъ становился все гордѣе и высокомѣрнѣе, чѣмъ прежде. Онъ упорно расширялъ свое могущество, переходилъ отъ притязанія къ притязанію, до тѣхъ поръ... пока „положили еще одну соломенку на спину верблюда—и спина верблюда переломилась!“ Такова старая и однакожъ всегда новая исторія богопротивнаго деспотизма и тиранніи. Папа который еще нѣсколько лѣтъ назадъ, въ силу одной собственной верховной власти, *предполагая* (anticipiren) *уже свою непогрѣшимость*, возвелъ въ догматъ непорочное зачатіе Маріи,—этотъ папа *ради формальности* захотѣлъ теперь эту уже *практически* признанную непогрѣшимость 1) провозгласить положительно (thetisch) теоретически. И дальновидный іезуитъ никакъ не могъ ожидать, чтобы такой *пустой формальный вопросъ* могъ поднять бурю, и не бурю „въ стаканѣ воды“, но бурю во всей римско-католической церкви, отъ одного ея конца до другаго. Іезуитъ сложилъ въ изумленіи руки и обратился къ бунтовщикамъ съ вопросомъ: „Будто же вы не желаете принять охотно и безпрекословно этотъ последній догматъ изъ рукъ папы?“ Бунтовщики съ большею, или меньшею выразительностію, отвѣчали: когда мы *спали*, злой врагъ посѣялъ на полѣ плевелы. Когда же мы пробудились, протерли наши глаза и взглянули прямо на монету, которую

1) Въ папскомъ бреве относительно непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы значится: „Deiparae,.. in sua conceptione de teterrimo humani generis hoste victoriam..: Pius IX Pontifex Maximus totius Eclesiae votis annuens statuit supremo suo atque infallibili oraculo solemnifter proclamare (т. е. Пій IX великій первосвященникъ, соизволяя на желанія всей церкви, постановилъ *своимъ высочайшимъ и непогрѣшимымъ приговоромъ* торжественно провозгласить побѣду Богородицы въ ея зачатіи надъ злѣйшимъ врагомъ человѣческаго рода). См. Гергенретера Anti-Janus, 161 Note.

всунулъ (gedruckt) намъ въ руку папа, мы увидѣли, что это были фальшивыя деньги, и бросаемъ ихъ ему подъ ноги." Іезуиты торжествовали, когда послѣдній догматъ во всей римско-католической церкви былъ принятъ безъ возраженій; они заключили (конечно очень поспѣшно), что молчаніе есть знакъ согласія (tacitus consensus). Теперь они видятъ нѣчто иное; теперь они видятъ, что, вопреки римскому произволу, папѣ спокойно можно говорить все, никого этимъ особенно не смущая. Теперь они видятъ, что всеобщность (Katholicität) вѣры въ непорочное зачатіе чрезвычайно съуживается (zusammenschrumpft). Теперь же, къ своему ужасу, они видятъ, что папу вовсе не такъ обоготворяютъ, какъ хотѣлось бы іезуитизму для достиженія его цѣлей; что на него едва не смотрятъ, какъ на обыкновеннаго смертнаго. Конечно, іезуитъ противнику непогрѣшимости съ полнымъ правомъ указываетъ на то, что послѣдовательно онъ (противникъ непогрѣшимости) долженъ отвергнуть *и главенство папы, какъ божественное учрежденіе*, или—что тоже—долженъ признать, что въ римско-католической церкви, какъ она существуетъ со времени отдѣленія ея отъ православной, нѣтъ мѣста для этого главенсва. Но если іезуитъ указываетъ на это затѣмъ, чтобы запугать либеральнаго католика, то и мы съ своей стороны укажемъ на это затѣмъ, чтобы ободрить его,—воспользуемся указаніемъ іезуита и изслѣдуемъ основанія папскаго главенства прямо и строго. Мы твердо увѣрены, что либеральный католикъ скоро увидитъ всю пустоту и неосновательность папскихъ притязаній.

Извѣстно, что попытка основать на нѣкоторыхъ мѣстахъ новаго завѣта ученіе о божественномъ установленіи Петрова первенства, т. е. папскаго главенства, рѣшительно не находитъ себѣ опоры въ согласномъ или по крайней мѣрѣ преобладающемъ преданіи древнихъ отцевъ, какъ этого требовало бы основное правило правильнаго каѳолическаго толкованія библіи. И однакожъ кто же могъ бы и долженъ бы знать лучше о томъ, въ какомъ смыслѣ Господь и апостолы Его употребляли свои слова, какъ не ихъ собственные ученики и послѣдователи? Впрочемъ, благодаря недавнему потрясенію папства и соединенной съ нимъ реакціи, которая вызвала болѣе свободный безпристрастный взглядъ, въ этомъ отношеніи уже замѣтенъ поворотъ

къ лучшему. Между тѣмъ какъ *одобренный папою* переводъ библіи Алліоли толкуетъ еще извѣстное мѣсто Мат. 16, 18, въ духѣ ученія о первенствѣ апостола Петра и его преемника, римскаго епископа, и прибавляетъ: „такъ учили всѣ святые отцы!" (хотя большая часть ихъ учила совершенно наоборотъ),— вотъ что пишетъ докторъ Ланге въ послѣднее время (Bonner Theologisches Literaturblatt Nr. 1870): „что нѣкоторые отцы церкви мѣсто Мат. 16, 18 толковали такъ, что Христосъ обѣщалъ основать свою церковь на вѣрѣ, на исповѣданіи Петра, это *должно быть признано за несомнѣнное*. Св. Кириллъ Александрійскій въ своемъ подробномъ изъясненіи словъ: „паси агнцевъ Моихъ" (Іоан. 21, 15) ни однимъ намекомъ (mit keiner Silbe) не говоритъ о *приматствѣ*, но полагаетъ, что здѣсь заключается только торжественное возстановленіе Петра *въ апостольскомъ достоинствѣ*, которое уже прежде было даровано ему, но котораго онъ долженъ былъ лишиться съ своимъ отреченіемъ (отъ Христа). Самый троекратный вопросъ спасителя: „любишь ли Меня?" прямо показываетъ, что Спаситель имѣлъ въ виду Петрово паденіе. Такъ и самъ Петръ понялъ слова Господа, потому что упрекъ, который онъ видѣлъ въ нихъ, возбудилъ въ немъ скорбь. Равнымъ образомъ и Лук. 22, 32, (—главное, но ложное основаніе для папской непогрѣшимости), содержитъ въ себѣ скорѣе горькій намекъ на сангвиническое непостоянство Петра, который легко увлекался минутными движеніями и поэтому нуждался въ особенной благодатной помощи, которая помогала бы ему стоять твердо 1).

---

1) По „Янусу" папа Агаѳонъ (680) первый далъ этому мѣсту папитское (papstliche) толкованіе. Этому не противорѣчитъ и Гергенретеръ („Anti-Janus", стр. 39), но онъ утверждаетъ, что и Іоаннъ VI патріархъ константинопольскій, Ѳеодоръ Студитъ и истолкователь Ѳеофилактъ Охридскій даютъ свидѣтельство за такое толкованіе. Но здѣсь съ докторомъ Гергенретеромъ случилось то, что часто встрѣчается у римскихъ патристиковъ,—т. е. они изъ фигуральныхъ изъясненій и простыхъ комплиментовъ дѣлаютъ самыя капитальные догматическ:е выводы. Ѳеофилактъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ папистъ: и Ѳеодоръ Студитъ въ своемъ 15-мъ письмѣ признаетъ ерусалимскаго епископа *первымъ изъ пяти патріарховъ*. Гдѣ свидѣтели являются такъ не послѣдовательными себѣ, тамъ не возможно придавать ихъ свидѣтельству значенія.

Еслибы папская супрематія основывалась дѣйствительно на словахъ Господа, древнѣйшіе отцы церкви, безъ сомнѣнія, должны были бы знать объ этомъ, но самъ докторъ Ньюманъ признается, что во все время до никейскаго собора, относительно этого, можно находить лишь весьма „слабые намеки“ (faint outlines), которые, если разсматривать ихъ въ отдѣльности, рѣшительно не имѣютъ силы доказательства, но могутъ быть приняты во вниманіе развѣ только какъ „cumulatives argument“ (т. е. въ соединеніи съ другими доказательствами). Въ моемъ сочиненіи „Catholic Orthodoxy“ я разсматривалъ подробно и каждый порознь всѣ эти „слабые намеки“ показалъ, что всѣ они основываются или на ложномъ основаніи, или на недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей. Докторъ Ньюманъ утверждаетъ, что папская супрематія шла путемъ догматическаго „развитія“ или „раскрытія“, и поэтому, конечно, достаточно, если для нея въ древности были самые слабые задатки. Но докторъ Ньюманъ упускаетъ изъ виду, что его „развитіе“ касается *основанія, фундамента церкви*, который естественно не могъ развиваться, такъ какъ на немъ поставлено все зданіе. Д-ръ Фрошаммеръ („Beleuchtung der päpstlichen Encyclica.“ Leipzig. 1865, s. 75 fg.) относительно этого прекрасно замѣчаетъ: „Говорятъ обыкновенно, что церковь есть организмъ и, какъ организмъ, развивается; поэтому въ началѣ полная раздѣльность частей (Gliederung) и соотношеніе ихъ съ главою, конечно, не могутъ представляться ясно и отчетливо; они выработывались постоянно. Я знаю, что это сравненіе съ организмомъ нерѣдко употребляется и помогаетъ во всѣхъ замѣшательствахъ и затрудненіяхъ. Однакожъ можно думать, что эта раздѣльность и соотношеніе частей все-таки съ достаточною ясностію существовали уже и въ самое раннее время, и что во всякомъ случаѣ то вовсе не есть особенность совершеннаго органическаго образованія, чтобы *голова* (въ организмѣ) *ясно и отчетливо развивалась послѣ и позже всего* (zuletzt und spät). Приматство, конечно, есть развитіе, только развитіе *церковнаго, но не божественнаго* учрежденія. И въ этомъ отношеніи Фрошаммеръ замѣчаетъ также совершенно вѣрно (§ 78): „Это приматство есть историческое явленіе вызванное извѣстными потребностями и отношеніями и... происшедшее по волѣ божественнаго про-

видѣнія. Только это притязаніе въ немъ на *непосредственное* божественное происхожденіе и полномочіе, это притязаніе на божескую непогрѣшимость и происходящее отсюда абсолютное тиранство (absolutische Tyrannisirung) въ духовной жизни человѣчества— это уже не оправдывается никакими историческими потребностями и отношеніями." Въ подобномъ же смыслѣ говоритъ и Пихлеръ въ своемъ недавнемъ сочиненіи о реформѣ католической церкви (Leipzig. 1870. s. 6 fg.) Для. религіи, для науки и національнаго блага нѣтъ ничего вреднѣе этой вѣры въ божественность римскаго папства. Никакое ученіе не влечетъ за собою столь пагубныхъ слѣдствій. Вредное вліяніе этого предразсудка прежде всего сказывается уже тѣмъ, что большей части католическаго клира и богослововъ *разрывъ съ Римомъ представляется разрушеніемъ самаго христіанства,* и съ другой стороны, вслѣдствіе этого именно предразсудка, уже не мало вѣрующихъ косвеннымъ образомъ пришли *къ полному религіозному индифферентизму и предались скептицизму...* Да, это одни изъ самыхъ темныхъ явленій настоящаго, что преданная папству часть католической Германіи даже въ лучшихъ, ученѣйшихъ и независимѣйшихъ личностяхъ между богословами еще доселѣ не дошла до сознанія несостоятельности и пагубности этой средневѣковой теоріи, ложь которой обнаружена болѣе, чѣмъ тысячелѣтнимъ практическимъ опытомъ; что даже либеральнаго направленія католическіе богословы доселѣ еще остаются въ опасномъ самообольщеніи, будто только въ принятіи догмата о божественномъ приматствѣ папы заключается лучшее и вѣрнѣйшее средство къ рѣшительному устраненію всякихъ вѣроисповѣдныхъ распрей.... вмѣсто того, чтобы признаться разъ навсегда, *что для этого католическаго ученія нельзя привести достаточныхъ основаній ни изъ Св. Писанія, ни изъ свидѣтельствъ древней церкви.*"

(Продолженіе будетъ.)

(Прав. Обозр.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1871 ГОДУ.

ВѢСТНИКА ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ.

СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, надѣясь укрѣпить взаимную связь, какъ съ своими многочисленными членами, такъ и съ заграничными Обществами для наибольшаго обобщенія однородныхъ желаній и взаимнодѣйствія по вопросамъ, относящимся къ обезпеченію участи раненыхъ и больныхъ воиновъ, приступило, въ текущемъ году, къ изданію своего органа.

Въ то время мысль о непосредственномъ примѣненіи къ дѣлу нашимъ Обществомъ, уже въ текущемъ году, основаній Женевской Конвенціи, разумѣется, не могла имѣть мѣста, и все то, что занимало Общество, какъ принадлежавшее болѣе къ обла-

сти мирныхъ полезныхъ лишь въ будущемъ, задачъ, не могли возбудить въ читающей публикѣ общаго вниманія.

Крымская война, постепенно отодвигаясь въ памяти все болѣе и болѣе назадъ, дѣлалась почти уже легендой, напоминавшей лишь необыкновенную храбрость и стойкость нашихъ защитниковъ отечества; бѣдствія же, перенесенныя ими тогда понемногу забывались.... Впослѣдствіи, войны на Западѣ, до 1866 г. включительно, ознакомивъ насъ съ организаціею международной помощи, хотя и вселили мысль положить основаніе у насъ Обществу съ такою же спеціальною цѣлью, тѣмъ не менѣе, все то, что касалось дѣятельности этого Общества, было извѣстно членамъ, да лишь очень ограниченному кругу читателей.

Внезапно вспыхнувшая кровая распря между двумя образованнѣйшими и могущественнѣйшими націями Европы, запечатлѣваемая еще и понынѣ кровью десятковъ тысячъ людей, приковала къ себѣ вниманіе всего міра. Лихорадочно слѣдя за всѣми перипетіями настоящей войны, все то, что касается ея, не могло, разумѣется, не возбудить общаго интереса, благодаря которому свѣдѣнія о частной и международной дѣятельности Обществъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ стали и у насъ болѣе распространенными въ публикѣ.

Этому обстоятельству „ВѢСТНИКЪ" обязанъ быстрому увеличенію числа своихъ подписчиковъ.

Но такъ какъ главная задача органа нашего Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ не удовлетворять лишь временно любопытству, а спеціально знакомить русскую публику съ завоеваніями не посредствомъ меча и крови, но съ завоеваніями сдѣланными въ наше время на поприщѣ человѣколюбія и въ области науки, для облегченія участи людей жертвующихъ своею жизнью и здоровьемъ для блага своего отечества, то, въ сихъ видахъ, популяризованіе, *въ мирное время,* свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности Обществъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, какъ у насъ такъ и за границею, преслѣдующихъ такую высокую и нелегкую задачу, можетъ одно лишь служить въ нѣкоторой степени ручательствомъ, что въ тяжкое время военныхъ и у насъ дѣйствій, мы съумѣемъ противупоставить бѣдствіямъ сопряженнымъ съ войною, вѣрный оплотъ, какъ въ матеріальныхъ средствахъ, такъ равно, что

всего важнѣе, въ законченности и стройности организаціи доброхотной помощи въ нашемъ отечествѣ,—безъ которой нельзя и ожидать существенной пользы. Какъ примѣръ послѣднему, мы укажемъ на Крымскую войну, во время которой въ пожертвованіяхъ, стекавшихся со всей Россіи, недостатка не было; тѣмъ не менѣе какимъ тяжкимъ лишеніямъ подвергались наши раненые и больные—едва возможно себѣ представить. Съ другой стороны, мы видимъ какихъ необыкновенно утѣшительныхъ результатовъ достигла частная и международная организованная помощь въ настоящую войну; благодаря этимъ лишь результатамъ, консервативная хирургія могла сдѣлать такіе успѣхи, какихъ въ минувшее время нельзя было и ожидать,—успѣхи, о которыхъ свидѣтельствуетъ нашъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ.

„Вѣстникъ Общ. попеч. о ранен. и больн. воинахъ“, становясь посему органомъ, предназначаемымъ не только для укрѣпленія взаимныхъ связей и обобщенія однородныхъ желаній между соименными Обществами, посвятившими труды свои спеціальной цѣли попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, но и проводникомъ полезныхъ и необходимыхъ знаній, входящихъ въ кругъ дѣятельности ихъ, надѣется посему пріобрѣсти вниманіе всей образованной, читающей русской публики.—Редакція „ВѢСТНИКА“, съ своей стороны, употребитъ для того всѣ усилія свои.

„Вѣстникъ Общ. попеч. о ранен. и больн. воинахъ“ будетъ издаваться въ будущемъ году для удобства чтенія въ другомъ форматѣ.—Программа его нижеслѣдующая:

1) Сообщеніе протоколовъ общихъ собраній Общества и засѣданій Главнаго Управленія.

2) Сообщеніе свѣдѣній о дѣятельности мѣстныхъ управленій, уѣздныхъ отдѣловъ и дамскихъ комитетовъ, равно и однородныхъ Обществъ за границею.

3) Представленіе отчетовъ о нововведеніяхъ и улучшеніяхъ по предметамъ, входящимъ въ область дѣятельности Общества, съ подробными описаніями и объясненіями тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ быть примѣнимы въ Россіи.

4) Статьи спеціальныя по военной гигіенѣ.

5) Обзоры замѣчательнѣйшихъ сочиненій по какой-либо изъ отраслей знаній, входящихъ въ число занятій Общества.

6) Отчеты о денежныхъ сборахъ и расходахъ и о пожертвованіяхъ, съ обозначеніемъ именъ жертвователей.

7) Свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ членовъ; извѣщенія о вновь вступающихъ членахъ и о вновь открываемыхъ управленіяхъ, отдѣлахъ и дамскихъ комитетахъ.

8) Смѣсь. Сюда войдутъ извѣстія разнаго рода и заявленія членовъ Общества.

„*Вѣстникъ Общ. попеч. о ранен. и больн. воинахъ*" выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ одного листа и болѣе, кромѣ приложеній, которыя также будутъ разсылаться подписчикамъ. Подписная цѣна за все годовое изданіе, 12 №№, съ доставкою на домъ и пересылкою, *одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ серебромъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ *Главномъ Управленіи* (въ С.-Петербургѣ, въ д. Министерства Государственныхъ Имуществъ); 2) во всѣхъ *Мѣстныхъ Управленіяхъ. Кромѣ того:* въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ: а) русскихъ и иностранныхъ книгъ и нотъ Якова Алексѣевича *Исакова* въ Гостинномъ дворѣ, № 27; б) русскихъ книгъ А. Ѳ. *Базунова,* на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. *Соловьева,* на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

Въ Одессѣ: въ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Харьковѣ: у книгопродавца-издателя Н. В. *Масловича*—Екатеринославская ул., д. № 12.

Желающихъ помѣщать свои статьи или какія либо свѣдѣнія въ „ВѢСТНИКѢ", покорнѣйше просятъ доставлять ихъ въ Главное Управленіе или въ Редакцію (Конногвардейскій бульваръ, д. Утина, № 20, кв. № 46, входъ съ Замятина переулка).

Редакторъ Д-ръ мед. *І. В. Бертенсонъ.*

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ" въ 1871 году.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей", издаваемый по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1871 году, и начнетъ съ 1-го января свой двѣнадцатый годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль—способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно потому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей", по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Сѵнодомъ, будутъ входить:

I. Поученіе къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для приходскаго пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріала избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты, наставленія, пригодныя священнику

въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣденія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ. особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности свѣденія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полутора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *а съ* пересылкою *во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1871 года.*

Въ редакціи имѣются экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1863, 1864, 1865 и 1870 годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ, съ пересылкою 5 руб. серебр., за исключеніемъ экземпляровъ 1861 и 1865 г., которые можно получать по 4 руб. съ пересылкою.

Продаются изданныя ею слѣдующія книги:

1. *Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по поступкамъ и преступленіямъ священно-и церковно-служителей.* Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп.

2. *Законныя требованія новыхъ судебныхъ установленій въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія.* Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу подробный *„Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно“.* Цѣна 35 коп. съ пересылкою. Подписчики „Руководства для сельскихъ пастырей“ на 1871 г. получатъ этотъ „Указатель“ безвозмездно.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться въ редакцію *„Руководства для сельскихъ пастырей“, въ Кіевѣ.*

Редакторъ, ректоръ кіевской семинаріи,
архимандритъ *Ѳерапонтъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ЛИТОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"
въ 1871 году.

Въ будущемъ 1871 году, Литовскія Епархіальныя вѣдомости будутъ издаваться по утвержденной Св. Сѵнодомъ программѣ.

Въ составъ Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей войдутъ слѣд. отдѣлы: 1) *Правительственныя распоряженія;* 2) *Мѣстныя епархіальныя распоряженія и извѣстія.* 3) *Церковная лѣтопись,* въ которую войдутъ распоряженія и извѣстія изъ другихъ епархій, а именно: о новомъ устройствѣ приходскихъ штатовъ, о ходѣ духовно-учебной реформы, о мѣрахъ къ обезпеченію семейнаго быта духовенства и о др. болѣе выдающихся дѣлахъ въ жизни церковно-общественной. 4) *Отдѣлъ Неоффиціальный*—корреспонденціи и статьи, касающіяся практическихъ вопросовъ, по преимуществу, изъ мѣстной жизни и быта церкви и духовенства, а равно статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Сюда въ частности, войдутъ свѣдѣнія о религіозно-нравственной жизни народа и средствахъ къ возвышенію ея; о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, объ особенно чтимыхъ святыняхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, объ устройствѣ народныхъ школъ и успѣхахъ народнаго образованія и т. п., также описаніе древнихъ церквей, монастырей, соборовъ,—жизнеописанія пастырей и др. лицъ Литовской епархіи, оставившихъ послѣ себя добрую память своею благочестивою жизнію и дѣятельностію.

Литовскія Епарх. вѣдомости будутъ издаваться отдѣльными номерами—два раза въ мѣсяцъ; объемъ каждаго номера до двухъ листовъ.

Цѣна годовому изданію *пять руб. серебр.* съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Подписка принимается *въ Г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епарх. вѣдомостей, у Свящ. І. Котовича, при Пречистенскомъ Соборѣ,* а равно и у оо. *благочинныхъ* здѣшней епархіи. Гг. иногородные подписчики должны ясно и четко обозначать свое званіе, имя фамилію, мѣстожительство

мѣсто почтовой конторы, чрезъ которую они находятъ удобнымъ получать Епархіальныя вѣдомости.

Редакція проситъ духовенство мѣстной епархіи, а равно и др. **лица** дѣятельнымъ образомъ принять участіе въ трудахъ ея на общую пользу. Страницы вѣдомостей будутъ доступны, по возможности, не только вполнѣ обработаннымъ статьямъ, но даже бѣглымъ замѣткамъ и наблюденіямъ.

Редакція Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей проситъ редакціи др. вѣдомостей, газетъ и журналовъ мѣняться съ нею своими изданіями и въ будущемъ 1871 году.

Редакторъ, священникъ *Іоаннъ Котовичъ.*

О ПОДПИСКѢ

НА „МОГИЛЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.“

на 1871 годъ.

Въ 1871 году *„Могилевскія Губернскія Вѣдомости“* будутъ издаваться въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ издаются въ настоящее время.

Въ неоффиціальной части, по прежней программѣ, будутъ помѣщаться телеграммы, иностранныя и внутреннія извѣстія, мѣстная хроника, общеинтересныя и общеполезныя свѣдѣнія.

Редакція постарается, чтобъ Могилевскія Вѣдомости, служа по преимуществу мѣстнымъ интересамъ, въ тоже время удовлетворяли любознательности читателей въ дѣлахъ иностранной политики и внутренней русской общественной жизни.

При этомъ редакція проситъ мѣстное общество оказать содѣйствіе къ расширенію «мѣстнаго» отдѣла Вѣдомостей сообщеніемъ ей всякаго рода наблюденій, свѣдѣній и замѣтокъ по губерніи, не стѣсняясь формою ихъ.

Цѣна Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей:

	Безъ пересылки.	Съ пересылкою.
За годъ . . .	4 руб.	4 руб. 80 коп.
— полугодіе . .	2 — 50 к.	3 — — —
— три мѣсяца .	1 — 50 —	1 — 80 —

Отдѣльные номера будутъ продаваться по 10 коп.

Обязательные подписчики должны выслать слѣдуемыя деньги не позже 15-го Января.

Подписка принимается въ Газетномъ столѣ Губернскаго Правленія и въ Могилевскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, а также въ квартирахъ Гг. Исправниковъ и Становыхъ Приставовъ.

Лекокъ, агентъ сыскной полиціи, соч. Габоріо. Цѣна 1 р. 50 коп.

Риѳмы Дебютанта, (Скорбнаго поэта). (Собраніе стихотвореній). Ц. 75 к.

Балетный міровъ. Цѣна 1 руб. сер.

Проектъ драматическаго класса, составилъ режиссеръ Е. Воропонъ. Цѣна 25 коп.

Подписчики на „Петербургскій Листокъ" пользуются уступкою въ размѣрѣ 20%.

ВЫШЛА

Тома II первая часть

АРХИВА

„ВИЛЕНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА"

ИЗДАВАЕМАГО

АНДРЕЕМЪ ЭНГЕЛЕМЪ.

ВИЛЬНА 1870.

Цѣна 1 р. 25 к. безъ пересылки; съ пересылкою 1 р. 50 к.

Желающіе пріобрѣсти означенную книгу благоволятъ обратиться или къ самому издателю или въ главнѣйшіе книжные магазины въ Вильнѣ: Сыркина, Завадзкаго и Лямбека.

Цѣна перваго тома (подъ заглавіемъ Описаніе Дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго Генералъ-Губернаторства)—3 р. 25 к. безъ пересылки; съ пересылкою 4 рубли.

Содержаніе 11-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.